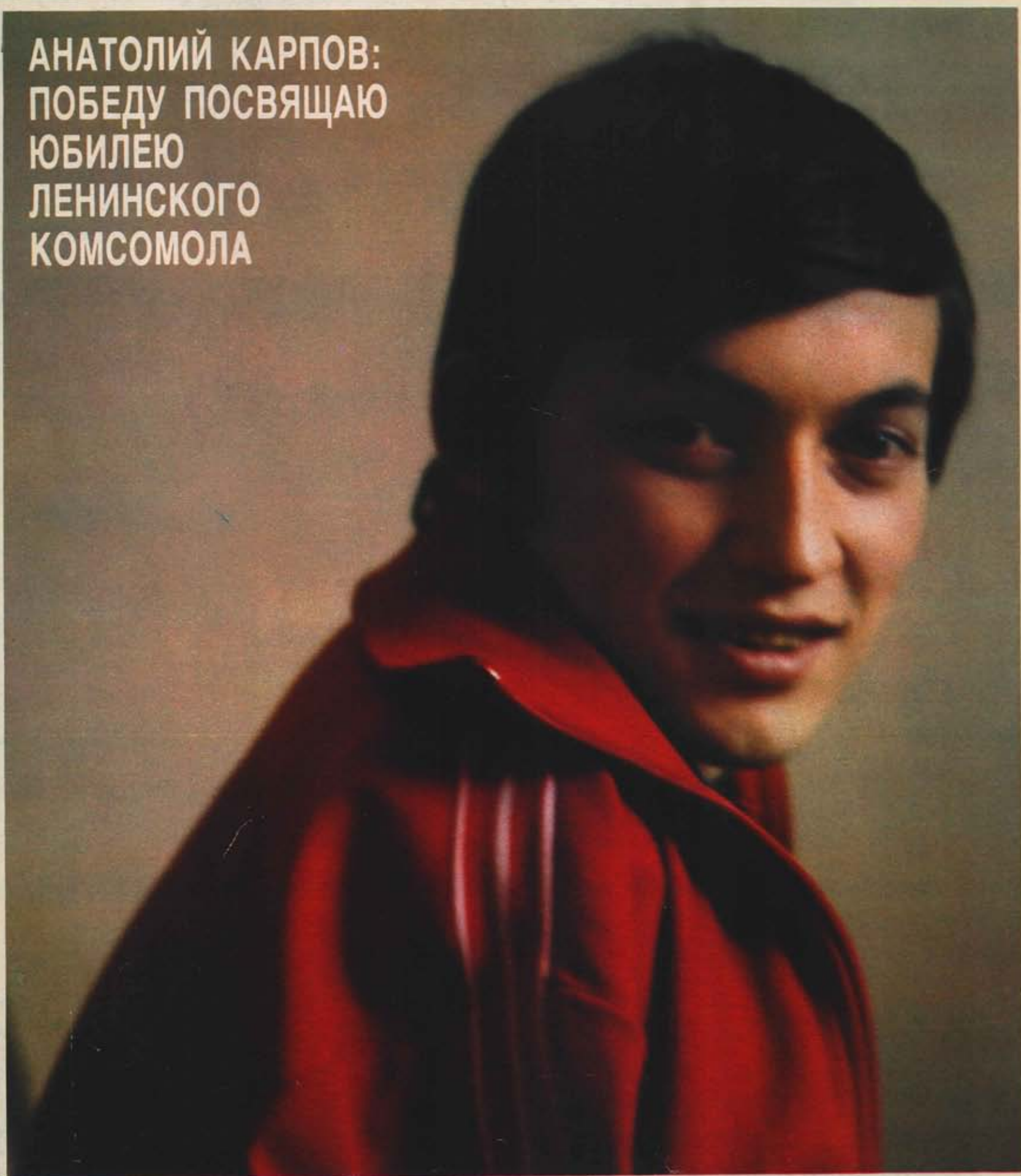

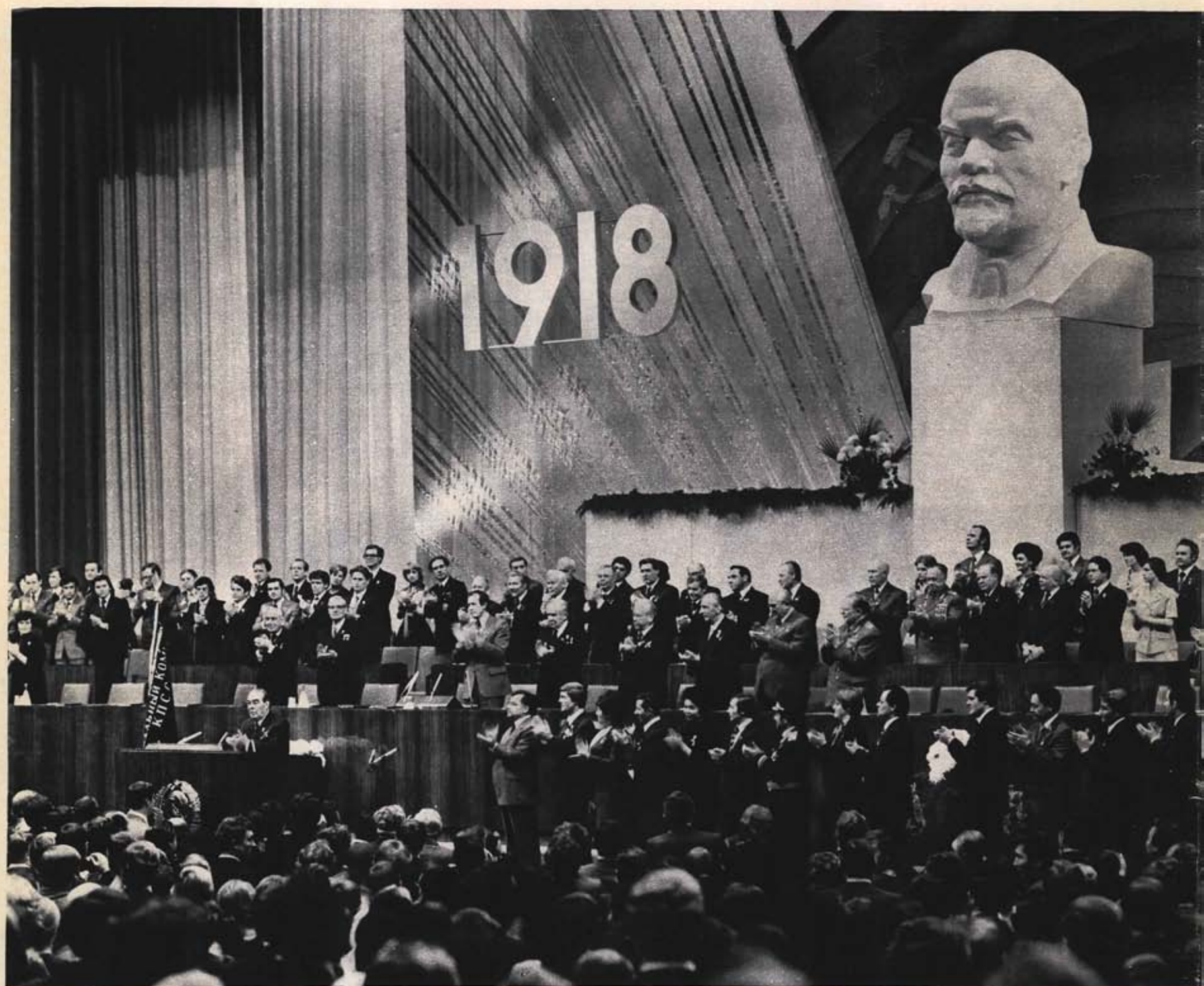
СМЕНА

№ 23 ДЕКАБРЬ 1978

АНАТОЛИЙ КАРПОВ:
ПОБЕДУ ПОСВЯЩАЮ
ЮБИЛЕЮ
ЛЕНИНСКОГО
КОМСОМОЛА

ЗНАМЕНИ РЕВО

Выступление товарища Л. И. БРЕЖНЕВА

Дорогие товарищи комсомольцы!
Уважаемые ветераны партии и комсомола!

Уважаемые зарубежные гости!
Дорогие друзья!

Центральный Комитет нашей партии принял решение: в связи с 60-летием ВЛКСМ и отмечая большие заслуги комсомола в коммунистическом строительстве, наградить Всесоюзный Ленинский Коммунистический Союз Молодежи памятным Красным Знаменем Центрального Комитета Коммунистической партии Советского Союза. **(Бурные, продолжительные аплодисменты. Все встают).**

Это особая награда. Красное Знамя — символ революции, символ самоотверженной борьбы за свободу и счастье людей труда.

Под красным знаменем большевики во главе с великим Лениным вели трудящихся на баррикады, на штурм Зимнего, на штурм старого мира. С этим знаменем советский народ под руководством своей Коммунистической партии одержал всемирно-исторические победы в кровавых боях с фашистским агрессором, в строительстве нового общества и ныне уверенно идет по пути строительства коммунизма.

Под революционные знамена встают в наше время все новые и новые миллионы людей планеты — таков поступательный, закономерный ход истории.

Красное Знамя — это награда всем поколениям комсомольцев.

Тем, кто ходил в стремительные ата-

ки Первой Конной, возводил Днепротэс и Магнитку, водрузил Знамя Победы над рейхстагом.

Тем, кто восстанавливал разрушенное войной народное хозяйство и поднимал целину.

Тем, кто сегодня по велению своего комсомольского сердца трудится на заводах и стройках, на полях и фермах, кто посвятил себя делу образования и охраны здоровья народа, кто стоит на страже мира и безопасности любимой Родины. **(Продолжительные аплодисменты).**

Словом — всем, кто беззаветно борется за претворение в жизнь величественных планов коммунистического строительства.

Еще на III съезде комсомола в октябре 1920 года Ленин призывал комсо-

мольцев задачей своей жизни сделать строительство коммунистического общества, призывал к тому, «чтобы каждый день в любой деревне, в любом городе молодежь решала практически ту или иную задачу общего труда, пускай самую маленькую, пускай самую простую». Это слова Ленина. **(Продолжительные аплодисменты).**

Эти ленинские слова остаются программой действий и для вас — советской молодежи 70-х годов.

Комсомол и сегодня есть ленинская ударная бригада, десятки миллионов членов которой, молодых энтузиастов, вершат великие дела. Нет, они не только пробивают через тайгу, горы и вечную мерзлоту магистраль от Байкала за Амур, преобразуют Нечерноземье, ставят крупнейшие гидроэлектростанции.

ЛЮБЯЩИЕ—ВЕРНЫЕ

ции на Енисее и Ангаре. Они движут вперед все наше коммунистическое дело, утверждая своим примером истину марксизма-ленинизма, соединяя достижения современной науки с трудом на благо народа. **(Продолжительные аплодисменты.)**

XXV съезд КПСС поставил конкретные и вместе с тем величественные задачи социального, хозяйственного, духовного развития нашей Советской Родины. За каждый день теперь мы проходим дистанцию, которая прежде требовала недель, а может быть, и месяцев. Это подчеркивает вес, значение всего, что мы с вами делаем, и ответственность, которую мы добровольно, по убеждению, как коммунисты и комсомольцы, приняли на себя. Ответственность за все—и за успех, и за сбой. Ответственность за достижение такой организованности и сознательности, такого развития производительных сил, которые сделают реальностью коммунистические идеалы.

Вручая нашей юной смене Красное Знамя, мы, коммунисты, твердо уверены: Ленинский комсомол с честью будет и впредь оправдывать доверие партии, отдавать все свои силы на благо нашей социалистической Отчизны!

От всей души поздравляю вас, дорогие друзья, с почетной и высокой наградой партии. **(Бурная, продолжительная овация. Все встают.)**

Будьте всегда верны Знамени революции! **(Бурные, продолжительные аплодисменты.)**

Пусть Красное Знамя с изображением великого Ленина вдохновляет вас на новые свершения во имя торжества коммунизма! **(Бурные, продолжительные аплодисменты. Участники торжественного заседания скандируют: «Коммунистической партии Советского Союза—слава! Слава! Слава!», «КПСС!», «Слава ленинскому ЦК!». Под сводами дворца звучит мощное «Ура!».)**

ВСЕСОЮЗНОМУ ЛЕНИНСКОМУ КОММУНИСТИЧЕСКОМУ СОЮЗУ МОЛОДЕЖИ

Центральный Комитет КПСС горячо приветствует и сердечно поздравляет комсомольцев, всю советскую молодежь с большим праздником—60-летием Всесоюзного Ленинского Коммунистического Союза Молодежи.

Созданный по инициативе великого Ленина, комсомол под руководством Коммунистической партии прошел большой и героический путь. С комсомолом, его славной историей неразрывно связана биография всех поколений советских людей. В его рядах прошли школу коммунистической закалки почти 150 миллионов человек. Союз молодых ленинцев ярко олицетворяет революционный порыв, романтику, вечную молодость Страны Советов, стремление юношей и девушек жить, работать и бороться по-ленински, по-коммунистически.

Вместе с коммунистами, со всем трудовым народом комсомольцы бесстрашно сражались на фронтах гражданской и Великой Отечественной войн, самоотверженно трудились на стройках первых пятилеток и послевоенного возрождения. Ленинский комсомол внес большой вклад в построение общества развитого социализма, выступает активной созидательной силой, боевым организатором советской молодежи. Трудовые и ратные подвиги комсомола по достоинству отмечены Родиной—на его знамени шесть орденов Советского Союза!

Комсомольцы семидесятих годов свято берегут замечательные традиции Коммунистической партии, советского народа, достойно продолжают великое дело старших поколений. Молодежь настойчиво борется за осуществление исторических решений XXV съезда КПСС, за повышение эффективности производства и качества работы. По-боевому, с присущей ей энергией она участвует в освоении богатств Сибири и Дальнего Востока, преобразовании Нечерноземья, овладевает знаниями, достижениями науки, техники и культуры. ВЛКСМ помогает партии воспитывать у юной смены высокую идейную убежденность, трудолюбие, нравственную чистоту, готовность в любую минуту встать на защиту социалистического Отечества. Всеми своими делами комсомол с честью доказывает право называться ударным отрядом молодых строителей коммунизма.

В условиях зрелого социализма созданы исключительно благоприятные возможности для всестороннего и гармонического развития молодого поколения. Широкие горизонты для проявления творческой активности Ленинского комсомола, всей советской молодежи открыла новая Конституция СССР.

Центральный Комитет КПСС выражает твердую уверенность в том, что комсомол, тесно сплоченный вокруг партии, будет и впредь идти в первых рядах созидателей нового общества, воспитывать у молодежи марксистско-ленинское мировоззрение, готовность, волю и умение строить коммунизм.

Да здравствует Всесоюзный Ленинский Коммунистический Союз Молодежи—боевой помощник и надежный резерв КПСС!

Слава молодому поколению нашей великой Родины!

Под руководством Коммунистической партии—вперед, к победе коммунизма!

Центральный Комитет
Коммунистической партии
Советского Союза

НАША ОБЛОЖКА:
ЧЛЕН ЦК ВЛКСМ
ЧЕМПИОН МИРА
ПО ШАХМАТАМ
АНАТОЛИЙ КАРПОВ.
ФОТО
ДМИТРИЯ ДОНСКОГО.
(МАТЕРИАЛ
О ПЕРВЕНСТВЕ МИРА
ПО ШАХМАТАМ ЧИТАЙТЕ
НА 15-Й СТРАНИЦЕ).

- 1 ВЛКСМ—60 ЛЕТ.
- 2 «...И ПРОЖИТЫЙ ДЕНЬ—ЭТО ВЕРНОСТЬ ОТЦАМ».
- 4 ПТУ—ЦЕХ ЭКОНОМИКИ № 1.
Лев МАКСИМОВ. «НЕСТАНДАРТНЫЕ СИТУАЦИИ».
- 5 Наталья ДЯГИЛЕВА. «ФУНДАМЕНТЫ УВЛЕЧЕННОСТИ».
- 6 Вацлав МОРКУНАС. «ДИКТУЕТ ВРЕМЯ...».
«КУЛИБИН ИЗ БАРАНОВИЧЕЙ». Фотоочерк
Валерия ГУРИНОВИЧА и Анатолия МОРКОВКИНА.
- 8 «КАПЛИ ТЕПЛОГО ДОЖДЯ». Рассказ Виктора ПОТАНИНА.
- 12 МАРШРУТЫ БЕССМЕРТИЯ. «КРОНШТАДТ».
Фотоочерк Виктора КОНЕЦКОГО и Владимира
ЧЕИШВИЛИ.
- 15 «И ЧЕМПИОН СТАЛ ЧЕМПИОНОМ».
- 16 РАССКАЗ О ЛАУРЕАТЕ ПРЕМИИ ЛЕНИНСКОГО
КОМСОМОЛА.
Юрий ТЮРИН. «ОТ ЛИЦА ПОКОЛЕНИЯ».
- 18 ПИСЬМО ЧИТАТЕЛЮ. Елена ВЕЧТОМОВА.
«С ЛЮБИМЫМИ НЕ РАССТАВАЙТЕСЬ».
- 20 ЭТЮДЫ О ХУДОЖНИКАХ.
Иван КУПЦОВ. «ВЕХИ СЛОЖНОГО ПУТИ».
- 22—23 Стихи Петру ДУДНИКА. Колау НАДИРАДЗЕ.
Николая ШУМАКОВА. Бориса СОКОЛОВА.
- 24 СИЛУЭТЫ. «ОДОЕВСКИЙ». Очерк Всеволода САХАРОВА.
- 27 Стихи Анатолия СМЕРНОВА.
- 28 Фантастический роман Александра и Сергея АБРАМОВЫХ
«ВРЕМЯ ПРОТИВ ВРЕМЕНИ».
- 31 РЕПОРТАЖ ОБ ИНТЕРЕСНОМ. «НА «БУРАНАХ» В ПУРГУ».

Главный редактор А. А. ЛИХАНОВ

Редколлегия: В. С. ГЛЕБОВ, Б. Л. ДАНОШЕВСКИЙ,
В. И. ДЕСЯТЕРИК, А. Ю. КОМАРОВ, А. П. КУЛЕШОВ, В. В. ЛУЦКИЙ
(заместитель главного редактора), В. Г. ПОВЕДОНОСЦЕВ (ответ-
ственный секретарь), Р. И. РОЖДЕСТВЕНСКИЙ, Е. И. РЯБЧИКОВ,
В. А. САЮШЕВ, В. И. СЕВАСТЬЯНОВ, Г. С. ТЕРЗИБАШЬЯНЦ (глав-
ный художник), Б. А. ФАИН, Д. Н. ФИЛИППОВ, О. Н. ШЕСТИНСКИЙ.

Художник В. В. Вантросов. Технический редактор Л. И. Курлыкова.

© Издательство «Правда» «Смена», 1978 г.

И ПРОЖИТИ ЭТО ВЕРНО

Они стояли на авансцене и, чуть прищурившись, вглядывались в зал. Нет, им не был непривычным яркий свет юпитеров—за свою жизнь они, люди разных поколений, люди, чьи имена стали гордостью Ленинского комсомола, не раз стояли в лучах прожекторов, давали интервью и выступали с самых высоких трибун. Но к сегодняшнему вечеру они не готовили речей. Они просто стояли и смотрели в зал. Наверное, им всем—и убежденным сединой и еще совсем недавно платившим комсомольские взносы—было немного грустно. Потому что на празднике юности каждый вспоминает свою юность.

Им есть что вспомнить, есть что рассказать «о времени и о себе». Но, как писал в своей книге «Возрождение» Леонид Ильич Брежнев, «оглядываясь назад, вспоминая сделанное, мы обычно черпаем из этого опыта то, что годится сегодня и полезно на будущее».

Полезно на будущее... Будущее же собралось в тот день в этом зале, главном зале страны. Вот почему так пристально всматривались ветераны в тысячелицую аудиторию, стараясь разглядеть каждого. Каждого из этих, с комсомольскими значками на груди, парней и девушек, которые разом поднялись с алых кресел Кремлевского Дворца съездов и, стоя, громом оваций приветствовали ветеранов, делегатов первых съездов комсомола—секретаря ЦК РКСМ тех лет Римму Юровскую и секретаря МК комсомола Екатерину Логинову.

Без представления узнавали комсомолцы семидесятых легендарных стахановцев—Героев Социалистического Труда Марину Гнатенко и Александра Бусыгина, первостроителей уральской Магнитки Александра Шатилина и Московского метрополитена Татьяну Федорову. А кто из нынешних молодых не слышал о Валентине Хетагуровой, по почину которой в тридцатые годы тысячи девушек ехали осваивать Дальний Восток!

Яркими страницами в историю страны вошли свершения на ниве науки и техники, культуры и спорта, свершения таких воспитанников комсомола, как академик, лауреат Ленинской премии, бывший рабфаковец Николай Дубинин, как руководитель беспримерного дрейфа ледокола «Георгий Седов», Герой Советского Союза, капитан Константин Бадигин, как первый советский чемпион мира по шахматам, профессор Михаил Ботвинник.

Никогда в памяти народа не будет забыт подвиг тех, кто в суровых боях с фашизмом отстоял свободу и независимость нашей страны. «Около 11 миллионов комсомольцев на фронте и в партизанских отрядах, в подполье и в тылу показали величайшие образцы героизма, сыновнюю преданность матери Родине»,—говорил в своем выступлении первый секретарь ЦК ВЛКСМ Б. Н. Пастухов.

Вот они—шестеро из комсомольского поколения 40-х годов, шестеро из 11 миллионов—стоят на сцене праздничного Дворца съездов: Герой Советского Союза, пехотинец Мелитон Кантария; участник Курской битвы, дважды Герой Советского Союза летчик-космонавт Георгий Береговой; член штаба «Молодой гвардии» Василий Левашов; мужественный малоземец, помощник по

комсомолу начальника политотдела прославленной 18-й армии Гурий Юркин; Герой Советского Союза, командир партизанской бригады Виктор Ливенцев; бригадир комсомольско-молодежной фронтовой тракторной бригады, Герой Социалистического Труда Дарья Гармаш.

И следующее комсомольское поколение, поколение тех, кто восстанавливал разрушенные войной города и села, возводил гиганты социалистической индустрии, осваивал целину и бескрайние просторы Сибири и Дальнего Востока—поколение Героев Социалистического Труда первоцелинника Михаила Довжика, знатных текстильщиц Валентины Гагановой и Зои Пуховой, ленинградского наставника молодежи Бориса Журавлева и одного из первооткрывателей тюменской нефти Фармана Салманова.

...Многие из собравшихся на торжественное заседание, посвященное 60-летию ВЛКСМ, лишь по рассказам, книгам и кинофильмам знают то время, которое представляют сейчас ветераны комсомола, стоящие на сцене. Но не зря поется в песне: «...то, что было не со мной, помню».

В одном городе комсомолцы 70-х годов, собираясь в поход по местам боев гражданской войны, решили совершить его в форме конников тех лет. И девчонки со швейной фабрики, пожалуй, ни разу не державшие в руках настоящую буденовку, неведомым чутьем уловили ее покрой и сшили точно такие же.

Интуитивная память поколений. Нерушимая связь поколений. Шесть десятилетий разделяют первых комсомольцев и тех, кто сегодня взволнованно принимает из рук секретаря райкома алую книжечку с профилем Ильича на обложке. Но, как молоденький листочек дерева, ни разу не видевший его корней, связан с ними в единый организм, так и поколения советских людей, поколения комсомольцев едины в своем органическом взаимодействии.

И этот момент торжественного заседания—момент, когда понятие «единство поколений» предстало перед каждым присутствующим в своей явственной зримости,—этот момент был одним из самых главных в тот вечер.

Об этом говорил и Генеральный секретарь ЦК партии, товарищ Леонид Ильич Брежнев, вручая представителем комсомола памятное Красное Знамя ЦК КПСС:

«Красное Знамя—это награда всем поколениям комсомольцев».

Нет в нашей стране семьи, которая не была бы кровно связана с комсомолом. И потому история молодежного союза—это не какая-то отдельная летопись, это история всей Страны Советов, это свод судеб тысяч и тысяч людей. Быстро проходили юношеские годы у человека, но вечна Молодость на земле. И вечны ее идеалы. И всегда как credo молодых коммунистов вчерашнего, сегодняшнего и завтрашнего дней будут восприниматься слова воззвания Оргбюро по созыву I Всесоюзного съезда Союзов молодежи, слова, прозвучавшие 60 лет назад: «Мы—борцы... Нам не страшны бури... Для нас нет средних путей, а один-единственный курс—на социализм...»

Символично, что на праздновании юбилея комсомола сразу после приветствия ветеранов в зал Дворца съездов

ЫЙ ДЕНЬ- ТЬ ОТЦАМ

под звуки пионерских горнов вошла красногустая смена комсомола. И пусть для того, чтобы дотянуться до микрофона на трибуне, этим мальчишкам и девочкам пришлось подставить принесенные с собой скамейки, голос их звучал громко и уверенно:

Ленинский комсомол!

*Какое счастье быть с тобою рядом,
Вслед за тобой в грядущее шагать!*

Да, именно шагами в грядущее можно сегодня мерить свершения комсомольцев. Всего четыре года назад из этого же зала отправился первый отряд молодых добровольцев на строительство магистрали, название которой тогда еще звучало ново и непривычно—БАМ. А сегодня мы без особого удивления воспринимаем посвященную 60-летию комсомола большую победу бамовцев—сообщение о первом эшелоне южнокутского угля, доставленного по стальной магистрали Беркалит—Тында к промышленным предприятиям Амурской области, сообщение, знаменующее собой начало промышленной отдачи «стройки века».

Таков ритм нашего времени. И таков комсомольский характер—опережать время. Семь миллионов молодых рабочих и колхозников, триста тысяч комсомольско-молодежных коллективов выполнили к юбилею комсомола задания трех лет пятилетки.

Можно бесконечно множить примеры трудового героизма советской молодежи, доказывающие, что комсомольцы 70-х годов верны идеалам отцов. Можно рассказать о делах ударных отрядов, осваивающих богатства комсомольского края—Сибири и преобразующих Нечерноземье, о труде молодых хлеборобов Украины и Казахстана, вместе со старшими товарищами сдавшими стране более двух миллиардов пудов зерна, о комсомольских вахтах Магнитки, о возведении олимпийских объектов... Поистине всюду молодость Советской страны вносит свой достойный вклад в строительство коммунистического общества.

Где истоки такого массового энтузиазма? Когда был выкован комсомольский характер? Вопросы эти—риторические, ответ на них известен каждому школьнику. Но вот скупые строки хроники, поражающие больше, нежели самые яркие слова:

Год 1935-й, август. Алексей Стаханов выполнил за смену 14 норм.

Год 1978-й, юбилейный комсомольский, апрель. Михаил Михайлов—18 норм.

22 октября этого же года. Иван Голубятников—20 норм.

И, наконец, за четыре дня до юбилея, 25 октября, новое сообщение из Донбаса: Николай Шетинин—26 норм!

Возможно, когда читатели получат этот номер журнала, рекордная цифра еще увеличится.

Это ли не конкретный пример преемственности поколений советских людей, преемственности комсомольцев всех десятилетий!

Хорошо сказал на торжественном заседании токарь Московского автомобильного завода имени Ленинского комсомола, лауреат премии Ленинского комсомола Николай Махонин: «Замечательное это слово—«пятилетка»! Оно вобрало в себя ударничество, мастерство, энтузиазм и творчество масс. Это хорошо видно на примере нашего завода. Он—детище первой пятилетки. Когда

несколько сотен людей с лопатами начинали его строить, один из магнатов американской автомобильной промышленности заявил: «Я сочувствую вашему стремлению построить автомобильный завод... но, поверьте мне, если вы будете «жадничать» и пытаться создавать у себя на голой земле новую промышленность снизу доверху, не выйдет ничего!» Да, это был смелый вызов времени. Каждый старался сделать больше, чем от него ждали. У рабочего места ударников висели плакаты «Мастер, повысь мне норму!». Прошел лишь год, и на заводе была собрана первая машина».

Сегодня с конвейера АЗЛК автомобили сходят почти каждую минуту. И этому уже никто не удивляется. Ни на Западе, ни у нас в стране. Горе-пророки за рубежом, не раз уже обжегшись на своих несбывшихся пророчествах, предпочитают сейчас тихо замалчивать наши успехи. Мы же, советские люди, привыкли к большим цифрам, привыкли к рекордам, привыкли к тому, что задачи партии страна выполняет с честью. Это не привычка успокоенности и равнодушия, это привычка уверенности. Уверенности в правильном курсе, которым Коммунистическая партия ведет народ, уверенности в завтрашнем дне, в завтрашних новых свершениях.

Советской молодежи многое дано—возможность работать, учиться, дерзать, творить. Возможность свободно решать свою судьбу, строить свое счастье и возможность участвовать в управлении государством. Достаточно сказать, что более 720 тысяч комсомольцев избраны в Советы народных депутатов. Подчеркивая возрастающую роль комсомола в обществе развитого социализма, новая Конституция нашей страны предоставила ВЛКСМ право законодательной инициативы в Верховном Совете СССР.

Новой высокой оценкой деятельности комсомола стало награждение его памятным Красным Знаменем Центрального Комитета Коммунистической партии Советского Союза. Эта почетная награда, приветствие ЦК КПСС комсомолу, по-отечески теплые, окрыляющие и вдохновляющие слова товарища Л. И. Брежнева, обращенные к молодому поколению страны, зовут 38 миллионов комсомольцев, всю советскую молодежь к новым свершениям и подвигам, к самоотверженному труду на переднем крае коммунистического строительства.

Клятвой поколения семидесяти годов прозвучало на Красной площади вдохновенное «Слово к партии»:

«Заверяю тебя, родная партия, верные революционным, боевым и трудовым традициям советского народа, мы всегда будем твердо и неустанно идти по ленинскому пути, учиться, работать и бороться по Ленину, воспитывать славных сыновей и дочерей, именами которых будет гордиться весь советский народ».

Впереди у комсомола—новые замечательные дела, новые адреса трудовых подвигов, новые высоты и новые победы. Говоря словами поэта,

*Как мало еще нам исполнилось лет.
И вечная молодость. Старости нет.
И жизнь наша с вами—еще целина.
Добра и надежды взошли семена.
И прожитый день—это верность
отцам.*

И память с мечтою у нас пополам.

ГЛАВНАЯ ПЛОЩАДЬ СТРАНЫ. ЗДЕСЬ СОСТОЯЛАСЬ МАНИФЕСТАЦИЯ КОМСОМЛЬЦЕВ МОСКВЫ И МОСКОВСКОЙ ОБЛАСТИ, ПОСВЯЩЕННАЯ 60-ЛЕТИЮ ВЛКСМ.

АВТОГРАФ ВЕТЕРАНА.

150 МИЛЛИОНОВ СОВЕТСКИХ ЛЮДЕЙ ПРОШЛИ ШКОЛУ ЛЕНИНСКОГО КОМСОМОЛА.

60 МИЛЛИОНОВ КОМСОМЛЬЦЕВ, ЮНОШЕЙ И ДЕВУШЕК, ВЕТЕРАНОВ ПАРТИИ И КОМСОМОЛА ПРИНЯЛИ УЧАСТИЕ ВО ВСЕСОЮЗНОМ КОМСОМЛЬСКОМ СОБРАНИИ «ЗАВЕТАМ ЛЕНИНА ВЕРНЫ».

3 ТЫСЯЧИ ПОСЛАНЦЕВ КОМСОМОЛА СО ВСЕЙ СТРАНЫ СОСТАВИЛИ ВСЕСОЮЗНЫЙ УДАРНЫЙ ОТРЯД ИМЕНИ 60-ЛЕТИЯ ВЛКСМ, НАПРАВЛЕННЫЙ НА ПРЕОБРАЗОВАНИЕ НЕЧЕРНОЗЕМЬЯ.

«Заводская проходная третьего тысячелетия» — так называлась проблемная статья, опубликованная в № 3 журнала «Смена» за 1978 год. Ее автор, первый заместитель председателя Государственного комитета СССР по профессионально-техническому образованию, член редколлегии нашего журнала В. А. Сапожен, размышляя о современном уровне и путях подготовки молодой рабочей смены, поставил целый ряд важных вопросов, решение которых имеет принципиальное значение для развития советской экономики, всего нашего общества. Статья вызвала широкий отклик. Некоторые из писем, поступивших в редакцию, мы предлагаем вниманию читателей.

НЕСТАНДАРТНЫЕ СИТУАЦИИ

Лев МАКСИМОВ,
председатель Государственного
комитета Белорусской ССР
по профессионально-
техническому образованию.

Воспитать человека будущего... Но «...будущее, — как подчеркивает товарищ Леонид Ильич Брежнев, — не находится за пределами настоящего. Будущее заложено в настоящем, и, решая задачи сегодняшнего — социалистического дня, мы постепенно вступаем в день завтрашний — в день коммунистический». Это в полной мере относится к профтехшколе. Ибо, каждое ПТУ, функционируя в настоящем, фактически работает на будущее.

Естественно, готовить современного работника кое-как, на скорую руку сейчас уже невозможно. Всякого рода скороспелые курсы и другие краткосрочные и упрощенные формы обучения рабочему делу неминуемо ведут к поверхностности и дилетантству, а это, как известно, никогда и никому пользы не приносило. Учений и трудовых навыков у человека может и должно быть много, а профессия, как правило, одна. И на всю жизнь. Ее нельзя менять, как, скажем, платье или перчатки. Естественно поэтому, что овладение профессией, изучение ее должно быть поставлено серьезно — как правило, в условиях стационарного учебного заведения и с более или менее длительным сроком.

Конечно, проблем совершенствования профессионально-технического образования много. Хотю остановиться на таких, как взаимодействие ПТУ с базовыми предприятиями, содружество ПТУ и школы и усиление влияния комсомольских организаций, Ленинского комсомола в целом как шефа профтехобразования на процесс формирования молодого пополнения рабочего класса.

Обязанности базовых предприятий по отношению к подшефным училищам у нас четко регламентированы, и тем не менее здесь есть еще немало вопросов, требующих разрешения.

Возьмем, к примеру, производственное обучение и практику, на которые отводится более 40 процентов всего учебного времени. Это, по сути, первое знакомство учащегося, будущего рабочего с реальной производственной средой. Именно в это время у подростка обычно укрепляется, а иногда только лишь по-настоящему пробуждается интерес к профессии, появляется уверенность в себе.

Но, к сожалению, нередко происходит так, что в период практики исчезает не только романтическое представление об избранном деле, но и интерес к нему. Вместо уверенности практикант ощущает беспомощность, неумелость, а то и просто ненужность.

Госкомитет часто получает письма, жалобы и сигналы о том, что выпускников училищ используют не по специальности, что вместо практики они убирают мусор, роют траншеи, работают на самых плохих станках и машинах, с непригодным инструментом. Авторы пишут о неустойчивости быта, плохой организации питания и других недостатках. Такие факты только в последнее время имели место

в Октябрьском МПМК № 57 Гомельской области, в гродненском производственном объединении «Азот», на витебских фабриках «Знамя индустриализации» и «КИМ», на обувном объединении «Луч» в Минске и ряде других. А ведь именно в первые годы самостоятельной работы выпускники ПТУ, молодые рабочие, нуждаются в особом внимании к себе. И здесь огромная роль принадлежит наставникам молодежи, возможности которых мы пока используем чрезвычайно слабо, а также нашему шефу — комсомольским организациям предприятий.

И еще. Когда говорят об учреждении, призванном воспитывать и обучать, мы нередко стесняемся говорить о материальном оснащении: мол, главное не в этом, а в педагогическом мастерстве, в методической вооруженности кадров, а все остальное приложится. Отчасти это, конечно, верно. Но так же верно и то, что педагог, мастер производственного обучения при всем своем опыте, мастерстве и старании вряд ли научит хорошо, если не на чем учить или, еще хуже, если негде учить. Можно ли, к примеру, добиться качественной подготовки рабочих, если средний «возраст» станочного парка в училищах республики составляет: от 10 до 20 лет — 35 процентов и свыше 20 лет — 13,5 процента? Но даже и этих станков, машин и оборудования не хватает.

Пятилетним планом и заданиями, установленными правительством, в республике предусмотрено к 1980 году построить 54 новых ПТУ и 41 реконструировать, с тем чтобы перевести, как этого требуют решения XXV съезда КПСС, все профтехучилища на подготовку рабочих высокой квалификации со средним образованием. Заканчивается третий год пятилетки. Однако за это время министерства и ведомства осуществили строительство только 16 новых комплексов, в 19 училищах расширена учебная база, а 38 новых училищ пока нет. И существует серьезное опасение, что многих из них так и не будет. Ведь для того, чтобы работать на текущую пятилетку, они должны бы уже строиться — ведь сооружение подобных объектов длится не менее двух лет. Между тем в 1978 году начато строительство лишь пяти училищ, то есть восьмой части оставшихся. Сооружение других тридцати трех ПТУ министерствами и ведомствами (легкой, мясомолочной промышленности, промышленного и сельского строительства, сельскохозяйственного машиностроения, автомобильной, электротехнической промышленности и др.) откладывается на 1980 год, а некоторых вообще переносится за пределы десятой пятилетки.

Создание, укрепление и развитие материальной базы для обучения трудовой смены — это не ведомственный вопрос, а большое государственное дело, и решать его надо по-государственному.

Мы призваны обеспечить вступление каждого молодого человека в жизнь не только хорошо подготовленным к делу, но и высокообразованным,

гармонически развитым, стоящим на уровне самых высоких требований, предъявляемых к строителю будущего. Эти задачи четко сформулированы в решениях XXV съезда КПСС и постановлениях Центрального Комитета КПСС и Совета Министров Союза ССР «О дальнейшем совершенствовании процесса обучения и воспитания учащихся системы профессионально-технического образования» и «О дальнейшем совершенствовании обучения и воспитания учащихся общеобразовательных школ и подготовки их к труду».

Школу и ПТУ объединяет единая цель, важнейший и основополагающий принцип связи с жизнью, с задачами созидания нового общества, связи обучения и воспитания с общественно полезным трудом.

Нас радует тот факт, что наше сотрудничество с каждым годом обогащается новыми формами. Расширению сферы взаимодействия способствует все увеличивающееся число средних профессионально-технических училищ, вобравших в себя все лучшее из многих форм обучения профессиям. К концу пятилетки их будет у нас не менее 155. Они подготовят для народного хозяйства почти в пять раз больше молодых рабочих, чем в минувшем пятилетии.

Средние ПТУ — это тот тип учебного заведения, в котором неразрывно сочетаются право на образование и право на труд, гарантированные нашей молодежи новой Конституцией. Они успешно решают задачу подготовки рабочего завтрашнего дня: интеллигента, сконцентрировавшего в себе не только отличное знание дела, специальности, ремесла, но и широкий кругозор, основательное общее образование.

Однако мы были бы далеки от истины, рассматривая базу нашего сотрудничества односторонне, не замечая новых явлений и в деятельности общеобразовательной школы. Речь идет не только и не столько о модернизации содержания и методов обучения, не только о возросшей культуре педагогического труда, сколько о принципиально важном повороте школы к проблемам политехнизации и трудового воспитания. У наставников рабочей смены вызывает глубокое удовлетворение тот факт, что школьные учителя все больше освобождают учебно-воспитательную работу от упрощенных представлений о реалиях жизни, показывают богатейшую перспективу личного роста и совершенствования юношества через сферу созидательного труда.

Профессионально-технические училища республики уже ощутили первые результаты этих перемен. Выпускники 8-х классов стали охотнее идти в средние ПТУ, а технические училища приняли в этом году первую группу десятиклассников, окончивших межшкольные комбинаты трудового обучения и профессиональной ориентации.

Правда, пока таких немного. Это еще не стало тенденцией. Но уже — явление. В его развитии мы видим один из магистральных путей дальнейшего укрепления сотрудничества, союзнических отношений технических училищ и межшкольных комбинатов, шаг вперед в деле логического перехода от первоначального знакомства с рабочей профессией к получению разряда рабочего высокой квалификации.

При этом, конечно, было бы неправильно рассматривать такой процесс упрощенно. Еще встречаются, а кое-где и нередко, факты по-прежнему односторонней ориентации выпускников школ только на высшее учебное заведение. Для некоторых родителей (да и учителей) слова «учащийся ПТУ» являются синонимом слов «трудный», «педагогически запущенный». Такой уродливый взгляд на проблему трудовых ресурсов, попросту говоря, является антиобщественным. ПТУ — это не порожек, о который спотыкаются, а ступень главного входа в жизнь, ступень роста человеческой личности.

Иногда встречаются рассуждения и такого рода (эти вопросы поднимает и наша печать): а не стоит ли общеобразовательную и профессионально-техническую школы объединить в одну систему? Для обоснования таких предложений приводятся и довольно серьезные доводы: во многом снимается проблема поиска дополнительных помещений; выпускники восьмых классов станут более рационально распределяться по видам продолжения образования; с развитием средних ПТУ и созданием межшкольных комбинатов системы стали во многом похожими. Но ведь похожее не значит одинаковое. А кроме того, решение этого вопроса сейчас было бы просто преждевременным, ибо как одна, так и другая системы еще далеко не исчерпа-

ли своих внутренних возможностей. Что же касается взаимодействия, делового партнерства этих систем, то оно, несомненно, может и должно осуществляться более полно и всесторонне. Резервов здесь, прямо скажем, немало.

К примеру, в последние годы органы профтехобразования и просвещения, училища и средние школы стали все чаще практиковать совместное проведение методических секций, открытых уроков, педагогических чтений. Мы готовы сполна поделиться опытом с работниками межшкольных производственных комбинатов, оказать им помощь в деле трудового обучения и воспитания школьников. В свою очередь, преподаватели училищ с благодарностью воспримут опыт школьных учителей в общеобразовательной подготовке, перенесут в училища передовую практику школьной педагогики. Немалые достижения в этом уже есть. Особенно в деятельности нового типа учебного заведения — средних профтехучилищ. Во всех них внедрена кабинетная система обучения, преподаватели располагают богатым дидактическим материалом, используют в учебно-воспитательном процессе около 6 тысяч самых разнообразных технических средств обучения. Все шире применяются телевидение, видеоматериалы, кодоскопы, всякого рода тренажеры, действующие макеты, агрегаты, схемы. Более 90 профтехучилищ республики предоставили свои мастерские и лаборатории для организации трудового обучения старшеклассников.

Задачи социально-экономического развития нашего государства, о которых так убедительно говорил Леонид Ильич Брежнев в речи на XVIII съезде ВЛКСМ, требуют не только критического анализа, но и **пересмотра принципов подхода к профессиональной ориентации.** Видимо, настало время приступить к созданию **государственной службы** профориентации, профинформации и профотбора молодежи, построенной на строго научной основе, то есть такой службы, которая была бы свободна от субъективизма и ведомственных интересов и смогла бы преодолеть, перебороть так называемую «домашнюю» ориентацию, которая, к сожалению, в некоторых случаях сильнее общественной.

Жизнь — это не учебник, не справочник, из которого можно получить готовый рецепт. Ежедневные проблемы, нестандартные ситуации требуют от человека принятия смелых самостоятельных решений. Вот почему нам нужно не обучение вообще, не передача информации от знающего к незнающему, а обучение **развивающее и воспитывающее**, обучение, формирующее личность, характер, творческую индивидуальность. От того, как мы обучим, как воспитаем нынешних питомцев ПТУ, в определяющей мере будет зависеть и то, как они поведут дело в будущем. Последнее хотелось бы подчеркнуть особо еще и по той причине, что, как говорит народная мудрость, есть три вещи, которые никогда не возвращаются: выпущенная стрела, сказанное слово и прошедшие дни. Не потеряй попусту ни одного дня, заполни каждый час пребывания в училище полезными делами, сделай его существенным — в этом мы видим одну из главных своих задач, и в решении ее мы рассчитываем на самую активную, заинтересованную и разностороннюю помощь комитетов комсомола, наших шефов — базовых предприятий.

При этом особого внимания требует к себе проблема свободного времени. Применительно к специфике ПТУ значение ее еще более возрастает. Ведь в училище, по сути, заново складывается учебный коллектив. Ребята приходят из разных школ и разных районов, с неодинаковой степенью подготовки и воспитанности. Многие из них проживают в общежитиях, на частных квартирах впервые самостоятельно ведут свой бюджет. Они отрываются от дома, лишаются привычной обстановки, повседневного контроля со стороны родителей. Научить подростка правильно распорядиться свободным временем, поставить перед собой цель и упорно к ней идти, увлечься полезным делом, преуспеть в нем, стать мастером этого дела, воспитать органическую потребность в чтении книг, посещении театров, музеев, выставок, в занятии спортом, техническим и художественным творчеством — задача не легкая, требующая немалых усилий и времени.

И здесь нам не надо изобретать что-то сверхъестественное. У нас накоплен в целом ряде училищ немалый опыт в этом деле, есть добрые, хорошие традиции. Главное — сделать этот опыт достоянием всех, научиться его, так сказать, «тиражировать»...

Совместными, объединенными усилиями мы призваны помочь нашим ребятам наполнить жизнь глубоким, социально значимым содержанием.

ФУНДАМЕНТЫ УВЛЕЧЕННОСТИ

Наталья ДЯГИЛЕВА,
секретарь комитета комсомола
Ташкентского авиационного производственного объединения
имени В. П. Чкалова,
делегат XVIII съезда ВЛКСМ.

Академик Сергей Павлович Королев, великий ученый и великий труженик, говорил: «Жить просто так нельзя. Жить надо с увлечением». Так жил он сам, так работал. Так живут и работают его товарищи и ученики — инженеры, рабочие, конструкторы, все те, кому наша страна обязана замечательными успехами в космосе. **Увлеченность**, мне кажется, это абсолютно необходимый элемент в микроклимате любого трудового коллектива, не важно, занят ли он производством станков, мебели, стали или самолетов. Мыслимо ли выйти на рубежи высшего качества, если стиль работы отмечен клеймом равнодушия? Возможно ли подлинное мастерство без горения, без интереса к своему делу, без влюбленности в него? Но все это, естественно, не рождается само по себе. Увлеченности нужны солидные, стабильные фундаменты.

Я думала об этом, вспоминая большое событие в жизни нашего коллектива: недавно объединению было присвоено почетное звание «Предприятие коммунистического труда». На торжественный митинг пришли друзья, товарищи, единомышленники. Ветераны, которые знали еще незабвенного нашего шепилота Валерия Чкалова. Пришли заводчане всех поколений. Пришли ребята-пэтушники — рабочие завтрашнего дня. Завтрашнего — и уже сегодняшнего. Вот что конкретно означает это в чкаловском объединении...

В системе профтехучилищ, для которых базовым предприятием является наше объединение, центральное место занимает ГПТУ-166. В его «номенклатуре профессий» представлены основные, профилирующие специальности, необходимые заводу: токарь-универсал, фрезеровщик, слесарь механосборочных работ, слесарь-сборщик летательных аппаратов, слесарь-инструментальщик, слесарь-жестянщик и другие. Первый набор училища объявило в 1976 году. В ту пору оно еще не имело собственной площади, а сегодня построены современные учебный и производственный корпуса, просторное общежитие.

Задайте любому в ГПТУ-166 — будь то директор или первокурсник — вопрос об отношениях училища с базовым предприятием. Убеждена, все вам ответят: «Мы — цех завода». И прибавят, возможно: цех, пользующийся особым вниманием.

Это не декларация. Каждый год распоряжением по заводу группы учащихся закрепляются за цехами. Каждый учащийся получает наставника — одного из лучших производственников. Таким образом, с первого дня учебы в ГПТУ знакомство с заводом не «шапочное», а самое деловое, предметное, детальное. Человек пришел в цех, в котором он со временем будет работать. Адаптация в коллективе начинается задолго до окончания училища.

Учащийся ГПТУ, придя на завод, сразу же попадает в сферу влияния совета молодых рабочих. Он не чужой, не временный человек здесь, и мы стремимся чтобы он это постоянно чувствовал.

Сразу же, ступив на территорию предприятия, каждый новый член нашего коллектива видит изображения орденов Ленина, Октябрьской Революции, Трудового Красного Знамени, читает строчки Указов Президиума Верховного Совета СССР о награждении завода. Мы заботимся о том, чтобы учащиеся ПТУ знали историю завода, гордились им. Не бывает на заводе торжественных мероприятий, в которых не принимали бы участия наши пэтушники.

Есть безошибочные признаки, по которым можно судить об отношении базового предприятия к сво-

им ПТУ. Один из них — обеспечение кадрами, другой — снабжение оборудованием и материалами.

У нас дела обстоят таким образом. Педагогический состав училища сложился из заслуженных работников завода. Директор Валихан Набиевич Набиев был учеником токаря, рабочим, мастером, старшим мастером. Секретарь парторганизации училища Владимир Филиппович Федченко начинал на заводе учеником фрезеровщика, в училище пришел мастером производственного обучения и преподавателем немецкого языка — заочно окончил Ташкентский институт иностранных языков. Заместители директора Андрей Данилович Калашников и Владимир Васильевич Кокорев — тоже воспитанники и патриоты завода.

Что касается оборудования... Сошлюсь на опубликованную в «Смене» интересную статью первого заместителя председателя Государственного комитета СССР по профессионально-техническому образованию В. А. Саюшева «Заводская проходная третьего тысячелетия». Автор рассказывал о том, что директора многих предприятий до сих пор обеспечивают свои ПТУ по схеме «на тебе, боже, что нам негоже», а потом разводят руками: где взять квалифицированных рабочих? Скажу прямо: у нас в объединении такое невозможно. Новейшие станки выпуска последних лет стоят в мастерских ГПТУ-166: токарные автоматы, сверлильные и фрезерные станки с программно-числовым управлением и т. д. Какой интерес к работе вызовут у ребят архаичные сооружения, годные лишь для заводского музея? Наши пэтушники делают шаг в мир НТР у себя в учебных кабинетах и производственных мастерских.

В училище с большой буквы пишется слово «Творчество». Приведу один только пример: на уроках спецтехнологии ребята под руководством преподавателя Леонида Федоровича Швецова разработали конструкцию дельтаплана с двигателем, получившую высокую оценку наших экспертов. К слову сказать, в кабинете, где строили летательный аппарат, висит на стене лозунг: «Простота, надежность и качество любой конструкции — вот **ОРИГИНАЛЬНОСТЬ**». Лозунг имеет силу не только для лет учебы...

Наш завод — ударная комсомольская стройка республики. Каждый год мы получаем пополнение из городов и сел Узбекистана. Двадцать три ташкентские школы охвачены заводской программой профориентации, над шестью мы шефствуем. И здесь мы теснейшим образом сотрудничаем с ГПТУ. Школы закреплены за цехами, а по линии ГПТУ — за преподавателями и мастерами производственного обучения. Мы не только организуем для ребят, скажем, цикл лекций об истории отечественной авиации — от «Ильи Муромца» до современных лайнеров, но и приводим старшеклассников в кабинеты ГПТУ, в цеха завода, знакомим с лучшими людьми объединения.

...В дни XVIII съезда ВЛКСМ мне было очень радостно прочитать в съездовской почте телеграмму из Ташкента, с нашего завода. Лауреат премии Ленинского комсомола сборщик-клепальщик Азим Мавлянов сообщил, что к открытию съезда выполнил личную пятилетку, рассказывал о новых, повышенных обязательствах, принятых им и его товарищами к 60-летию ВЛКСМ.

Так работает молодежь чкаловского объединения — люди активные и убежденные, люди, которые живут с увлечением. Под этой увлеченностью надежные фундаменты: внимательное отношение к заводской молодежи, забота о ее профессиональном росте и человеческом развитии, о ее труде и отдыхе.

ДИКТУЕТ ВРЕМЯ...

Вацлав МОРКУНАС,
председатель
Государственного комитета
Литовской ССР
по профессионально-
техническому образованию.

Опубликованная в журнале «Смена» статья В. А. Саюшева затрагивает важнейшие проблемы развития профтехобразования в нашей стране.

Как справедливо отмечает автор, развитие сети средних и технических училищ остро ставит проблему подготовки рабочих кадров широкого профиля. Это — требование жизни, научно-технического прогресса. Можно привести много примеров, когда на производстве подготовленные в ПТУ токари приобретают профессию станочника, механизаторы — водителя и т. д. Универсалы выше ценятся, быстрее адаптируются на производстве. Конечно, подготовка специалистов широкого профиля, тем более хороших специалистов, потребует немалых дополнительных материальных затрат, в первую очередь связанных с созданием надлежащей учебно-материальной базы, переподготовкой инженерно-педагогических кадров, особенно мастеров производственного обучения. Однако, на наш взгляд, затраты должны принести высокие «дивиденды».

Было бы целесообразно более четко определить перечень сложных и простых профессий и сосредоточить подготовку одних в ПТУ, других — на производстве. Почему трудно комплектуются средние ПТУ строительного профиля? Как объясняют учителя общеобразовательных школ да и сами учащиеся, ребята в эти училища идут неохотно из-за узкой специализации — например, плотника, штукатура, маляра и т. д. Тем более, что рабочих таких профессий нередко обучают прямо на производстве, на разных курсах. Конечно, в перспективе доля малоквалифицированного, ручного труда будет уменьшаться. Большую часть пополнения трудовых ресурсов нужно будет готовить в профтехучилищах. Заглядывая в день завтрашний, мы должны активнее, энергичнее решать многие наболевшие вопросы сегодня, сейчас. Не секрет, что некоторые училища все еще вынуждены готовить рабочих на морально и физически устаревшей технике и по такой же технологии. Иначе говоря, нередко готовятся рабочие не завтрашнего, а вчерашнего дня. Иногда слышим нарекания о том, что воспитанники ПТУ не умеют сразу овладеть новой техникой. А как это сделать, если с этой техникой учащиеся сталкиваются только после окончания профтехучилища? Поэтому, как правильно отмечает автор, оснащение училищ новой техникой должно стать не инициативой отдельных базовых предприятий, а долгом всех.

Валерий ГУРИНОВИЧ.
Фото Анатолия МОРКОВКИНА.
Специальные корреспонденты
«Смены».

— Алло! Это Барановичи? Алло... Алло! Товарищ Петровский? Мечислав Болеславович? С вами говорят из Москвы. Вы хорошо слышите?... Так вот, проект Виталия, вашего сына, мы послали в Госкомитет по делам изобретений и открытий... Как зачем? На экспертизу... Думаем, что это самое настоящее изобретение. Что? Плохо слышите? Повторяю — и-зо-бре-те-ние!

Служебный катер «Оленек» отвалил от дебаркадера и, набирая скорость, пошел по Неве. Был третий час ночи, белой ленинградской ночи, и Виталию казалось, что первый день его в этом необыкновенном городе, день, наполненный праздничной суетой, встречами, разговорами, впечатлениями, яркими и мгновенными, никогда не окончится.

Многотонные пролеты моста чуть дрогнули, двинулись и медленно пошли вверх. Выше, выше — словно гигантские руки раскрывали объятия северному небу.

Следом за Дворцовым начался развод Кировского моста, Литейного... Виталий уже не замечал окружающих его людей, не слышал ничьих вопросов. Он, наконец, увидел эти мосты, которые так ясно, отчетливо представлял себе, читая о них в «Юном технике».

Собственно, со статьи в этом журнале и началось все. Вернее, скажем так: статья «Ожерелье Невы» стала своеобразной «лакумусовой бумажкой»...

...Райцентр Барановичи — город зеленый и приветливый. ГПТУ № 118 находится в «новом городе», возле завода автоматических линий. Шофер такси, мельком взглянув на нас, безошибочно определил:

— К Петровскому едете... Пацан, глуптэ-ушник, а вся страна о нем знает! — И сказано это было с гордостью: мол, наш парень, из Барановичей.

Из Ленинграда мы возвращались вместе с Виталием. Он сразу же отправился домой, а мы задержались в Минске, в республиканском комитете по профтехобразованию.

— Будет обидно, если вы увидите в Петровском только «чудо-ребенка», — так начал разговор Петр Васильевич Прохорович, заместитель председателя комитета. — Он обычный подросток, а не вундеркинд, погруженный в схемы и цифры. Знаю, Виталий увлекается авиамоделизмом, биологией, очень любит книги... Здесь, в Минске, когда он приезжал на республиканский слет изобретателей и рационализаторов, Виталий побывал во многих музеях. Круг интересов его широк, он не замыкается на чем-либо одном. Дать его поискам четкое направление, развивать в нем и дальше эту творческую жилку, — вот что важно. И в этом деле профессионально-техническое образование, где практика и теория неотделимы друг от друга, безусловно, поможет ему.

В республиканском Доме технического творчества мы увидели десятки интереснейших экспонатов. Их авторы — ученики средних школ, учащиеся ГПТУ, студенты техникумов Белоруссии. Ребята, для которых «рукоделие» стало насущной потребностью. Не все из них станут изобретателями, учеными, чьи открытия обогатят науку. Но мы уже сейчас можем с уверенностью сказать: это завтрашние высококвалифицированные рабочие-рационализаторы, инициативные инженеры, внедряющие в произ-

**САМЫЙ ЮНЫЙ ИЗОБРЕТАТЕЛЬ
В СТРАНЕ, УЧАЩИЙСЯ ПТУ
ВИТАЛИЙ ПЕТРОВСКИЙ.**

КУЛИБИН ИЗ БАРАН

**ПЕТРОВСКИЕ — ОТЕЦ И СЫН,
ДРУЗЬЯ И ЕДИНОМЫШЛЕННИКИ.**

**ЗДЕСЬ, В ПТУ, ПИШЕТСЯ
ПЕРВАЯ СТРОКА
ИХ РАБОЧЕЙ БИОГРАФИИ.**

водство самые дерзкие замыслы, техники и мастера, любящие и знающие свою специальность. И, без сомнения, каждый будет искать в работе новые решения, стремиться к творческой самостоятельности. Потому что с детства, с юношеских лет развито в них беспокойное чувство поиска.

В Стране Советов созданы все условия для свободного гармоничного развития человека, его творческих задатков, духовных устремлений. Это записано в нашей Конституции.

И в этом еще и еще раз убеждаешься, видя, как широко и разнообразно представлено творчество юных на всевозможных выставках — от районной до самой главной — Выставки достижений народного хозяйства СССР, где в павильоне «Профтехобразование» вы сможете увидеть «мост Петровского».

Итак, все началось со статьи в журнале, где увлекательно рассказывалось о мостах Ленинграда, об их истории, архитектурно-технических особенностях.

— Нет, в Ленинграде никогда не был, о мостах разводных знал понаслышке. Прочел статью и подумал: а можно ли по-иному мосты разводить? Проще как-то. Пусть сама вода работает. Ведь крутит же она турбины... Ну, стал рисовать схемы всякие. Бывало, прямо на уроках. Я тогда в восьмом классе учился...

На тетрадный лист рядом с формулами по физике наносились первые штрихи схемы: ферма моста, опора... А если опустить щит, сила течения развернет ферму вдоль реки, словно часовую стрелку по оси... Так...

Через локоть, вытягивая шею, заглядывает в тетрадь Генка Сырица, лучший друг, верный помощник.

— А как обратно повернешь? — шепчет он. — Нужен еще щит, и под другим углом опускать его надо. Помнишь, как запруду делали?

— Точно. Сейчас набросаю...

— Петровский! Что за разговоры? Сырица, в свою тетрадь смотри...

В Москву он так и послал свое изобретение: на тетрадных листках карандашные рисунки моста. И плывут по реке корабли, парусники, катера. Путь свободен. Фарватер чист.

В этом пересказе все просто, не правда ли? Прочел, задумался, изобрел. Если бы так...

— Он, когда маленьким был, — рассказывает Мечислав Болеславович, — все с пластилином возился. Зверюшек лепил и... автомобили. Рисовать любил... Думали, художник растет. Мы тогда в Златоусте жили. В доме была небольшая мастерская. Так, для домашних нужд. Тисочки, напильники, подпилки, дрель, сверла... Виталик поначалу к этому добру никакого внимания. Но как-то стал я ему игрушку чинить, автомобильчик заводной — пружина полетела — смотрю, он рядом. Дай, говорит, я сам... Ему тогда лет семь-восемь было. Справился? Да нет, конечно. Не в том дело... Главное — интерес в нем к механизмам проснулся, увидел он, что не мертвые они.

И все же мало ли ребят ломают и мастерят игрушки, возятся с напильниками и собирают радиоприемники. Но в авиамодельном кружке Дома пионеров, где несколько лет занимался Петровский, мне рассказывали, что даже в самую «отработанную» схему модели планера он вносил что-то свое, упрощая конструкцию, делая ее надежнее.

Дома у Петровских, в большой светлой комнате под потолком, на тонких капроновых лесках — «ястребки», «ТУ», «МИГи», «ИЛы», на стеллажах модели различных судов — катера, пассажирские лайнеры, боевые корабли.

На книжных полках — Сервантес, Есенин, «Толковый словарь русского языка», Чехов, Марк Твен, «Занимательная физика», Большая Советская Энциклопедия...

Отец, инженер Петровский, с любопытством разглядывает новую кордовую модель спортивного самолета.

— Интересно... Он тигу изменил и крепление колес к шасси упростил. Видите, крючок вместо скелети. Моторчик мы из Горького выписали. Крохотный... Виталик «форсировал» его, мощность увеличил. — Мечислав Болеславович отложил модель. — Он всегда так. Хоть в самой малости, а по-своему повернет... Чем помогаю ему? Честно говоря, считаю лучшей помощью не мешать Виталику. Мне порой кажется, что мои «инженерные» советы для него только помеха. Чего греха таить, мы, заводская «технократия», зачастую привыкли по-заданному и делать и думать. У нас — план. А здесь — игра, в сущности, выдумка, полный отказ от шаблонов... — И с какой-то неожиданной грустью Петровский-старший добавил: — А ведь знаете, я тоже эту статью в «Юном технике» читал... С удовольствием, занятная вещь... Но мне и в голову не пришло, почему мосты так, а не эдак разводятся.

Не будем упрощать. Безусловно, Мечи-

слав Болеславович воспитывает сына не только тем, что «не мешает ему». Он для Виталика и старший друг, и помощник, и авторитет.

— Мне с отцом просто, — говорит Виталик. — Мне хочется рассказывать ему обо всем, что думаю, чувствую. Знаю, он поймет меня...

— А о проекте моста молчал три месяца, пока из Москвы не позвонили...

Виталик удивленно смотрит на меня.

— А о чем рассказывать? Ведь я уже придумал этот мост.

— А когда что-нибудь не получается, когда не находишь решения, просишь совета?

— Я не стесняюсь спрашивать. Только бывает сложно сам вопрос правильно сформулировать. Это очень важно, чтобы верный, нужный ответ получить... А вообще стараюсь сам додумать непонятное... Мой любимый ученый, изобретатель?.. Иван Петрович Кулибин. Это был необыкновенный человек. Честный и смелый. Его никто ничему не учил. Он всего сам добился. Сконструировал прожектор, повозку-самолет, лифт, создал оптический телеграф... А знаете, ведь Кулибин и мосты для Невы проектировал. Шесть штук, деревянные и металлические...

Да, Петровский-старший не воспитывал «вундеркинда». Но он поощрял живой интерес сына к необычному, не пытался направить его устремления по привычному — «как и у всех детей» — руслу. Наоборот, Мечислав Болеславович тактично и умно помогал сыну в его нескончаемых поисках, не определяя его творческий потенциал лишь оценками в дневнике. Ведь в школе не учат на математика, химика, историка, литератора.

И семья и школа в первую очередь образуют, воспитывают человека. Правда, успех в каждом отдельном случае неодинаков. Видимо, важна здесь атмосфера взаимопонимания и душевной общности, когда учитель и ученик, отец и сын — единомышленники.

Процесс формирования личности можно сравнить с образованием кристалла. Чем насыщеннее раствор, тем быстрее и качественнее образуется кристалл. Для Петровского таким «раствором» стало профессионально-техническое училище металлостроителей.

Не хочу недооценить роль школы, что очень соблазнительно сделать в истории с Виталием Петровским, который никогда не ходил в «первых учениках». Впрочем, и во «вторых» тоже...

— Способности средние... Поймите правильно меня. — Елена Петровна Бренко, классный руководитель бывшего 8-го «б» барановичской средней школы № 15, сму-

щено улыбается. — Сейчас, когда о Виталике столько говорят, всем обязательно нужно, чтобы он чуть ли не с первого класса поражал своими способностями. Особенно журналисты сердятся: мол, разглядеть талант не сумели... Но мы учили Виталика... Просто учили...

Не так уж это мало — «просто учить». Учить не только знаниям, но и человечности, доброте, принципиальности. А все эти качества развиты в Петровском ярко и сильно. И я не собираюсь «сердиться» на учителей этой школы, я хочу сказать им спасибо за все то, чему научили они Виталика.

Он получал тройки по физике, математике, химии. Будущий изобретатель был не совсем в ладах с правописанием и геометрией. Но он увлеченно работал в школьном саду, выращивая лимонное дерево, он мог до позднего вечера сидеть в физкабинете, собирая свою электросхему, на уроках труда его не нужно было заставлять обтачивать, сверлить, резать... У академика Павлова, в его автобиографии, упоминается, что в семинарии, где учился будущий великий физиолог, «пятерочки» не были в чести. А вот если семинарист, увлекаясь одним предметом, плохо успевал по остальным, на него обращали пристальное внимание — не талант ли?

Мы не против отличников. Они украшение каждой школы, каждого ПТУ. Хорошо усвоенные знания школьных предметов — тот фундамент, на котором впоследствии строится здание научного поиска. Но, согласитесь, не слишком ли мы порой уповаем только на оценки в таблице? «Пятерочки» — значит талантливый, «троечки» — так себе, посредственность.

У Петровского явная склонность к мышлению техническому, к решению практических задач, а не абстрактных с «трубами и бассейнами». Поэтому отца не удивило его решение пойти в профтехучилище. Внутренне Петровский-старший был склонен именно к такому варианту. Он понимал: конструирование, сборка моделей — пройденный этап. Виталику хочется попробовать себя в более сложных вещах, а для этого нужно знать современные станки, отлично разбираться в таких специальных предметах, как металловедение, допуски и посадки, электротехника, техническое черчение. Школьная мастерская попросту не могла дать всего этого.

— Не знаю, какой изобретатель, а вот токарь из Виталика получился отменный, — говорит нынче мастер группы Владимир Викентьевич Шпак.

— У него отличные математические задатки. Когда он видит возможность конкретного применения знаний, его усердие

ОВИЧЕЙ

МОПЕД ОСОБЕННО ХОРОШ.
ЕСЛИ ОН СОБРАН ТВОИМИ РУКАМИ.

ВЫСОКОГО ПОЛЕТА!

«...МОЖНО И ПО-ИНОМУ РАЗВОДИТЬ МОСТЫ».

удваивается, — таково мнение преподавателя математики Бориса Адамовича Сасина. А сам Виталий учебу в ПТУ оценивает кратко:

— Мне здесь интересно!

Что ж, интерес — вещь немаловажная, но, побывав в классах училища, в кабинетах и мастерских, смею утверждать, что здесь не только интересно, но и весьма полезно учиться. Не два-три станка, списанных «на пенсию», а светлые залы с полуавтоматами, автоматами. Не четыре напильника да три молотка, а современные наборы слесарного инструмента, от которых глаза пятнадцатилетних акселераторов загораются неумным мальчишеским блеском.

В классах — телевизоры, видеомагнитофоны, оборудование, которое не часто встретишь и в столичных школах. И что примечательно, большинство учебных пособий, всевозможных тренажеров сконструировали и сделали воспитанники училища.

— Для ребят с изобретательской жилкой ПТУ — самый лучший «испытательный полигон». Во всех отношениях. Здесь они могут проверить в деле не только свои придумки, но и КПД своего технического творчества.

С заместителем директора училища Романом Ивановичем Нестеровичем мы проходим по выставочному залу, где собраны действующие макеты и модели кораблей, машин, электростанций, заводских цехов, спутников, различных станков — все, что создано умом и руками учащихся. Многие из этих экспонатов отмечены призами и дипломами областных, республиканских и всесоюзных выставок.

Здесь же и «Поворотный мост» Петровского.

— Ребята сделали его за два дня. Авторское свидетельство на изобретение Виталику вручали в училище. Было торжественно, празднично. И в тот момент, когда Петровского поздравляли, ребята вынесли на сцену действующий макет. Вот это, скажу вам, был сюрприз!

...Когда группа выстраивается в шеренгу, Петровский становится правым флангом. Он самый высокий. («Тянется как на дрожжах», улыбаясь вздыхает Мечислав Боле-славович. — «В баскетболисты, что ли, метит?»). Он пожалуй, и самый «тихий» в группе.

— Что вы, Виталка не трусит, — убежденно говорит Юра Денисов, староста, маленький, энергичный, готовый немедленно вступить за честь друга. — Он просто добрый очень. Но ни за что не простит вранья, предательства. Он, знаете, какой... — Юра делает замысловатый жест рукой, будто выхватывает из воздуха нужное слово. — Он твердый. На него во всем опереться можно.

...Мы идем с Виталием по тенистой аллее парка. Он задумчив, молчалив. На вопросы отвечает неохотно. Вдруг останавливается, чертит прутиком на земле какую-то схему, с минуту глядит на нее, потом с досадой стирает подошвой.

— Нет, не то...

Я удивленно смотрю на него.

— О чем ты?

Он оборачивается, лицо возбуждено, от былой апатии нет и следа.

— Я что подумал... Можно систему шитов так распределить, чтобы мост «открывался» постепенно, не рывками. Помните, об этом на кафедре в Ленинграде говорили... Только обобщать все надо.

В Ленинградском институте инженеров железнодорожного транспорта нас встретил заведующий кафедрой «Мосты», директор специализированного НИИ мостов профессор Сельницкий. Здесь уже слышали об изобретении Петровского и были искренне рады знакомству с автором.

Ведущие специалисты мостостроения собрались, чтобы заслушать его сообщение. И Виталий не выглядел тихоней перед кандидатами и докторами наук, рассказывая им, спроектировавшим не один десяток разводных мостов, о своем варианте. Он уверенно чертил на доске схемы, толково и

обстоятельно отвечал на вопросы. Я видел, как ученые «загорелись», по-студенчески горячо перебивая друг друга, расспрашивали юного изобретателя, тут же, как говорится, с ходу просчитывая свои варианты отдельных узлов.

Им, конечно, были видны и ошибки данного проекта и конструкторская неумелость автора, но в главном они были единодушны: идея нова, оригинальна, не имеет аналогов в мировой практике.

(Собственно, таково было и заключение экспертов Государственного комитета СССР по делам изобретений и открытий.)

Мне запомнилось, как старейший ученый-мостостроитель, доктор технических наук Василий Иванович Гнидовский воскликнул, разводя руками:

— Это же элементарно просто! А мы, мудрецы, не додумались...

Наверное, крылатое парадоксальное выражение Эдисона, что «открытия делаются по незнанию», все же отчасти справедливо.

И запомнилось еще лицо Виталия. Разгоряченное спором, задумчивое, отрешенное, на фоне черной доски, испещренной формулами и схемами. Прекрасное лицо мыслящего человека!

...Первый разводной мост был сооружен через Евфрат в VI веке до нашей эры. Об этом нам рассказали древнеегипетские фрески. Сегодня разводные мосты неотъемлемы от архитектурных ансамблей Венеции, Амстердама, Таллина, Венсписла, Ленинграда... Найдется ли в них свое место «мост Петровского»?

— Не будем загадывать, — говорит профессор Юрий Макарович Сельницкий. — В сущности, Виталий предложил идею. А от идеи до детальной разработки проекта — расстояние немалое. Но уверен, что этим могло бы заинтересоваться наше студенческое научное общество, дипломники кафедры... Петровский, без сомнения, талантливый человек. Он мыслит инженерно, смело, нестандартно. И я позволю не согласиться с распространяемым мнением, что «век изобретателей-одиночек закончился». Думаю, и сегодня, в век коллективного научного поиска, подвижники той или иной технической идеи крайне необходимы. Они, в сущности, первооткрыватели... Мы были бы рады видеть Петровского студентом нашего института, нашего факультета.

Нет, изобретение комсомольца Виталия Петровского не «игра случая». Оно закономерно, потому что подготовлено всей жизненной системой, напряженной творческой работой мысли, духовной устремленностью Виталия.

...Уже в который раз мы идем той же аллеей. Виталий разговаривал. Поездка в Ленинград, белые ночи, споры с учеными авторитетами — все это вдруг заново высветилось в душе.

— А что тебе еще запомнилось в Ленинграде?

— Машинное отделение Дворцового моста. Я и не думал, что когда-нибудь побываю там... Чуть помедлив, убежденно добавляет: — А все-таки мой мост куда проще разводный. — И потом, с оттенком гордости: — Да и экономичней в четыре-пять раз...

— А сейчас о новом мосте думаешь, более совершенном?

— Нет. Хочу собрать телескоп-рефлектор системы Ньютона. Там многое можно переделать, упростить... Я уже прикидывал. Потом есть еще одна идея — катмаран новой конструкции построить. Да где испытать его?.. У нас поблизости и речки путной нет.

— Что считаешь примечательным в своей жизни?

Виталий пожмает плечами.

— Вроде все обычно... Как у всех. Да, в Златоусте ходил в тот же детский сад, что и Анатолий Карпов. — И, глядя на меня, совершенно серьезно говорит: — Вот бы с ним в шахматы сыграть.

— С чемпионом мира?

— Я бы, конечно, проиграл. Но интересно было бы. Правда?

КАПЛИ ТЕПЛОГО ДОЖДЯ

1. ДОБРАЯ ПЕСЕНКА

Небо... Ты и для взрослых загадка, а для мальчишки — подавно!.. Сколько раз Степа поднимал глаза вверх и смотрел неотрывно. Смотрел и ночью — на звезды, и все в нем свертывалось в комочек в эти минуты и замирало. Ему чудилось в вышине что-то живое, огромное, — иногда доходило сверху чье-то дыхание. Особенно слышно ночью. Он вглядывался в эти теплые звезды и вдруг начинал слышать на руках, на лице легкий ветерок, как дыхание, и вот тогда уж окончательно верил, что за ним наблюдают. И наблюдатель этот — кто-то самый добрый, сердечный. И случись какая беда — он поможет, поддержит. Степа в это верил, как верят в тайну.

И вот такая беда случилась. Как-то отправился с ребятами за диким луком. В деревне его называли то лук, то чеснок, да какая разница, лишь бы вкусно. Но ходить за ним далеко, за пять километров. Рос он в пойме Тобола, по берегам. А берега там высокие, страшные, под обрывами — омута. Угодишь в них — и прощай, белый свет. Засосет вода и на дно навсегда положит. Степе не надо рассказывать — он сам испытал...

Они уже шли домой, а за плечами — по полному мешочку. Да еще утробовали чеснок, чтобы больше вошло. Дорога длинная, знойная, но никто не устал. Ребятишки бегают, носятся, как жеребята. Да и с виду похожи — длинноногие, сухопарые, только что не ржут, а кричат. Откуда и силы — поди; с того чеснока. И ни горя им, ни заботы, а у многих отцы на фронте...

Степа отставать начал — проколол пятку дудкой, да сильно. Его дождались, но он рукой замахал, не дает сказать слова.

— Идите, идите, а я потихоньку.

— Нет, мы не бросим...

— Ну ладно, мешок мой возьмите, а я налегке...

На этом и порешили. Степа отдал свой тяжелый груз, а сам присел на пригорок. Нога болит, ноет, как будто гвоздь в теле. Но когда не шевелишь, то полегше, и боль отступает. И Степа замер, даже унял дыхание. Посторонний бы решил, что он задремал, уснул. Но он не спал, затаился. Но боль все равно прорывалась, сжимала ногу. И тогда он решил промыть рану. Решил — надо делать. И Степа осторожно, припадая на один бок, поковылял к обрыву. Потом начал спускаться. Но только раза два-три ступил — запнулся о кочку. А кочка та слабая — не удержала. Сама кочка — вниз, и нога за ней — вниз, а за ней и все тело. Степа понял, что падает, но понял-то поздно. В этот миг он уже был в воде, и его завертела воронка. Она была живая, сильная, эта воронка. И силы бы у ней хватило на троих, пятерых, а тут дите еще, полчеловека. Она и положила его сразу на дно, увлекла, а потом опять наверх кинула. И когда он нырял в воде, поднимался, то ничего не помнил, не чувствовал — в такой час человек и погибает. И Степа погиб бы, не окажись сверху люди. Это вышли на обрыв бабы. Они возвращались с обеденной дойки, а дорога тяжелая — разморились, и теперь все хотели попить воды, искупаться. И вдруг в воде увидели человека. Вначале решили все, что барсук, — под обрывом-то у них норы. А потом поняли: нет, человек, и человек этот гибнет. Но не дали ему бабы погибнуть. И вот уж лежит Степа на траве, и глаза у него открыты, а все равно будто спит или умер. Но вот ногой дрыгнул, пошевелился. И сразу бабы ожили, засуетились. Они мальчишку сразу узнали.

— Ты чё, Степка, вздумал топиться? То ли мать худо держит, то ли друго чё?

— Я не знаю... Первые слова он сказал с трудом, перехватило дыхание. Степу тошнило, прямо рвало на части.

— А кто знает про тебя? Сидишь в воде, култыкаешься... — И бабы загалдели, как грачи на покотине. И летят слова, как горох.

— Чё к парню пристали, не дают проздышаться... — Это тетка Марина, бригадирша, появилась в толпе. Она подъехала на лошади, и, пока бабы кричали, вглядываясь и сразу все поняла.

— Нехорошо, бабоньки! Языки подождите, не ко время вы. Ему и так трудно, муторно, да еще вы поддаете... Бедной Степка ты наш, несчастной. Я тебя в ходок сейчас заберу, доставлю Наталье.

Бабы сразу притихли, стали юбки одергивать.

— Мы чё, мы ничё. А мы шли, повернули...

— Вы раздевайтесь, бабоньки. Жара-то прямо хвататся. Я бы сама купалася, да недосуг. И опять все загалдели, обрадовались, но Степа лежал тихо и обессиленно. Снова впал в забытие. И не слышал даже, как Марина подняла его на руки, как опустила в ходок на кошму. Лошади такой пассажир не понравились. Она повернула морду и заржала. Это ржание и разбудило, привело в себя. Степа зашевелился и поднял голову.

— Ну чё, наш утопленник? Поди напужался, когда тонул?

— Я не заметил, нечаянно...

— Вот-во-от, что нечаянно. Так и умирают нечаянно. А потом не вернешь.

Марина хлопнула кнутом, что-то крикнула лошади. Та замотала мордой и побежала. У Степы все еще кружилась голова, очень сильно тошнило. Наверно, это было от слабости, от испуга. Да и пятка побаливала.

— Ты чё, Степка, так поблбедил? Давай поедем потише, побережней, а ты поспи, отойди...

— У меня нога болит, проколол...

— А ты про нее забудь!

Рисунок Оксаны КРИВОНОВОЙ.

— Как забудешь, тетка Марина?

Она усмехнулась и придержала лошадь.

— А я подучу тебя. А ну давай свою ногу! Пятка, чё ли, Степанко?

— Ага, пятка проколота...

— А ну, протягивай свои жерди, я поочерчиваю. Вон че, Степушка, деется. Не нога у тебя—цело дерево. Ох, и длинны да худерящи!

Степа сразу обиделся, но промолчал. Да и вскоре забыл обо всем и зажмурился, потому что услышал на пятке теплые пальцы. Они поглаживали кожу, постукивали, и вскоре в ноге началось тихое кружение-утомление, как будто приятно устала она и теперь отдыхала. И боль тоже сползала куда-то и токала,—и Степа зажмурился, и поманило на сон. Он еще слышал и чувствовал, как голова отходит куда-то в сторону, отдаляется, он хотел бы задержать, остановить ее, но голова все отплывала и отплывала.

— Вот хорошо-то, Степушка! Сейчас поспишь, отойдешь. И совсем к мамке приедешь здоровой и тепленькой, а то ишь побледнел, посинел...

— А я не сплю, я дремлю,—улыбнулся Степа и поднял голову. И сразу зажмурился. С неба смотрел на него кто-то добрый и ласковый и головой легонько покачивал.

— Я вот тебе присказульку нашла. Наша Марья все чего-нибудь найдет.—И она засмеялась широким, радостным смехом.

— А я сейчас расскажу, расскажу! С моей присказульки не хошь, да уснешь.—И опять она засмеялась и вдруг спросила:—Пить-то не хочешь?

— Нет, не хочу.

— Вот хорошо, а то нету воды.

— Где вода?—спрашивал Степа кого-то, допытывал, но это было уже во сне. И сон был такой же пологий и медленный, и опять небо над ним растекалось и звало куда-то, манило.

Степа начал подниматься, идти на этот могучий зов. Стало так хорошо, так легко. Он летел по небу, а внизу, далеко внизу, чьи-то быки поднимались на гору. Они шли по высокой зеленой траве, и гора была такая же высокая, зеленая, а быки были белые, как гусиный пух.

— Где вода?

— Быки выпили.

— Где быки?

— На гору ушли-и-и.—начала она нараспев, потихоньку.

— Где гора?

— Черви выточили-и.

— Где черви?

— В траву ушли-и-и.

— Где трава?

— Гуси выщипали-и-и.

— Где гуси?

— В тальники ушли-и-и.

— Тальники где?

— Девки вырубали-и-и.

— Где у девок топоры?

— У попа в мешке—на загорбышке...

Марина прервалась, и Степе жалко, досадно. Он уже привык к этой песенке, ждал продолжения. Да и дремалось легко под нее, так дремалось!.. Но продолжения не было, и Степа зашевелился, открыл глаза. И сразу на него обрушилось, повалилось что-то голубое, высокое—и закрыло его с головой. То было небо, теплое небо дня. И Степе сразу тепло в ногах, очень щекотно. А к голове привязалось смешное, забавное: «Где быки? На гору ушли... На какую гору, куда ушли?»—спрашивал Степа кого-то, допытывал, но это было уже во сне. И сон был такой же пологий и медленный, и опять небо над ним растекалось и звало куда-то, манило. Степа начал подниматься, идти на этот могучий зов. Стало так хорошо, так легко. Он летел по небу, а внизу, далеко внизу, чьи-то быки поднимались на гору. Они шли по высокой зеленой траве, и гора была такая же высокая, зеленая, а быки были белые, как гусиный пух.

— Степанко, подъезжаю уже! Подымайся!—наклонилась над ним Марина.

Он очнулся, и поднял голову, и сразу узнал свою деревню, обрадовался.

Тихо было в улице, даже собаки не лаяли. Видно, загнало солнце всех собак под крыльцо, под амбары.

— Поди, мать-то куда убежала, тогда ко мне заедем. Заедем?

— Ладно, ладно,—обещал Степа и улыбался.

Марина подняла кнутик, но лошадь точно уснула. Наверно, решила: зачем теперь торопиться. И Марина выпрямилась в ходке, опять замурлыкала:

Сдумал Лунюшка жениться.

Он поехал свататься,

Посылает он ворону,

Посылает он сороку...

— Ха-ха, Степка, вот и Наталья. Чует сердце у бабы. Давай-ко сдам я тебя да с рук на руки. Да про омуток-то пока помолчи. Не пугай. И зачем ты с яру срывался? Осторожней же надо! А кабы не подошли наши бабы? Неуж бы вынесла наша Наталья? Нет бы, не вынесла тако горе.

Но Степа уже плохо слушал. Он пробовал ногу, давил на прокол ладонью. Но того точно не было—зажила нога, успокоилась. Чудеса!

— Тпру ты, дохлятина!—остановила Марина лошадь. И Степа кинулся к матери. А Марина кричит ему в спину:

— Заходи в гости, Степанко! Да рыбки мне принеси на уху. Рыбачить-то ходишь, а не приносишь... А я бы так похлебала в охотку...—И еще что-то бормочет она, торопится, но Степа уже не слышит ее, не видит. Он рад, что добрался домой.

2. ДАЛЕКИЕ ЧУДЕСА

В войну развелось много гадалок. По деревням ходили цыганки и разные странницы и предлагали свои услуги. А услуги были одни: нагадать человеку счастье, богатство, близкую встречу с родными. И люди им верили, ждали, да и как жить без веры? Да и больно хорошо болтали языком те гадалки, и много было у них разного подсобного материала. То они выкладывали на стол какие-то особые, волшебные карты, то разноцветные камешки—бисер, который и во тьме горел, освещал, то прозрачную живую бумагу, которая показывала на свет различные лица и знаки, а по знакам этим читалась судьба. Были и чудесные полотенца, платочки, иголки. Начнешь штопать такой иголкой, а на рубашке вдруг покажется кровь—и пятно разойдется. Но не спешите расстраиваться. Кровь эта—к добру, к близкой встрече. Значит, жив где-то хозяин рубашки и скоро объявится. И не беда, что молчит теперь, затаился до времени. Может, в партизанах воюет или увезли в дальний госпиталь. Но придет час—и постучится в родное окно. Много и других чудес показывали эти карты, платки и иголки, потому гадалки были в почете.

А сколько добра им перепало! Последний кусок хлеба им в дорогу завертывали, а про картошку и говорить нечего—бери, сколько унесешь. И сметана перепадала, и масло, и даже огурцы шли в счет оплаты, и лук зеленый, морковь. В зимнее время платили похуже, но все равно не скупились. От этих гадалок и странниц и сами ворожить научились. И выходило не хуже... Особенно привлекало гадание на зеркале: и просто и наглядно. Все в Сосновке помешались на этом гадании, но больше всех, поди, Степина мать—тетка Наталья. Она и раньше, до войны, всему верила—и в домовых и в русалок, а теперь, наверно, вовсе с ума сошла. И не проходило дня, чтоб она не вспоминала про карты. И просила у крестей и бубей одного только—письма от мужа. И карты не врал, всегда угадывали, и она им доверяла все больше и больше. Она умела гадать и на зеркале, и на воде, на иголках, но карты ставила выше всего. Степе тоже нравились эти гадания. Они заменяли часто кино и все развлечения, да и было веселее на душе в те часы. А начинал всегда Степа сам. Он подходил к матери и просил ее ломким, жалобным голосом:

— Мама, сворожим? Давай сворожим?

— Да на кого сворожим-то?—притворно смеялась мать.

— На кого, на кого—на папу!—уточнял Степа, а сам снова канючил: — Давай сворожим?

— Давай, давай... Хорошо тебе, Степа, распорядиться, приказы слать, а я уж чё-то не верю нашим картешкам. Врут, поди, ерунда...—опять начинала ворчать Наталья и хмуриться, но это была чистая игра и притворство. Потому что было у гадалок давнее правило: прежде чем ворожить, раскладывать карты, надо их поругать, постыдить хорошенько, чтоб они не врал никогда и не пугали,—вот почему ворчала Наталья и хмурила лоб.

— Прокляты картешки! Ничё не добьешься. Их бы только в печку да на растопку.

— Давай на зеркале погадаем?—просит Степа и смотрит на мать снисходительно. Но она и на зеркало не сдается, недовольно смотрит на Степу. Глаза у нее прищурены будто:

— Боюсь я этого зеркала. Как чё худое покажется, так я упаду сразу в обморок. Вон чё было в Заборке с Леной Ловыгиной. Не к нам будь сказано, я не могу...—И мать вздыхает и охает, но

все равно не удерживается и уже в который раз рассказывает сыну и про Ленку и про те чудеса. Но Степа всегда внимательно слушает, вытягивает голову, жмурится, ему нравятся чудеса.

Вначале сообщает Наталья, что дело это случилось совсем недавно и не где-нибудь в чужой далекой деревне, а совсем под боком — в Заборке. И непременно добавляет при этом, что совсем, мол, в Заборке сдурели — все ворожат, гадают, покой потеряли. И Ленка Ловыгина покой потеряла, стала загадывать на жениха. Был у нее знакомый паренек Коля Семенов, потом его на фронт взяли, потом он писать перестал. Вот и решила Ленка узнать, где теперь Николай — живой ли, здоровый ли, почему вестей нет. Помогло ей, конечно, зеркало. В него, мол, и увидела Николая... И после этих слов Наталья делала длинную паузу, опять хмурила лоб и вздыхала. И лицо делалось старое, серое, точно бы прошла большую дорогу, устала, и дыхание становилось тяжелым. Она, наверно, вспоминала сейчас своего мужа, может, и молодость вспоминала, а может, и завидовала Ленке Ловыгиной, ее легкой теперь судьбе.

— Мама, сколько лет было Ленке?

— Нет, Степа, она не Ленка тебе, а Елена Григорьевна, она для меня только Ленка — по возрасту, да еще, поди, маленько родня. Мы с ней потихоньку роднимся, никто даже не знает...

— А зачем смотрела в зеркало Елена?

— Григорьевна-то? Вот доживешь до тех лет и узнаешь. Любовь, Степа... Любовь и калечит и лечит, из ума человека выбрасывает. Ну ладно, не туда мы поехали.

— А в зеркало смотреть страшно? — опять пристает к матери Степа. Ему нравятся эти разговоры о чудесах, о таинственном. Он ловит каждое слово — и замирает душа...

— Ох, страшно, Степа! Сильно страшно, сынок, — на зеркало. А потому и карты предпочитаю. Не нашего ума зеркало. Там и люди показываются и мертвецы. А я слаба, труслива, меня прямо в холод бросат, а то в кипятке. Худые совсем нерешетки.

— А если черт выйдет? На это зеркало? — Степа сдвигает брови, серьезничает, а самого разбавляет смех. Он любит мать погуглить, поводить на какой-нибудь хитрой смешной веревочке, а она верит ему — простая душа...

— Нет, сынок, не страшнй меня своим чертом. Я и так в своем детстве напугана. Все было со мной, всякие страхи. И с воза с жердями падала — лошадь-то понесла, а я на телеге сидела. Кого, раньше-то за дитями разве следили? Все недосуд да на пашне, да собрались в город поехали — на каки-то на легкие заработки, а я все с мамой одна. Она — за дровами в деляну, и я — за дровами. Она — на луг за сеном, и меня — рядом, в телегу. А обратно сиюж на возе да песенки напеваю, а надоест — возмью с горки этой и покачусь. Как только под колеса не попадала, а под копытами много раз была — лошадь только пофыркат да остановится. А то еще совсем пятилетню меня пороз Васька топтал. Я ведь никого тогда не боялась — кого взять, пятилетня дак. Везде шагом ходила, вразвалочку, а глаза вечно задраны, не признаю никого. Таку и пороз увидел, невзлюбил такую горду. Разбежался и побежал. А я сжалась в комок, присела, он и пробежал надо мной, дурак. А на мне ни одной царапинки. Так что ты меня не пугай. Васька тот чем не черт, и таки же рога. Так что, Степушка, не пугай меня, я давно всем светом напугана, теперь всего боюсь. А как? Для чего нас учит судьба?.. Потому и на зеркало не гадаю, спаси меня, сохрани. Вон чё вышло у Ленки, как оно обернулось.

— А я не верю в зеркало! Не бывает... — опять упорствует Степа и лезет на грех. Он знает, что теперь мать рассердится и начнет убеждать его, горячиться, вспоминать разные побывальщины, а ему то и нужно — послушать эти тайны и чудеса.

— Хошь верь, хошь — не верь, — продолжает мать, — но только Ленка сама рассказывала, да и Николай подтверждал.

— Она, поди, уснула у зеркала. И сочинила во сне, — не унимается Степа, а у самого глазки, как у хорька. И веселье в них неподдельное, но мать то ли не видит, то ли вся увлеклась.

— Зачем уснула? Тут не заснешь. Тут сидишь на стуле, себя не чувствуешь. Тут человек то весь напрягается, все косточки его дрожат да подпрыгивают. Какую надо сохранять выдержку, а не то заболеешь, не к нам будь сказано. Сильно, Степа, по нервам бьет, а мы все, говорят, из нервов. Да и ворожить надо правильно...

— Как надо-то? — снова ловит ее Степа на слове и смотрит матери прямо в лицо, не мигает. Но мать не отводит глаз, а кивает решительно и делает знак рукой — подвигайся, мол, слушай.

— А я расскажу, сынок, все по порядку. Как надо правильно и неправильно. Сядь поближе, запоминай.

И Степа замолкает и подвигается ближе. Лицо у него спокойное, любопытное. Он любит эти минуты полной, прямой откровенности. И не столько теперь слушает ее голос — все эти тайны, истории, — сколько радуется этим чудесным часам. Мать потихоньку рассказывает, словно бы сказку или книгу читает, а ему делается так хорошо, так чудесно, что страшно даже: вдруг это все оборвется и голос ее замолкнет. А мать говорит, говорит и ни о чем не догадывается, а Степа смотрит на нее, и тихая, спокойная улыбка скользит по ее лицу.

— Гадать на зеркале надо правильно, а неправильно всяк сумеет. Ты хоть понимаешь меня, Степа?

Он вначале молчит, потом встряхивает головой и невольно отвечает:

— Слышу, мама, все слышу.

— Коли слышишь, то хорошо. В жизни многое пригодится. Жизнь-то долгая, Степа. Не узнаешь, где падешь, где споткнешься, так стары люди говаривали, потому запоминай, сынок, пригодится... Значит, так: гадают-то на зеркало девки обычно, они женихов-то ждут. И непростое дело выходит. Надо девке вначале одеть чистую рубашку, да волосы свои распустить, да вынуть все гребешки и чтоб никакой прически, а потом ночи жди, чтобы было двенадцать часов. И раньше нельзя и позже нельзя. Чтобы только полночь была, чтобы ровно двенадцать. В это время зеркало ставится, а девка или человек какой — напротив его. А зеркало нитками все опутывается, а концы ниток в руки берешь и свечу зажигаешь в то же время. Как свечка заколется, как сверху запылает, так и смотри в зеркало, напрягайся теперь, кого загадаешь, тот и покажется. Встанет в рост и пойдет на тебя. Но ты его близко не допускай, нельзя близко да и опасно. Как только он близко окажется, как только дыхание услышишь, так сразу хватай в руки ножницы и обстригай нитяные концы, а не поможет, то в дверь ногой хабалыни и распахни, да не просто так, а приговаривая про себя: «Давай сгинь, пропади! Давай сгинь, пропади!» — и так повторй до трех раз и поможет. Честно слово говорю, не совру...

— Честно слово-то — не корова, его можно продавать... — вдруг Степа смеется и замолкает на полуслове. Не хотел ведь, нечаянно вылетело — просто вспомнилась поговорка, а вот мать, наверно, обиделась, и он ежит плечи, и лицо виноватое, и глаза повлажнели — на мокром месте. Жалко, жалко до слез этой истории — вдруг мать сейчас замолчит и не докончит рассказ. Но та и не думала обижаться. Она только посмотрела на него долгим взглядом, позвенула рассеянно и снова заговорила:

— Вот так наши девки и узнавали про женихов. Так же Ленка Ловыгина зажгла, сразу усталилась в зеркало, а чё оно, зеркало — правда есть правда. На нее сразу Коля Семенов пошел. Она и глаза зажмурила, а чё оно — жмурь не жмурь. Она и ошалела от радости. А потом и забыла про ножницы, забыла, что нитки надо остричь. Только вспомнила в самый последний момент. Стала стричь — чё-то твердо, еле пальцы выдержала, пока вела ножницами. А прошла минута, другая, зажгла лампу-семилинейку, поглядела, а в руках-то кусок шинели. Остригла ведь у Коли шинель! Ладно будет, все хорошо. А через месяц сам Николай заявился, отпустили в отпуск из госпитала. Так бывало, что отпустили. Посмотрели у парня шинельку, проверили, а чё проверять — от полы-то отстрижено. Повертели, похмыкали — дело ясно, как день. Побежали за Ленкой, предупредили. Она принесла тот лоскуток, его сразу приложили. Он как раз тут и был — опять целая шинель, нашлась потеря. Вот как, Степа, случается. На удивление...

— Лена-то испугалась? Как потом было? — Степа дышит сильнее, волнуется, он уж слышал про эту Лену от матери, но каждый раз по-другому. Потому Степе забавно и любопытно, и почему-то страшно немного, даже холодно на затылке.

— Чё потом, потом — кошка с котом. К шинели лоскуток-то приложили, как жизнь Ленкину к солдату приложили, потом поженили их да поздравили, и я на той свадьбе была. Мед и бражку пила, — смеется Наталья и хочет погладить сына по голове, но тот ловко увертывается, а сам вторит ей:

— По усам текло, а в рот не попало. Да ты, мама, вроде и не пила никогда?

— Вроде, вроде... Не зарекайся, сынок. Вот наш папка придет да живы будем, здоровы, — тогда и я выпью. — И опять смеется, платком рот закрыла, стесняется почему-то смеха этого, радости. Не умела она до конца радоваться, может, жизнь отучила. Вот и теперь скоро смолкла, подобрала губы.

— Где, Степа, карты? Загадаю про нашего папку.

— Не знаю...

— А кого ты знаешь! И куда девались эти подлы картешки! Разорвала бы их на мелкие кусочки да в огонь побросала. Нет, ты как хошь, а я ненавижу, ненавижу эти чертовы карты! За чё верим им, доверям? Вот пойду в уборную да в яму брошу. Нет, ты как хошь...

Степа смотрит на нее исподлобья — давай, давай, мол, кричи. Знаем мы эти концерты, привыкли. А ему бы теперь не карт, а другого. Он делает серьезное лицо, не выдерживает:

— Ну давай погадаем на зеркало? Может, папку увидим, пойдет на нас...

— Ох, Степа, молодой ты, а хитрый. И в кого ты такой натрыжной — не дай бог с тобой связка... Я живу простодушней, и отец твой отдаст последнюю рубашку, последние носочки сметет с себя и на соседа оденет, а сам пойдет босиком. А ты, сынок, поумнее. Да слава богу. Дуракам-то тоже нехорошо. Но только на зеркало я гадать не стану. Боюсь я, Степа, вдруг чё-то нехорошо покажется, а я и так с ума схожу о Степане. Вот вернется наш папка, тогда хоть на воде, хоть на зеркале, хоть в ночь, хоть в полночь...

— Ладно, мама, запомни.

— Запоминай, Степа, записывай. Ну где там наши картешки? Маленько раскинем...

Но случилось так, что Степа очень быстро дождался гадания. Пригодилось и зеркало, да еще как пригодилось. А началось все с гусей.

Мать задумала развести гусей. Хоть Степа и отговаривал, но она — ни в какую. На зиму, мол, всегда с мясом будем, да и корму надо немного. Гусь — птица умная, сам пропитание добудет. Задумала — сделала. Купила где-то гусицу и гусака. Посадила гусицу на яйца и стала дожидаться цыплят. Гуси жили в пригоне, там и загорода была, и корыто для корма стояло, там и для гусят уже отгорожено, хоть и нет их еще, но ведь будут же обязательно. Будут-то будут, но только не дождался приплота хозяева, только горя одного дождался.

Зашел однажды Степа в пригон — и сразу сердце упало: кругом побитые яйца, точно их сапогами топтали, а самих гусей нет. Следом мать прибежала, заохала, а что охать — полный разгром. Мать — в слезы, а Степа не дает ей реветь, уговаривает:

— Нашла об чем — о гусях. Лишь бы папка живой вернулся, да поскорей...

Она согласилась, но не сдавалась:

— Так-то оно так, да назад-то как? Зачем бы заводить их, коли теряют! Где это, Степа, записано? Да в какой это есть бумаге? И не успокаивай даже — жалко мне. Но кто же это украл?! И не соготали, а может, уснули мы, а они соготали? Неуж бы собака была, так бы не спаяла? Нет, Степа, нельзя нам жить без собаки. Давай как-нибудь Жучку подсматривай...

Степа кивнул головой и вдруг заметил возле крылечка что-то не так. Заглянул под крыльцо, а там лежат лапки и гусиные головы. И мать тоже увидела и снова запричитала:

— Ишь ты, подбросили! Наизгалялись да кинули... Постой, сынок, я сдогадываюсь. Это не иначе Лушка Лагутина. Ее дело рук. Больше некому. Вон как людей ненавидят, прямо едят. Вчера в магазине Лушку приперла: почему, мол, в колхоз не идешь, не работаешь? Наши там кровь проливают, а вы наживаетесь! Ишь, она и отомстила, а больше кому?..

Но Степа ей возразил:

— Не пойман — не вор. А если б на нас сказали?

Но мать головой замотала и покраснела:

— Нет, сынок, чую я. Лушка это. Стерва поганая...

— А давай, мама, сворожим? — вдруг сказал Степа, и в глазах у него замелькало веселое.

— Бог с тобой, Степа, я уж давно не брала картешек.

— А мы на зеркало. Если Лушка, то нам покажется...

— Давай, давай, — согласилась мать и сразу повеселела.

— На гусей-то можно на зеркало... Это на людей я боюсь загадывать, а на гусей-то сам бог велел. Да и Лушку поймать охота. Выведем ворюгу на зеркало! Выведем, все равно не уйдет, — повторила она кому-то для утешения и еще сильнее покраснела, нахмурила лоб. — Дождется, Степа, ночного часа. Днем нельзя, не получится.

Тот день Степа с трудом переждал, так хотелось посмотреть на гадание. Хотелось, и чё-то боялся. Не зря мать часто отговаривала от зеркала. Страшно всё, непривычно, и за себя не ручаешься. Сердце билось толчками и дергалось, как будто Степа лез в гору и ноги раскатывались. И чтобы прийти в себя, успокоиться, он выходил на крыльцо и прислушивался. А чё слушал — сам не знал. В деревне тихо, пустынно, как будто все закрыли ворота, куда-то уехали. Но тишина эта живая, раскатистая, и у Степы еще больше бухало сердце, и в горле делался нехороший комок. Мать тоже на крыльцо выходила и смотрела грустно в поля. Они лежали возле самой деревни и все были от всходов зеленые, плоские, как будто их подстригли, выровняли, и они дожидались теперь дождя.

— Скоро, мама?

— Скоро, скоро! Сейчас пойду простынь поглажу. Она пригодится нам, надо...

— Мы будем на зеркало? Как Лена Ловыгина? — не унимается Степа, опять лезет к матери. Он занялся сейчас разговорами, чтобы страх отогнать. Но лицо выдает — поблдно все, губы вытянулись, и щеки тоже стали длинные, хмурые, как будто Степа сейчас в сильной обиде — не пережить...

— Перестань, сынок, неуж не дождешься? И не брякай мне под руку. А будем гадать мы, конечно, на зеркало, но только иначе, по-своему. Может, получится. А не получится — дождемся цыганок. У них-то получится обязательно.

За окнами стало сине, потом потемнело. Мать расстелила по столу чистую, белую скатерть, на самый конец стола положила ребром высокое зеркало, посреди скатерти поставила стакан с прозрачной водой колодешной, а в воду опустила золотое кольцо. Зажгла свечку, подвинула к зеркалу. Пока она колдовала у стола, перебирала руками — Степа даже дышать перестал. Да и давила опять тишина, которая растекалась по комнате и в ограде, под окнами. Коров давно загнали в пригоны, собаки не лаяли. Был глухой, полуночный час. Потом стало еще страшнее, тревожнее. И в этот миг она стакан подняла и начала смотреть сквозь стекло на зеркало. Губы что-то шептали и дергались. И вдруг крикнула:

— Вижу, вижу, сынок, отгадала! Вон она, халыва проклята... К дому подходит, в ограду... Вон гуся потащила, пригнулась!

— Где, мама? Кто? — смотрит Степа во все глаза.

— Да Лушка-то, Лушка! Вот она — прямо в зеркале. Ни стыда нет, ни совести.

Степа наугулся совсем и стал озирается. Лицо у матери бледное, точно берестяное, а пламя свечки трепыхалось голубовато, обиженно, словно кто-то бы раздувал его. Потом мать предложила:

— Посмотри, сынок, сам! Посмотри! — Она подала ему стакан с золотым кольцом. Он взял стакан осторожно, подавленно, точно бы не стакан это, а змея или ящерица. И сразу начал смотреть сквозь стекло прямо на зеркало, как это сделала мать. Он смотрел, а мать дышала тяжело, запаленно, как будто в теле у ней стояла болезнь.

— Видишь, Степа, ты не молчи... — но он молчал, продолжал смотреть.

— Видишь, Степа? Я не могу... — И тогда он ответил, чтоб отвязаться от матери, а может быть, чтобы страх прогнать:

— Вижу, вижу! Там Лушка ходит...

И мать сразу облегла вздохнула и перекрестила рот.

— Ну и слава богу, вот и нашли виновника. Ох и халая она, польстилась...

Ему было совестно. Потому что никакой Лушки он не увидел в зеркале. А сказал про Лушку просто так, невзначай, чтоб угодить сейчас матери. Сказал, а легче ему не стало. Даже наоборот—пришел такой стыд, будто б сам гусей украл, а потом отрубил им головы. Степа на мать посмотрел, но она молчала. И тогда Степа вышел на улицу. В небе было столько звезд, что он зажмурил глаза. Одни звезды были большие и точно бы шевелились, а другие были маленькие, желтые и так же мигали, как та свеча перед зеркалом. От звезд шел длинный, тягучий свет, и этот свет усыплял. У Степы стали закрываться глаза, но в это время заскрипело крыльцо.

— Где ты, сынок? Я тебя потеряла.

— Мама, я здесь.

— Вот и ладно, вот и хорошо. Только никому не рассказывай, что мы гадали на зеркало.

— Не буду, не буду. А ты про Лушку не говори. Не пойман—не вор. А гусей еще купим. Лишь бы папку дождался.

— Какой ты, Степа, доверчивой! Всех бы по головке погладил. В кого ты, не знаю, а люди-то всякие... Гляди-ко, какие звездочки.

Степа опять поднял голову. Звезды теперь были ближе, и свет от них шел прямо в глаза.

— Мама, они шевелятся.

— А как же! Они живые, и мы живые...

3. ВОЕННАЯ МУЗЫКА

Наступил третий год войны. А когда-то уверяли себя, что война пройдет всего три недели. Да не вышло так. Но сосновцы не унывали. И как они обрадовались теперь теплым февральским дням! Уже солнце поднималось все выше, по-весеннему грело, но до весны еще далеко, еще ночами трещали морозы, еще снег и не думал таять, а, наоборот, затвердел и слежался—ходи по нему, не провалишься. И какие сугробы стояли в том феврале! По этим сугробам и пришли в деревню нежданные гости. Они пришли на лыжах, их было человек десять—двенадцать. Самый младший из них учился еще в четвертом классе, остальные были из шестого, седьмого... Вместе с ними был школьный учитель—горбатенький, крохотный, в тесной кроличьей шапочке, в больших пимах не по росту. Настоящий мужичок-с-ноготок. Зато на глазах сияло золотое пенсне. Эта шапочка, это золото делали его еще похожим на белочку. Прыгает она по веткам, резвится и хвост свой далеко распушила, но близко не подпускает. А ребята ему дали свое особое прозвище—Комарик. Комарик! Наверное, из-за голоса, очень тонкого и писклявого. А может, из-за фигурки, очень слабой, непрочной...

В этой группе были еще одно существо—большая собака. Но рост свой она не оправдывала. Собака крутила хвостом, ко всем приставала, ласкалась и даже пыталась лизнуть в руки, в лицо.

Эти ребята пришли из райцентра. Там был детский дом, средняя школа, и сам райцентр походил на маленький город. Степа Луканин там не был, но многие были и теперь рассказывали всякие чудеса.

В первую ночь гости заночевали в школе, а утром Комарик стал рассылать приказы. И лицо у него было теперь сухое, уверенное, даже голосок обманул ожидания. Он теперь не пищал, а звенел, надвигался, правда, на самой высокой ноте. Еще немного, и он бы скатился на визг, но этого не случилось. Учитель никого не просил, а приказывал. Само имя у него оказалось сердитое, громкое—Григорий Романович. Степа сразу понял, почувствовал, что этот горбатенький—самый большой из них, самый главный.

Так и вышло, как думал Степа. Григорий Романович был директор детдома, а привел он с собой детей Ленинграда. Их так и называли—дети славного Ленинграда. Год назад их вывели из осажденного города, многие из них были сироты, а другие о родителях своих ничего не знали. Они, видно, любили очень Комарика, потому что во всем ему подчинялись, ловили каждое слово. А Комарик уже распорядился, чтобы в школьном зале готовили сцену и заносили стулья, чтобы помыли полы и повесили занавес. Этот занавес они привезли с собой. На белой марле был нарисован крейсер «Аврора», а возле него в шеренге—красногвардейцы.

И вот пришел вечер. Зал наполнился до отказа. Ребята шумели и требовали артистов. Вдруг занавес распахнулся, и вышел Комарик.

— Не из тучи гром,—заговорила тетка Настасья, но на нее замахали руками.

Она покраснела и сразу прикусила язык. А Комарик уже обращался к ребятам. Голосок его опять звенел, поднимался, а пенсне ехидно поблескивало, отражало свет, и опять он походил на хитрую белочку, которая высматривает добычу. Но Степа так и не слышал, к чему он призывал. Он следил за его прической, руками—все это взлетало вверх и топорщилось. Комарик очень нервничал и не держал себя. Потом на сцену вышел мальчик в белой рубашке и крикнул громким, веселым голосом:

— Привет вам с далекой Невы! Начинаем концерт и просим внимания!

Комарик заиграл на баяне, появилась вся группа—и хор грянул довоенную песню. Теперь уж Степа не сводил глаз с Комарика. У него были длинные, бледные пальцы. Словно не пальцы, а веточки. Они так быстро носились по клавишам, будто за ними гнались какие-то невидимые, злые враги: еще миг—и схватят, набросятся. Но проходила минута, другая, а пальцы все еще были на воле, только двигались теперь уже медленно, нехотя. И вот звук погас—и, как горох по железу, посыпались из зала аплодисменты. Комарик изогнулся и поклонился.

Потом опять вышел хор и спел несколько песен. Ребята пели громко, старательно, с подъемом подыгрывал им Комарик. А потом вышел мальчик в белой рубашке, с гитарой в руке. И эта рука держала гитару гордо, уверенно. Мальчик встал рядом с директором и начал играть. Комарик сначала слушал, вытягивал шею и вдруг резко нажал на клавиши, и пальцы у него напряглись, вздулись жилы. Лицо тоже страдало и двигалось. Но вскоре напряжение прошло, и вот уже баян и гитара тихо обнялись и сплелись, и раздалась такая чудесная музыка, что Степа закрыл глаза и почти не дышал. Он не знал, что с ним происходит, его точно бы всего окутала пелена, и ему не хотелось из нее выбираться, так было спокойно и хорошо. Звучи лились, приближались, и от Степы точно бы отпали все его печали, заботы, и он понял вдруг, что с ним случился какой-то удивительный праздник, которого он ждал всю жизнь и вот наконец дождался...

А потом они сыграли старинный русский романс. Мальчик так и объявил своим громким, пронзительным голосом:

— А сейчас мы исполним старинный русский романс «Я встретил вас...»!

Объявил и первым коснулся рукой гитары, а потом и баян подключился, и опять полилась такая грустная музыка, что Степа захотелось заплакать. И он плакал и не замечал слез, да и многие тоже плакали и нисколько этого не стыдились. А концерт продолжался и продолжался. Мальчик в белой рубашке—ведущий—пел опять довоенную веселую песню, но слова-то были веселые, а лицо у мальчика было прямое, серьезное, потому снизилось впечатление. Зато дальше опять все исправилось, потому что начал играть Комарик. Мальчик ушел со сцены, остался Комарик с баяном, и Степа напрягся от ожидания, и все тоже притихли, даже боялись дышать. Ожидание не обмануло—играл он прекрасно, и музыка разливалась все шире и билась о стены, точно бы хотела прорваться на улицу, а там улететь в снега. Комарик весь согнулся над блестящим черным баяном, а лицо его то краснело, то резко бледнело, а пальцы носились, взлетали и опять были похожи на ветки. Мелодия оборвалась внезапно, как будто наступили на нее тяжелыми сапогами,—баян всхлипнул и сразу затих. Степа поднял глаза, но Комарик уже раскланивался, улыбался. Глаза все так же сверкали, томились, и с лица еще не ушло возбуждение—оно было в пятнах, горело. Потом достал пенсне из кармашка, надел его легким,

невидимым взмахом и сразу же успокоился. И в этот миг дали занавес. Через минуту опять подняли. И опять вышел все тот же мальчик и поднял руку:

— Начинаем второе отделение концерта. В гостях у вас ленинградские дети. Концерт ведет Игорь Дроздецкий!.. А теперь поприветствуем нашего лохматого друга!

И вдруг на сцену вышла большая лохматая собака. Посмотрела в зал и присела на задние лапы.

— Степа с вами здоровается. Давайте похлопаем!—опять сказал мальчик-ведущий и первый забил в ладоши. Потом и зал подключился, и скоро все слова мальчика потонули в шуме и гаме.

— У нас тоже есть Степа!—закричал всех громче Толька Жучок, и все сразу засмотрели на Степу Луканина, стали громко смеяться.

У Степы покраснело лицо, но он нашел в себе силы и тоже начал смеяться: все в жизни бывает, ведь бывает же, уверял он себя. Даже, мол, интересно, что собаку зовут Степой—почему-то так...

— Продолжаем концерт!—прервал смех Игорь Дроздецкий. А собака уже поднялась на задние лапы, а передними махала, словно бы здоровалась, разговаривала, и глаза у ней сверкали, как у Комарика. Видно, переживала она, волновалась.

— Наш Степа приветствует вас в этом зале,—объявил опять мальчик и начал раскидывать по полу какие-то карточки.

— Степа, друг, покажи арифметику!—Игорь потрепал собаку по шее и повел за собой по сцене. Собака сделала несколько шагов, остановилась и пролаяла два раза. Потом подняла зубами карточку и показала в зал. На карточке жирными чернилами была написана цифра 2. Ребята зааплодировали. Собака сделала еще шаг и пролаяла пять раз. А после этого подняла зубами карточку,—глаза у собаки горели. На карточке была цифра 5. В зале опять шум, но это был веселый, счастливый шум. И вдруг залаял сам Игорь. В зале стихло—все поразилось. И в этой тишине собака подняла карточку с цифрой 10. Что тут началось! Со скамьи, где сидели учителя, раздался крик «Браво!», это всех подстегнуло, и ребята, уже не стеснясь, топтали и кричали, били в ладоши—пришел настоящий праздник. На сцене стоял смущенный, счастливый Игорь. Поднял руку и начал раскланиваться. Глядя на него, и собака стала раскланиваться. И делала это смешно и забавно: она ходила по сцене кругами и через каждый круг наклоняла свою лохматую голову. Она бы так ходила, наверное, целый час, но ее остановил Игорь:

— Степа, покажи, как мы учим уроки!—Собака зевнула и повалилась на пол, точно бы сразу уснула. Весь зал захохотал от смеха, но собака даже не пошевелилась. Игорь стал поднимать ее, но собака выпадывала из рук, как камень. Все опять громко смеялись, только молчал один Степа Луканин. Он все еще не привык, что у собаки было такое же имя, как у него.

— Степа, покажи, как мы отдыхаем!—крикнул громко Игорь Дроздецкий.

Собака подпрыгнула, как мяч, и сразу же стала визжать, кувыркаться, ее большой толстый хвост все время мешал ей и жил как бы отдельно. Собака он надел, она схватила его зубами и стала тянуть его к себе и прижимать уши—она, наверно, кого-то изображала. Потом забыла про хвост и опять стала повизгивать, кувыркаться, но ее придержал Игорь:

— Хватит, Степа! Спасибо!—И собака заходила по сцене кругами и опять стала кланяться, а Игорь уже просил ее о другом:—Степа, покажи, как ты любишь фашистов?!

Собака замерла, остановилась как вкопанная, затем подняла заднюю ногу, как при исполнении малой нужды. Так было секунду, затем стала когтиками заскребать эту лунку. Земли, конечно, не было под ногами, но ребята сразу обо всем догадались и такими аплодисментами наградили лохматого Степу, что он даже передернул ушами от этого необычного шума. Потом склонил голову в низком поклоне.

На сцену вышел Комарик. Он поднял руку и, кажется, приготовился говорить. Так и вышло.

— Ребята,—начал директор детдома,—завтра мы уже будем в другой деревне, но вашу школу никогда не забудем. Не забудем, правда?!

— Не забудем!—ответили хором детдомовцы. Они стояли теперь сзади директора тесным торжественным строем, и лица у них были серьезные.

— Мы совершаем лыжный пробег по району,—начал снова директор,—и я возглавляю всю эту группу, а мой заместитель—Игорь Дроздецкий. Давайте скажем ему спасибо. Он хорошо вел концерт.

— Спасибо!—крикнули разом детдомовцы, и к ним присоединился весь зал.

— Давайте скажем спасибо нашему Степе. Он самый умный из всех собак!

— Спасибо!—опять отозвались дружным хором детдомовцы, и снова к ним присоединился весь зал.

— А между прочим,—продолжал на сцене директор,—наш Степа—героическая собака. Игорь Дроздецкий вез ее от самого Ленинграда. И эта собака все вынесла: и длинный путь, и морозы, и голод. Много раз ее выбрасывали из вагонов, потому что собак везти не положено: на людей мест не хватает... Кто знает, что пережили собака с хозяином, но все равно вынесли, выжили и доехали, и теперь они с нами...—И директор умолк, протер платочком пенсне и опять начал:—Какие муки мы пережили! И сколько горя! И какие муки предстоит еще пережить!.. Вот у Игоря все родные погибли. Бомба прямо попала в квартиру. А Степа бежал во дворе и остался живой. Потому так и дорога эта собака хозяину—нашему Игорю.

Директор замолк, потом сдернул пенсне, и на лице сразу же образовалось какое-то детское виноватое выражение. Он точно винил себя, что рассказывал сейчас всем про Игоря, ведь никто не просил, не расспрашивал... К нему подошла собака и подняла голову. В зубах у ней была белая бумажка, свернутая в узкую трубочку. Директор развернул ее и высоко поднял над головой. На бумажке красными чернилами было написано: «Концерт окончен». Ребята снова зааплодировали, но никто из зала не вышел. Тогда директор поставил на сцену стул, взял баян и начал играть. Играл он знакомый вальс «Дунайские волны». К нему подошел с гитарой Игорь Дроздецкий и начал подыгрывать. Возле Игоря встала собака и подняла голову. Потом громко завывала, но глаза у нее были веселые. Точно бы они играли, а она подпевала. Было смешно и почему-то печально. Степа сначала вместе со всеми смеялся и смотрел на собаку, а потом смех оборвал и повесил голову. С ним творилось что-то неладное. И было так тяжело, так печально, точно бы завтра нужно было расстаться с жизнью, умереть навсегда. Он думал о войне, о родных этого мальчика Игоря, которых убила бомба в далеком городе Ленинграде. Думал об этой собаке, которая проехала в поездах тысячи километров и уже насмотрелась такого, о чем Степе даже не снилось. Думал об этом директоре—смешном человечке, которого жизнь наказала за что-то вечным уродством, а почему наказала—никто не ответит. Думал Степа и о матери своей, об отце и о своих стареньких учителях, многие из которых сидели сейчас так же молча, печально и так же о чем-то думали, вспоминали. «Как их жалко! Как им трудно порой, как они, наверно, устали!»—И у Степы болела голова и щипало глаза.—Да что же это такое?—воскликнул он про себя и снова не мог ответить то ли на какой-то вопрос, то ли на какой-то голос в душе. Наверно, это Игорь с директором были теперь виноваты, их чудесная музыка, их приезд...

А музыканты, кажется, обо всем забыли. Ведь и ночь давно за окном, и керосину в лампах немного, ведь отдохнуть им давно пора, а они все играли, играли...

Девочки вначале кружились под музыку, а потом смутились чего-то и разбрелись по углам. И правы они—лучше слушать, молчать... И теперь все наполнила музыка. Как хорошо мечтать под нее, когда все еще впереди, впереди. Когда жизнь сама похожа на эту белую снежную дорожку и ничего еще не отпечаталось на этом чистом ослепительном насте, разве только маленький следок от степной зимней птички, разве только бороздка от сухой прошлогодней травинки, сломленной внезапным ветром или просто зимним степным дыханием. И опять кругом—белизна, белизна...

Они ушли из Сосновки ранним утром, почти на рассвете. Их никто не провожал, потому что они ушли как бы крадучись, незаметно, наверно, подумав, что лишние проводы—лишние слезы. А часа через два началась большая метель. Она и замела их лыжню, их голоса, их музыку. И Степе долго потом казалось, что эта музыка ему просто приснилась.

Кронштадт... И в памяти всплывает фигура моряка, увитого пулеметными лентами. И знакомые со школы строки Маяковского: «Под мостом Невы-река, по Неве плывут кронштадтцы... От винтовок говорка скоро Зимнему шататься». Это было в огненные дни Октябрьской революции, когда по приказу ВРК и Центробалта кронштадтцы направили в Петроград корабли и отряды матросов, которые активно участвовали в восстании, а затем и в гражданской войне.

Вспоминаются и стихи Эдуарда Багрицкого: «Нас водила молодость в сабельный поход, нас бросала молодость на кронштадтский лед». Тогда, в 1921 году, проходивший в Москве X съезд партии направил около 300 своих делегатов в 7-ю армию под командованием Тухачевского, которая в ночь на 17 марта, перейдя по льду Финский залив, взяла Кронштадт и, разгромив мятежников, восстановила там Советскую власть.

Впоследствии советский Кронштадт сыграл значительную роль в Великой Отечественной войне, став важнейшей составной частью сил, участвовавших в героической обороне Ленинграда и разгроме немецко-фашистских войск.

Да, немало опаленных порохом страниц вписал Кронштадт в отечественную историю. И сегодня вот уже более четверти тысячелетия неизменно стоит он — город, порт — в Финском заливе, на острове Котлин, что в 29 километрах к западу от Ленинграда.

По просьбе «Смены» известный писатель Виктор Конецкий побывал в сегодняшнем Кронштадте. Предлагаем вашему вниманию его очерк.

Взрывом его скинуло с мостика на роостры, он получил тяжелую травму черепа, его забыли на тонущем судне, в любую секунду могли взорваться паровые котлы — вода заливала кочегарку и машинное отделение, но оборону «сего места» он держал до последней силы.

Перегородить Морской канал подорвавшимися на минах судами, отрезать Ленинград от Кронштадта врагам не удалось ни в первый день войны, ни в последующие девятьсот дней осады. Кронштадтцы выполнили наказ Петра — стояли до живота, то есть на смерть.

Вообще история города и крепости Кронштадт чрезвычайно российская история. Ни один вражеский солдат не ступил на землю Кронштадта за его историю, никто не смог овладеть фортами и крепостью, — ни шведы, ни немцы, ни англичане...

Нынче из Ленинграда «Метеор» на

Кронштадт отправляется с набережной Адмирала Макарова. И в этом есть нечто символическое. Но не такое символическое, которое специально придумано и сделано, а которое как-то само собой выходит.

Я ожидал «Метеор» на плавучей пристани. Пристань дышала под ногами и даже плавно покачивалась, когда по реке проносились катера, и я ощутил легкое, приятное головокружение — давно в морях не был, скоро два года уже.

«Метеор» развернулся, и мы пошли сдержанным, «речным» ходом вниз по Малой Неве. Простите только: не «мы пошли», а я «поехал».

Надо сказать, что профессиональному моряку как-то неуютно быть пассажиром даже на речном суденышке. Так и тянет сразу подняться на мостик, чтобы видеть вперед по носу и по обоим бортам. На мостик я, естественно, не

Маршруты бессмертия

Виктор КОНЕЦКИЙ.

Фото Владимира ЧЕЙШВИЛИ.

КРОНШТАДТ

«Оборону флота и сего места держать до последней силы и живота, яко наизглавнейшее дело».

Петр I

**«И ВЕРНЫХ МАТРОСОВ
РОДНАЯ СЕМЬЯ —
ТВОЯ ВЕКОВАЯ ОХРАНА».**

В ночь с 21 на 22 июня 1941 года немецкие самолеты пролетели над Невской губой и Морским каналом. Крепость самолеты засекла, но осталась без всякого ведения о том, что они поставили на фарватере донные мины. У меня хранится пожелтевшая бумажка, место которой, пожалуй, в музее истории Ленинграда.

Привожу этот документ, сохраняя орфографию. Не сетуйте на ошибки, пишет старый человек, практик, без всяких образований.

«1941 года Июня м-ца 22-го дня в Воскресенье, день Отдыха.

Я, Трофимов Федор Алексеевич, получив вызов с Оперативного морского дежурства, как Очередной лощан отправился с катером к 9 утра на товарно-пассажирский п/х «Рухно», который стоял в Морском канале у 21 причала.

Когда первая машина была готова, дали распоряжение «Отдать швартовы». Развернулись в Гутуевском ковше и пошли по Морскому каналу. Капитан п/х «Рухно» предупредил меня, что они идут в Выборг. Примерно около 11 час. утра вышли в открытую часть Невской губы курсом на «Вест». Погода была тихая и солнечная, впереди канала никаких плавающих предметов видно не было, а также встречных судов.

Шли всреди канала. Весь залив Невской губы был заполнен в прогулочных яхтах и курсирующих пассажирских судах в Петро-Дворец и в Ломоносов и в Кронштадт.

Не дошли двух-трех кабельтов Северного буйа, приблизительно у сто сорокового пикета, иначе сказать на траверзе Стрельна. Получился совершенно неожиданный сильный взрыв с правого борта подзора п/х «Рухно». От сильной волны воздуха и от удара меня откинуло назад, отчего произошел сильный удар в голову, и в тот же момент потерял сознание. Через некоторое время я стал приходить в себя. Прошло несколько минут, когда открылись мои глаза, увидел свет и увидел с мостика, как заливает водой кормовую часть палубы п/х «Рухно», я еще увидел, что п/х «Рухно» продолжает по инерции движение вперед. На мостике никого уже не было. Шлюпки спущены на воду и отходили. Момент был опасен. Я подполз к штурвалу и положил руль «право» до упора. После этого п/х «Рухно» стал уваливаться к Северной бровке канала. Когда полностью лег правым бортом на Северную бровку, то после того дал крен на левый борт. Тем самым Морской канал был свободен для прохода Военных кораблей, и Морских транспортов.

25 Апреля 1958 г. С почтением к Вам Ф. А. Трофимов».

**ИСТОРИИ ГЕРОИЧЕСКОГО
ГОРОДА БОЛЕЕ ЧЕТВЕРТИ
ТЫСЯЧЕЛЕТИЯ.**

пошел, но в салонную духоту тоже не хотелось. И я стал с левого борта на открытом воздухе.

Быстро остались по корме тылы Васильевского острова, вздыбились мощные новостройки на острове Декабристов — бывшем Голодае.

Мальчишкой я еще слышал крик трамвайных кондукторов: «По Голодаю! По Голодаю! На Смоленское кладбище!»

За островом Вольный «Метеор» врубил полный, вышел на крылья и распустил позади и по бокам гейзер брызг. Я этим гейзером любовался, удивляясь только тому, почему он то несколько опадает и слабеет и даже на просвет начинает вологодские кружева напоминать, то вдруг плотнее и ревет, как ракетный выхлоп.

Прибежал матросик, вылез на банкетку—этаким акулий плавник ест на «Метеорах», свесил голову под плавник, убежал встревоженно. Другой матросик прибежал, проделал то же самое. Потом «Метеор» застопорил ход, с мостика солидно спустился седой капитан. Красивый гейзер оказался следствием того, что в реке мы прихватили под хвост бревно-топлек. «На стопе» топлёк вывалился, и мы заревели дальше.

Все это случилось как раз на траверзе Стрельны. И я поклонился водяной ряби в том месте, где Федор Алексеевич Трофимов выбрасывал «Рухну» на бровку канала, и помянул его: старый лопман давно умер, без орденов и без почестей. Зато документальная книга «Подвиг Ленинграда» начинается с его имени и с его будничного подвига.

Залив сиял. Нежный, голубовато-сиреневый, в белых мотыльках яхтенных парусов.

Создавалось такое впечатление, что братские инженеры первыми придумали такую штуку. Интересно, если сложить Кроншлот, и все форты Кронштадта, и всю насыпную его часть, и все ряжи преград, то каков получится объем земляных, вернее, скальных работ в кубках? Не меньше двух-трех Братских ГЭС. И об этом не след забывать.

Дерево свай и ряжей здесь так закаменело, что ныне, когда нужда пришла их вытащить, убрать, «расчистить», то никак это никакими современными средствами не получается сделать.

Сойдя на Ленинградскую пристань в Кронштадте, я решил идти и ехать, куда судьба понесет.

Из старенького автобуса я вышел у Якорной площади. Она была пустыня—ни одного человека.

Огромная площадь. Огромный Морской собор Николы Чудотворца—старинного покровителя мореходов. Собор напоминал Босфор. (Потом я узнал, что он действительно в плане повторяет Святую Софию в Стамбуле).

Над огромной площадью, которая служила когда-то свалкой отработавших, уставших якорей, стоял в полном одиночестве бронзовый адмирал Макаров.

Восемь могучих якорей Ижорского завода по 95 пудов 5 фунтов каждый

До того, как Петр привел к острову Котлин первый фрегат, царский штандарт символизировал власть России над тремя морями. И вот: «в тот образ четвертое море присовокуплено» — Балтийское.

На цоколе памятника знаменитое: «ПОМНИ ВОЙНУ».

Вокруг мощенная булыжником площадка.

К булыжникам и торцам у меня нежная симпатия. Когда прошлые скульпторы и архитекторы задумывали свои творения, они, естественно, учитывали фактуру той тверди, на которую свои творения ставили. Бесполоая стерильность асфальта гармоничность их замыслов нарушает.

Степан Осипович Макаров—один из самых замечательных наших моряков. Когда «Ермак» уже сходил в Арктику, а потом спас уйму судов в Ревеле и броненосец «Генерал-адмирал Апраксин» и когда имя Макарова уже гремело на весь свет, он издал приказ «О приговору вей».

От века цинга среди матросов и солдат в Кронштадте была обыкновенным делом. Так вот, Макаров командировал на Черноморский флот врача-гигиениста, а оттуда выписал асака. Кроме того, он приказал периодически взвешивать всех матросов, чтобы командиры кораблей всегда знали: худеют их «меньшие братья» (такое выражение было принято о рядовых в «интеллигентной среде») или толстеют.

На памятнике Макарову выбита эпиграфия. Автора не знаю.

Спи, северный рыцарь,
спи, честный боец,
Безвременно взятый кончиной.
На лавры победы терновый венец
Ты принял с бесстрашной дружиной...
Твой гроб—броненосец,
Могила твоя—холодная глубь океана.
И верных матросов родная семья
Твоя вековая охрана.
Делившие лавры, отныне с тобой
Они разделяют и вечный покой...
Ревнивое море не выдаст земле
Любившего море героя...
И тучи, нахмурясь, последний салют
Громов грохотаньем ему отдадут...

Ведь вроде простые слова, да еще и компиляция: и «Вещим Олегом» пахнет, и лермонтовские строчки сквозят, но как все это вместе бьет по сердцу! Как будто слышишь все наши старые морские песни и обоих «Варягов»: «Чайки, несите в Россию...» и «Наверх вы, товарищи...». И морские песни последней войны: «Заветный камень» и «Гремящий» уходит в поход...».

И видишь огромный «Петропавловск», который в одну минуту перевернулся, показав над волнами обросшее водорослями и ракушками днище,—горестное и жуткое зрелище.

Пользуясь тем, что площадь пустыня и никто моей сентиментальности не увидит, я встал на колени и помянул адмирала, и Вережагина, и матросов «Петропавловска», и всех матросов Цусимы, которые семь десятков лет тому назад снялись из Кронштадта на помощь адмиралу и своим порт-артурским братьям.

Потом по древнему подвесному мосту перешел Петровский овраг, любуюсь чистой и буйной силой зелени на острове. Вообще приморские парки, леса, луга особенно зелены: влажные ветры и частые дожди промывают траву и листву. И стволы приморских деревьев по той же причине особенно черны. И контраст первозданной зелени с чернотой стволов заставляет взглянуть на обыкновенное дерево с каким-то даже удивлением.

Ах, как нужна моряку, ступившему на землю после долгого плавания, зелень деревьев и трав! Какое чувство братства испытываешь—к придорожной ромашке или старому клену! Фаддеем Фаддеевичем Беллинсгаузен, тот самый, что натянул нос Куку, открыв Антарктиду, хорошо понимал это. И много сделал, чтобы при вступлении на «служебный», то есть казенный, остров моряки «были бы порадованы тенью деревьев и зеленью». Вероятно, некоторым штатным озеленителям наших городов полезно было бы побывать в Антарктиде хотя бы месяцком.

В Средней гавани кормой к причалу стоял мощный паром, опустив апорель. Нынче Котлин связан с материком регулярными паромными рейсами в любое время года. Впервые за всю историю островные жители могут добраться на Большую землю точно по расписанию.

Матросы на пароме окатывали палубу и заодно друг друга из шлангов, они были совсем мальчишки, полуголые и беззаботные. Беззаботность их выглядела даже вызывающе на фоне крейсера «Киров». На крейсере играли «Большой сбор», белые робы выстраивались на баке и спардеке крейсера плечом к плечу, крепко скованные строгой крейсерской дисциплиной: на крейсерах служба всегда строже, нежели на других кораблях.

За крейсером видны были просторы кронштадтских рейдов, верхушки Кроншлота, угадывался Чумной форт.

Польский лайнер «Стефан Баторий» медленно скользил по заливу, нацеливаясь в пролив между Кроншлотом и аванпортом Купеческой гавани. Я знал, что поляки сейчас держат триста пятнадцать градусов, а через пару минут лягут на двести восемьдесят девять. Я сотни раз прошел этим путем в море и обратно в Ленинград. И было чемно странно сидеть на берегу и глядеть на проходящее судно со стороны, с тверди Кронштадта. Торговых моряков редко

гит

Кронштадт вздымался из воды торжественно и тяжело, как занавес Большого театра. Его дредноутный силуэт среди нежной голубизны увенчивали купола Морского собора. Правее хорошо видны были и силуэты северных фортов. Их семь. Между ними—Каменная преграда. Чуть южнее Ряжевая преграда 1855 года. Мористее—Свайная преграда 1856 года и 1862 года.

И все форты и преграды сооружены со льда мужичками в лаптях с их хилыми лошадами. Помню, как инженеры—строители Братской ГЭС с нескрываемой гордостью показывали газетчикам ряжи—огромные деревянные ящики, которые опускались в майны сквозящий лед Ангары под тяжестью бетонных плит, чтобы стать основанием пло-

НИ ОДИН ВРАЖЕСКИЙ СОЛДАТ НЕ СТУПИЛ НА ЗЕМЛЮ КРОНШТАДТА ЗА ВСЮ ЕГО ИСТОРИЮ.

«ПОД ЗНАМЕНОМ КРАСНЫМ В ОГНЕ РЕВОЛЮЦИИ ВЫ СЛАВУ КРОНШТАДТА В ВЕКАХ УТВЕРДИЛИ».

крепили его покой и его надежды. По необтесанной скале-пьедесталу взметнулась черная штормовая волна, достигнув самых ног Степана Осиповича.

Скалу для памятника подняли со дна морского на рейде Штандарт. Хорошо придумали—поставить адмирала, боцманского сына, внука солдата, на подводном камне с рейда Штандарт.

заносит сюда. Здесь царство Марса и—ныне—еще Софии, ибо в Кронштадте базируется флот Академии наук.

Полускрытый от меня паромом, тяжело ворочался в гавани огромный новый «Ермак», потом он с грохотом обрушил в воду правый якорь и начал подаваться кормой к причалу. Он продвигал этот маневр без буксиров, очень уверенно и даже несколько надменно. И три густых гудка прокатились по гавани, рейдам и по Якорной площади и, верно, отдались глубинным, глухим звоном и гулом в бронзе адмиральского памятника и в бронзе всех других памятников Кронштадта.

С паром раздался ленивый и добродушный голос вахтенного штурмана, усиленный верхней трансляцией: «Эй! Самоубийцы! Поторопитесь! Больше ждать не могу! Опаздываем!»

Двое парней возлизили с мотоциклом на пристани—он у них заглож в самый неподходящий момент. «Самоубийцы» перестали мучить свой драндулет и вручную, со смехом и гиканьем затащили его на паром.

Все очень мирно было, по-домашнему. И вовсе не пахло историей. Хотя камни аванпорта помнили легкую тень от парусов «Надежды» Крузенштерна и «Невы» Лисянского, «Востока» Беллинсгаузена и «Мирного» Лазарева и «Камчатки» Головнина...

С командором Головинным уходил волонтером в свое первое отчаянное плавание мальчишка-лицеист Федя Матюшкин. Если Пушкин кому завидовал на этом свете, то ему.

*Сидишь ли ты в кругу своих друзей,
Чужих небес любовник беспокойный?
Иль снова ты проходишь*

*тропик знойный.
И вечный лед полуденных морей?
Счастливый путь...*

*С лицейского порога
Ты на корабль перешагнул шутя,
И с той поры в морях твоя дорога,
О волн и бурь любимое дитя!..*

«Ермак» подал кормовые концы на пирс-дамбу Петровского канала-дока. Все связано на этом свете. Когда-то Главным строителем канала и всего Кронштадта был арал Петра, прадед Пушкина, генерал-майор Ганнибал. Сам Александр Сергеевич в мае 1828 года приплыл сюда на пароходе в компании Грибоедова и Вяземского. На пароходе уже! Они осматривали корабли, уходящие в поход под командованием адмирала Синявина... И уж, наверное, помнили Бестужевых и других друзей-декабристов. Кронштадтский рейд хранит и их память. Сюда привезли всех декабристов-моряков из Петропавловской крепости. Они были при полной форме, орденах и оружии. На адмиральском корабле «Князь Владимир» ударила одинокая пушка, и тяжело поднялся на стеньге черный флаг. По этому сигналу на флагман съехались представители со всех кораблей эскадры. «По обряду морской службы» под барабанный бой с осужденных сорвали эполеты, ордена, переломили над головами подпленные загоды сабли и швырнули за борт. Отсюда начался путь в сибирскую каторгу братьев Бестужевых, Завалишина, Торсона. Их увозили под навзрыдный плач матросов и офицеров, присутствовавших на экзекуции. Рыдали, не таясь.

Примечание.

Необычайно трагична судьба капитан-лейтенанта Торсона. Восемнадцати лет он участвует в сражении у острова Пальво. Затем совершает кругосветное плавание на «Востоке», во время которого была открыта Антарктида. В честь своего молодого лейтенанта Беллинсгаузен называет один из Южных Сандвичевых островов его именем. К моменту восстановления на Сенатской площади Торсон на высокой должности главного адъютанта морского министра. Его уважает флот, а впереди—блестящая

карьеря. Вместо этого—девять лет каторги: Чита, Петровский завод, Нерчинские рудники. Здесь он узнает, что по приказу царя Беллинсгаузен переименовывает остров Торсона в остров Высокий. Тяжко было адмиралу, да куда денешься? И сегодня на всех морских картах мира есть только остров Высокий. После каторги и до самой смерти Торсон ссыльнопоселенец. Он живет в дремучем Забайкалье, на границе с Монголией,—до самой смерти, шестнадцать лет! У Брокгауза и Ефрона сказано: «Занятия тамошних жителей—бахчеводство и табаководство, которым научили их проживавшие здесь декабристы Бестужевы и Торсон». Откуда флотским офицерам было известно бахчеводство, не ясно, но, как говорится, беда всему научит. В заключение мажорный аккорд:

«Торсона, мыс. Антарктида, 66°46' ю. ш. 90°03' в. д. Открыт и нанесен на карту Советской Антарктической экспедицией в 1956 году. Назван в честь капитан-лейтенанта Константина Петровича Торсона».

Как утешается душа, когда торжествует справедливость!

Я поднялся к Петровскому парку, раздумывая о том, как много мрачного и тяжелого помнят здешние камни.

Чудесные липы и чудесные клены шелестели в парке—благородные деревья. С ними рядом не насыешь тополей. Они требуют уважительного внимания и забот.

Сквозь мачты боевых кораблей виднелся «заштатный форт Александра Первого», который давно уже называется Чумным фортом.

Тяжел Кронштадт, тяжелы форты. И мрачны. Но особенно мрачен Чумной. Хотя, по идее, его черные камни должны были бы по ночам светиться—столько на форту проявилось человеческой мужественной доброты и самопожертвования. И любви к страдающему ближнему, к ближнему, которого бьет озноб, который горит смертным огнем, корчится от боли, покрывается синими пятнами и умирает—чума. И вот врач берет и сам прививает себе чуму. Вот здесь это было. И много раз. И здесь родилась первая противочумная сыворотка. В самом центре военного, крепостного, уставного, безжалостного быта, среди пушек, казематов и пороховых погребов.

...Матросы промаршировали мимо за чугунной оградой парка, в белых робах, на левых грудных карманах черные боевые номера—значит, не береговые матросы—с кораблей. Им сейчас и в строю радость идти, потому что по земле топают рядом с зелеными деревьями. Интересно, знают ли они, что на месте этого прекрасного парка раньше была площадь для плацпарадов и экзекуций? Человек, голый до пояса, привязанный к двум ружьям, и две бесконечные шеренги без лиц. И моченные в укусе и соленой воде, кипяченые для прочности, жесткости и упругости шпицрутены... «Кронштадтского кузнеца Григория Заморзева гонять шпицрутенами через артиллерийских служителей 1000 человек два раза». Две тысячи ударов! Царствие тебе небесное, Григорий Заморзев! Смерть на кресте, пожалуй, легче выходила... Ведь до полной нормы били: ткнет в глаза пальцем казенный лекарь, отольют водой—и опять!

...Соединение муз с громом пушек—такое в Кронштадте встречаешь на каждом шагу. Здесь на клипере «Алмаз» лейтенант Николай Андреевич Римский-Корсаков задумывал «Псковитянку». И, наверное, не будь он моряком, так и не сочинил бы «Садко». Здесь жил политический ссыльный Короленко, писал стихи подпоручик Надсон, мичман Даль подслушивал матросские ядренные словечки; выстрадывал будущие книги молодой Станюкович. Отсюда «Паллада» понесла в океаны Гончарова...

На подводном камне с рейда Штан-

дарт я, пожалуй, нашел бы местечко хотя бы для имени Верещагина. Ведь в том, что художник гибнет вместе с адмиралом на мостике и делит с ним гроб-броненосец и могилу-океан, есть символ и что-то жутко-прекрасное.

Помню память и Новикова-Прибоя. И сделаю это «при помощи» министра юстиции Российской империи. Самому царю докладывал министр о простом матросе: «В артиллерийском отряде Кронштадта выдающееся значение приобрел баталер 1-й статьи Алексей Новиков... Означенный Новиков представляется заметно развитым человеком среди своих товарищей и настолько начитанным, что в беседах толково рассуждал по философии Канта». А ведь Силыч пришел на службу в Кронштадт, по его собственному выражению, «сущим дикарем» и готов был не только набить морду, но и вообще уничтожить человека, который бы при нем сказал что нехорошее про царя. Вот какая школа свободомыслия и свободолюбия был этот каторжный остров, этот матросский Сахалин.

...Я притомился и от всяких воспоминаний, и от старания проявлять наблюдательность, да и просто от долгой пешей прогулки. И устроился перекурить в жидкой тени молодых тополей возле палисадника обыкновенного жилого дома. Кто-то играл на втором этаже на пианино. А так очень тихо было и опять пустынно вокруг. Только на противоположной стороне улицы пожилая женщина в лиловой юбке и красной кофте осторожно бродила по газону и собирала лечебную ромашку. И я решил, что памятников хватит. И что я заговорю, наконец, с живыми людьми. С тем человеком, который вдруг придет и сядет рядом со мной на эту лавочку. И приготовился сидеть долго, но уже через пять минут все случилось, как я хотел.

Пожилой мужчина перешел улицу и сел на мою лавочку.

— У вас есть время, отец?—спросил я.

— Ну?

— Я приезжий. Журналист. А вы здешний?

— Ну.

— И родились тут?

— Ну.

— И родители здесь родились?

— Ну.

— А дед?

— Нет. Дед с Житомира. Колонист.

— Войну здесь были?

— Ну.

— А по специальности кто?

— Рабочий. По воде.

Я проклял свою бездарность—организмически не могу и не умею потрошить людей. Мне надо с ними жить и работать, чтобы что-то в них узнать. Все-таки удалось его разговорить.

Мать была беловшейка, отец—техник на Морском заводе. Сам с 26-го года рабочий на насосной станции. Потом закончил какие-то курсы и работал мастером по водоснабжению. Сейчас на пенсии, но работает по прежнему профилю—и не так скучно жить, и опыт у него большой, а с водой в Кронштадте всегда было самое сложное дело. Жуткое даже было дело с водой. Все питерские нечистоты Нева выносила сюда, а воду брали прямо из Обводного канала—сплошная холера и брюшной тиф. Это бедные люди. А кто побогаче—из водовода, который протянут был по дну залива, но за эту воду надо было платить. При западных ветрах все пили соленую воду. Все это еще отец застал, да и он немного помнит. Теперь мощные фильтры, отстойные емкости и т. д. В войну Ленинград перестал давать энергию насосной станции. Наладили свои дизель-генераторы. А топлива не было. Нашли в гавани полузатопленную старенькую подводную лодку, лазали в нее—мороз, все застывшее, тьма,—ведрами вычерпывали соль из топливных танков. Всю зиму 1941/42 года воду Кронштадту давали—до

второго этажа хватало напора. На предприятиях приспособляли свои центробежные насосы или качали помпами вручную, чтобы поднять воду выше и не дать замерзнуть. Матросы, конечно, помогали. Но 21 сентября сорок первого года немцы угодили бомбой в центральную водную магистраль. Насосная станция цела, а магистраль—вдребезги—фонтан. Очень много прямых попаданий в водные магистраль было и потом. Но не в этом самое страшное, а в том, что хлора для дезинфекции воды не хватало. Порцию для пяти тысяч тонн приходилось употреблять для тридцати пяти тысяч. Двадцать седьмого декабря сорок первого не смог встать со стула—свалился. (Так точно помнят даты ранений фронтовые солдаты.) Положили в стационар. Брат, рождения восьмого года, погиб на Синявинских болотах...

— А семья ваша здесь была?

— Ну.

Тут из ворот напротив выехал «газик», шофер притормозил, крикнул:

— Рывкин!

— Ну,—невозмутимо откликнулся мой собеседник.

— Вот те и «ну»! Трубу гну! Поехали!

— Ну?

— Авария!

— А!—Собеседник мой поднялся,

кивнул мне, затрусил к «газику» и укатил.

Женщина в лиловой юбке и красной кофте набрала целый передник ромашки и тоже ушла. Опять пустынно стало и тихо. Только в доме на втором этаже кто-то продолжал играть на пианино.

Я отправился дальше, то есть куда глаза глядят.

Саврасовский, пригородный пейзаж, но маленькая речушка называется гротом—Амазонкой. А за Амазонкой я вскоре оказался на кладбище. Старые, мудрые и спокойные деревья, оставшиеся еще от диких котлинских лесов, разнотравные полянки; в сырых, тенистых уголках могучие папоротники и белые зонтичные цветы...

Царские офицеры и революционеры-подпольщики, Герои Советского Союза и подпоручики от инфантерии, штурманы и капитаны, обошедшие по несколько раз вокруг света, и очень много безымянных могил.

Я бродил между могил, без дорожек, слепо надеясь: вдруг наткнусь на след Н. Е. Суханова. Когда-то хотел написать рассказ о нем. Друг Желябова, минный офицер, он изготовил те бомбы, которыми был убит Александр II. Его казнили где-то здесь. Тело бросили в яму и провели мимо взводы сводного батальона... Сколько лежит здесь погибших под шпицрутенами, померших от холеры и тифа, цинги и обыкновенной голодухи, расстрелянных, повешенных, надорвавших живот на нечеловеческой работе...

Ноги меня уже не держали. В обратный путь решил отправиться автобусом. Ожидая его в крытом автобусном павильончике, рассматривал надписи на стенах и даже потолке. Названия кораблей, инициалы, даты и часто повторяются загадочные буквы «ДМБ», «ДМБ-76», «ДМБ-80»... Сокращенное название какого-нибудь нового корабля? Были, например, «БТЩ»—базовые тральщики, а что же такое «ДМБ»?

Подожли два парня со спиннингами, уселись рядом ожидать автобус. Я спросил про загадочные буквы. Парни посмотрели подозрительно. Объяснили, что это «демобилизация» и год, когда она произойдет. Спросили, кто я такой, если не знаю таких обыкновенных вещей. Пришлось представиться.

— Вот,—сказал я парням.—Уже появились такие молодые люди, которые не знают про Кронштадт, про его подвиги и героическую историю. Напомнить им надо.

— Чепуха,—сказал один из парней.—Нет таких в России.

— А если есть, им лечиться надо,—сказал другой.

И оба утратили ко мне какой бы то ни было интерес.

И ЧЕМПИОН СТАЛ ЧЕМПИОНОМ

О тличный подарок к 60-летию юбилею Ленинского комсомола преподнес член ЦК ВЛКСМ Анатолий Карпов. В многотрудном состязании на далеких от нашей Родины Филиппинах советский гроссмейстер с честью отстоял почетный титул чемпиона мира. В течение трех месяцев миллионы любителей шахмат на всей планете с неослабным интересом наблюдали за напряженным, порою драматическим ходом матча за мировую шахматную корону. Все советские люди от души радовались успешной игре Анатолия Карпова, с болью в сердце переживали отдельные его неудачи, увя, неизбежные в таком ответственном и длительном состязании. И вот победный финиш. Подлинно советский характер проявил в матче за звание чемпиона мира Анатолий Карпов. Именно эту сторону подчеркнул в своей поздравительной телеграмме чемпиону Генеральный секретарь ЦК КПСС, Председатель Президиума Верховного Совета СССР товарищ Леонид Ильич Брежнев.

Чемпионат мира окончен. Но его трудные творческие будни, сыгранные партии продолжают волновать шахматистов. Выполняя просьбу читателей, «Смена» публикует сегодня комментарии к победным партиям Анатолия Карпова.

ПЕРВАЯ ПОБЕДА

Ее добился Анатолий в 8-й партии матча после стартовой серии из семи ничьих, в которых он не без труда сдерживал натиск многоопытного соперника. На диаграмме изображена позиция, создавшаяся после хода черных 10. ...g6?, который, как убедительно доказывает Карпов, игравший белыми, был связан с неправильным планом. Гораздо лучше здесь 10. ...d4.

11. Фd1—e2 Cf8—g7 12. Кf3—d4!

В жертве центральной пешки ради инициативы и заключается опровержение замысла В. Корчного.

12. ...Кс6:e5 13. f2—f4 Кe5—c4 14. f4—f5 g6:f5 15. Кd4:f5 Лh8—g8.

Ничуть не лучше и рокировка, ибо наступление на ослабленный королевский фланг черных тогда тоже развивалось бы без помех.

16. Кd2:c4! d5:c4 17. Сb3—c2 Кс5—d3 18. Сс1—h6! Сg7—f8 19. Ла1—d1.

С поразительной быстротой белые отоблагодарили буквально все наличные силы, и теперь плохо защищенному неприятельскому королю явно несдобровать.

19. ...Фd8—d5 20. Сс2:d3 c4:d3 21. Лd1:d3 Фd5—c6 22. Сh6:f8 Фс6—b6+ 23. Кpg1—h1 Кpe8:f8 24. Фe2—f3! Ла8—e8.

Не спасает черных и вариант 24. ...Лb8 25. Кh6 Лg7 26. Фf6 c5 27. Ле1 Лe8 28. Кf5! Лq6 (если 28. ...Л:g2, то 28. Фh6+!) 29. Фh8+Лg8 30. Ф:h7 Лd8 31. Ле6! и т. д.

25. Кf5—h6 Лg8—g7 26. Лd3—d7!

Не сложными, но очень красивыми комбинационными ударами белые добиваются цели.

26. ...Ле8—b8 27. Кh6:f7! Се6:d7 28. Кf7—d8+!, и черные сложили «оружие».

Эмоциональное впечатление от игры Карпова в этой партии так велико, что ее назвали лучшей в матче известных гроссмейстеров Светозар Глигорич из Югославии и Роберт Хюбнер из ФРГ.

ВТОРАЯ ПОБЕДА

Она была одержана в 13-й партии матча, когда претенденту уже удалось добиться счета 1:1. Карпов, игравший черными, действовал излишне рискованно и из-за этого попал в полосу затруднений. Но оборонялся он с присущей ему изобретательностью, и к 43-му ходу шансы партнеров объективно уравнились.

43. ...Сg7—e5! 44. d5:c6.

Никаких выгод не получают белые после 44. Ф:c6 Ф:d3 45. Фе8+ Лf8 46. Ф:e5 Фd1+ 47. Cf1 Фf3 и т. д. 44. ...Кpg8—g7 45. Сg2—e4.

Не нарушало бы приблизительного равенства продолжение 45. Сg7 46. e4 Фа5! 47. Фd4+ Кph7 48. e5 h5 и т. д.

45. ...Фf5—g5+ 46. Кpg1—f1 Се5—d6 47. Се4—d5 Лf7—e7 48. Cd5—f3 h6—h5 49. Cf3—d1 Фg5—f5 50. Кpf1—e2 Лe7—e4 51. Фс4—c3+ Фf5—f6 52. Фс3—b3 Фf6—f5 53. Фb3—b7+?

Испытывая недостаток времени на обдумывание, белые теряют чувство меры и необоснованно отказываются от ничьей посредством повторения ходов 53. Фс3+ и т. д. Карпов искусно пользуется цейтнотными промахами противника.

53. ...Ле4—e7 54. Фb7—b2+ Кpg7—h7 55. Фb2—d4 Cd6—c7 56. Фd4—h4? Лe7—e4! 57. f2—f4 Сс7—b6!

Если теперь 58. Ке5, то 58. ...Л:e3+ 59. Кd2 Фе6!, и черные выигрывают.

58. Cd1—c2 Ле4:e3+ 59. Кpe2—d2 Фf5—a5+ 60. Кpd2—d1 Фа5—a1+ 61. Кpd1—d2 Ле3—e4!, и белые капитулировали.

ТРЕТЬЯ ПОБЕДА

Последовала она сразу же за второй, в 14-й партии матча, и позволила чемпиону мира увеличить разрыв в счете до 3:1. Когда было сделано 28 ходов, на шахматной доске вырисовался сложный эндшпиль. Глубоко продуманной жертвой качества Карпов (у него были белые фигуры) склоняет чашу весов на свою сторону.

«К лучшим достижениям Карпова в этом матче я отношу 14-ю партию, в которой он обратил на своего соперника тонкое оружие — жертву качества», — сказал венгерский гроссмейстер Гедон Барца.

29. Лd4:d5! e6:d5 30. Лd1:d5 Лс6—e6 31. Сс5—d4 c7—c6 32. Лd5—c5 Ле8—f8 33. a2—a4!

В итоге этого превосходного подрыва пешечная группировка черных разваливается прямо-таки на глазах и максимально активизируется белая лада.

33. ...b5:a4 34. b3:a4 g7—g6 35. Лс5:a5 Ле6—e8 36. Ла5—a7! Лf8—f7 37. Ла7—a6 Лf7—c7 38. Cd4—c5!

Остроумная переброска слона в неприятельский тыл не только усиливает роль этой диагональной фигуры, но и дает возможность собрать богатый пешечный «урожай».

38. ...Лс7—c8 39. Сс5—d6 Лс8—a8, 40. Ла6:c6 Ла8:a4 41. Кpd3:f3 h7—h5 42. g4:h5 g6:h5 43. c3—c4!

Три проходные пешки — более чем достаточная компенсация за отданное качество. Здесь немало путей вело «в Рим», но план Анатолия кажется технически самым убедительным. Особенно запоминается его заключительный тактический удар.

43. ...Ла4—a2 44. Лс6—b6 Кpg8—f7 45. c4—c5 Ла2—a4 46. c5—c6 Кpf7—e6 47. c6—c7 Кpe6—d7 48. Лb6—b8 Ле8—c8 49. Кpf3—e3 Ла4:h4 50. e5—e6+!, и черные сдались.

ЧЕТВЕРТАЯ ПОБЕДА

Она пришла к Карпову в 17-й партии матча и довела счет до 4:1 в его пользу. В этой встрече он

играл черными и в течение длительного времени был вынужден сдерживать массивное наступление претендента. Упорная,

изобретательная защита, соединенная с контратакующими угрозами, принесла свои плоды. К 37-му ходу черных ситуация на «поле боя» выглядела очень оригинально.

Материальный перевес у белых (лада и три пешки при прочих равных условиях, несомненно, мощнее двух коней), однако фигуры черных здесь настолько динамичны, что страхуют от проигрыша. А когда белые на какое-то мгновение утратили бдительность, то угодили в замаскированную ловушку.

37. ...Кс4—d2! 38. Лf3—a3 Ла6—c6 39. Ла3—a1?? Кd2—f3+!, и белые признали свое поражение.

ПЯТАЯ ПОБЕДА

К ней Анатолий пришел в 27-й партии матча при счете 4:2 и вновь «оторвался» от соперника на целых три очка. К 34-му ходу черных создалось ферзеволадейное окончание, в котором претендент рассчитывал после 34. ...Л:a4 35. Фе5+ Фf6 36. Ф:f6+ Кр:f6 37. Лd6+ Кpe5 38. Л:b6 получить равный эндшпиль. Но предвидительный шах ферзя приносит черным добротную лишнюю пешку. К тому же белые вместо отхода королем неосторожно закрылись от шаха пешкой и этим заметно ослабили свою вторую горизонталь.

34. ...Фd8—d5+! 35. f2—f3? Лb4:a4 36. Лc1—c2 Ла4—d4 37. Фе2—e3 b6—b5 38. h2—h4 h7—h5 39. Фе3—e2 a5—a4 40. Фе2—e3 b5—b4! 41. Лс2—f2.

В этот момент партия была отложена, но анализ прерванной позиции убедил белых в неизбежности проигрыша, и они сдались, не приступая к доигрыванию.

Знаменитый датский гроссмейстер Бент Ларсен отметил: «Наиболее удачно, по моему мнению, Карпов провел 27-ю партию. Именно в ней чемпион мира проявил наиболее ярко свои бойцовские качества».

ШЕСТАЯ ПОБЕДА

Ее Анатолий завоевал белыми в весьма драматический момент матча, в 32-й партии, когда в результате его нескольких досадных неудач счет стал равным 5:5. Но в решающей схватке наш любимец продемонстрировал и шахматное мастерство и сознание большой ответственности. На диаграмме

ме отображен сложный миттельшпиль, который возник после 24-го хода черных.

25. e4—e5! d6:e5.

Выясняется, что центральная пешка черных на поле «d5» неуязвима из-за незащищенности их короля. Вот один из примерных вариантов — 25. ...Кf:d5? 26. Кh5+! Кph8 27. Фh6 Лg8 28. Кg5 с неотвратимым матом. Ведя наступательные действия, белые умело обходят хитроумные капканы, расставленные коварным противником. Скажем, в случае напрашивающегося взятия пешки черных на поле «c5» картина «сражения» кардинально менялась бы. 26. Ф:c5? Кс:d5 27. С:b5 Лс8 и т. д.

26. Фе3:e5! Кс7:d5 27. Cd3:b5 Ла4—a7 28. Кf3—h4!

Очень эффективный выпад коня, ставящий перед черными практически неразрешимые проблемы: уж очень удалены от короля многие их фигуры. Иллюстрацией тяжелого положения претендента служит, например, такой вариант — 28. ...Фb8 29. c4 Ф:e5 30. Л:e5 Кс7 31. Л:c5 Лс8 32. Кh5+! gf33. К:f5+ Кpf8 34. Л:c7! и дела черных совсем безрадостны.

28. ...Сb7—c8 29. Сb5—e2 Сс8—e6 30. c3—c4 Кd5—b4 31. Фе5:c5 Фа8—b8 32. Се2—f1 Лf8—c8 33. Фс5—g5 Кpg7—h8 34. Лd1—d2 Кb4—c6 35. Фg5—h6! У белых и лишняя пешка и значительное превосходство в дислокации сил.

35. ...Лс8—g8. 36. Кh4—f3 Фb8—f8 37. Фh6—e3 Кph8—g7? 38. Кf3—g5! Се6—d7 39. b2—b4! Фf8—a8 40. b4—b5 Кс6—a5 41. b5—b6!

Здесь партия ввиду истечения контроля времени была отложена, однако претендент, увидевшись в том, что после 41. ...Лb7 (такой ход был им записан) 42. Ла2! его связанный конь на поле «a5» неизбежно теряется, пошел на капитуляцию.

Гроссмейстер Мигель Найдорф заявил в аргентинской газете «Кларин»: «Молодой Анатолий по праву завоевал титул чемпиона. Он сыграл последнюю партию просто великолепно!»

Победа Анатолия — это и победа советской шахматной школы. В СССР насчитывается свыше четырех миллионов шахматистов, организованных в секции и кружки. А сколько у нас просто ценителей шахмат, отдающих часы своего досуга любимой игре! Особенно популярна она среди молодежи — об этом свидетельствуют, в частности, массовые соревнования «Белой ладьи» на призы ЦК ВЛКСМ, дворцов пионеров на приз «Комсомольской правды», традиционные олимпиады «Смены».

По официальному данным международной шахматной федерации — ФИДЕ, в Советском Союзе шахматистов больше, чем во всех остальных странах, взятых вместе!

«Моя победа в Багю», — подчеркнул Карпов, — это победа многих поколений шахматистов, которые всегда были окружены вниманием нашей партии и народа. Я приложу все усилия, чтобы оправдать то доверие и надежды, которые возлагаются на меня».

РАССКАЗ
О ЛАУРЕАТЕ ПРЕМИИ
ЛЕНИНСКОГО КОМСОМОЛА

ОТ ЛИЦА ПОКОЛЕНИЯ

Юрий ТЮРИН

Путешествия в детство — они нечасто удаются и в жизни и в искусстве...

Фильм сценариста, режиссера, актера Николая Губенко «Подранки» заключают строки стихотворения, сочиненного в начале 60-х:

*По несчастью или счастью,—
Истина проста.
Никогда не возвращайся
В прежние места!*

Строки эти принадлежат покойному ныне сценаристу и поэту Геннадию Шпаликову, старшему товарищу Губенко по институту кинематографии.

Потеряв на войне отца, вчерашний суворовец Шпаликов принес во ВГИК, а затем и в профессиональный наш кинематограф тему неизбывной памяти поколения. Памяти о тяжелых и бесконечно долгих первых послевоенных годах, об отчаянном лихе и проблесках радости тогдашнего, рано повзрослевшего детства. Битва с врагом завершилась великой победой, идущие с запада эшелоны гремели песнями, надрывались заливыстые гармошки, сквозь облачка едкого махорочного дыма и охапки полевых цветов мелькали шальные от счастья лица живых, отражали кинжальный солнечный луч орден и медали на выпетших гимнастерках; а вслед этим распахнутым, разноголосым вагонам смотрели подернутые слезой влагой тысячи ребячьих глаз. Мешались в них в одном невыразимом чувстве и безмерное ликование, и рвущая сердце боль, и жгучая зависть к тем, к кому возвращались теперь отцы или старшие братья. Дети не осознали еще, не верили, не хотели да и не могли верить, что они ослепотели...

*А не то рвану по снегу—
Кто меня вернет?
И на валенках уеду
В сорок пятый год!
В сорок пятом, угадаю,—
Там, где, боже мой!—
Будет мама молодая
И отец живой!*

«Подранки» — третья картина Губенко-режиссера. В этом фильме Губенко вслед за Шпаликовым повел разговор от лица поколения, чья судьба в изломах и незаживающих ранах войны была и личной судьбой режиссера.

С Губенко-актером мы познакомились давно. Закончив мастерскую С. Герасимова, молодой исполнитель работал в драматическом театре на Таганке, и зайдя театралы рвались на спектакль с его участием — «Карьера Артуро Уи», — поставленный по пьесе Бертольда Брехта. Затем актер делает выбор: только кинематограф. Главная роль в картине «Директор», успех, зрительское признание, участие в фильмах известных наших кинорежиссеров С. Бондарчука «Они сражались за Родину», Г. Панифилова «Прошу слова» — фильмах, собравших солидный «урожай» международных призов и премий.

В середине семидесятых Губенко решил еще на один выбор, коренным образом повлиявший на его судьбу в кино. Он вторично поступил во ВГИК, чтобы получить диплом режиссера. И в этом Губен-

ко повторял опыт целого ряда молодых наших актеров. Вспомним, как пришли в кинорежиссуру С. Никоненко, Р. Нахапетов, Н. Михалков, несколько позже — В. Меньшов, Н. Бурляев, Н. Бондарчук, Н. Величко и совсем недавно — С. Любшин. Вчерашние актеры хотели быть не только соучастниками творческого процесса, они хотели стать в полном смысле слова авторами, творцами собственных фильмов.

Губенко-режиссер дебютировал в 1971 году картиной «Пришел солдат с фронта», поставленной по мотивам прозы С. Антонова, картиной, сразу замеченной критикой и принесшей режиссеру Государственную премию имени братьев Васильевых. Затем последовала полуудача — «Если хочешь быть счастливым». Губенко трезво оценил недостатки этой ленты, понял, что главный из них — это отсутствие личного, собственного сопереживания материалу, в умозрительности кинематографической конструкции. Неоценимое влияние оказала на молодого режиссера близость его к Шукшину в последние годы жизни выдающегося мастера. Судьба Шукшина была для Губенко уроком нравственности в искусстве: ведь Шукшин как художник делал только то, что думал, о чем страдал и печалился. Под прямым воздействием шукшинских заветов Губенко работал над «Подранками».

«Подранки» — это во многом автобиографическое произведение. Кадры его воплотили жизненный — выстраданный — опыт автора, чья судьба выразилась в экранной судьбе Бартенева-младшего.

Кинематограф середины 70-х годов представил нам образцы разнообразнейших «ретро», когда экран щедро демонстрировал отличительные приметы прошлых лет. Фильм Губенко тоже из категории «ретро», но это картина совсем иная, это исповедь представителя поколения, сумевшего если не заглушить, то преодолеть боль войны, утвердившего себя в нашей жизни делами и гражданственностью нравственной позиции. Если картина была бы лишь экскурсом в прошлое, кинореконструкцией послевоенного колоритнейшего одесского быта, она не взбудоражила бы нашу эмоциональную память, не вызвала бы острого чувства сопереживания, порхнула бы по экранам как чисто кинематографическое упражнение. По счастью, и замысел и образное его воплощение убеждают в глубочайшей искренности авторского самовыражения.

В фильме своем Губенко выговорился.

В фильме автору отведена роль не только очевидца событий послевоенного времени, но и непосредственного участника их, он сам — из «пацанов-подранков». У него нет дистанции между интерпретируемым им материалом и своим к нему отношением, он попросту существует, растворен в этом материале. Он все пережил сам — и об этом-то его разговор с нынешними зрителями.

Отсюда и только отсюда та интимность, исповедальность интонации, что отличает фильм «Подранки». В конце 50-х годов наш кинематограф (вспомним здесь картины «Два Федора» или «Судьба человека») по-отцовски ласковым и сочувственным взглядом всматривался в широко раскрытые для вечной надежды, немигающие глазенки сирот — это, к примеру, и Федор-малыш из фильма «Два Федора» или Ванюшка, босоногий оборвыш,

малолетний герой незабываемой «Судьбы человека». Обоих мальчишек подбирали, заменяя им погибших родителей, поседелье в битвах и невзгодах солдаты, чьи сердца, растравленные, но и закаленные войной, не могла не захватить детская беда. Так, по-мужски сдержанно, горестно и мудро, ярким языком экрана рассказали о трагедии сиротства очевидцы, ветераны войны, отцы...

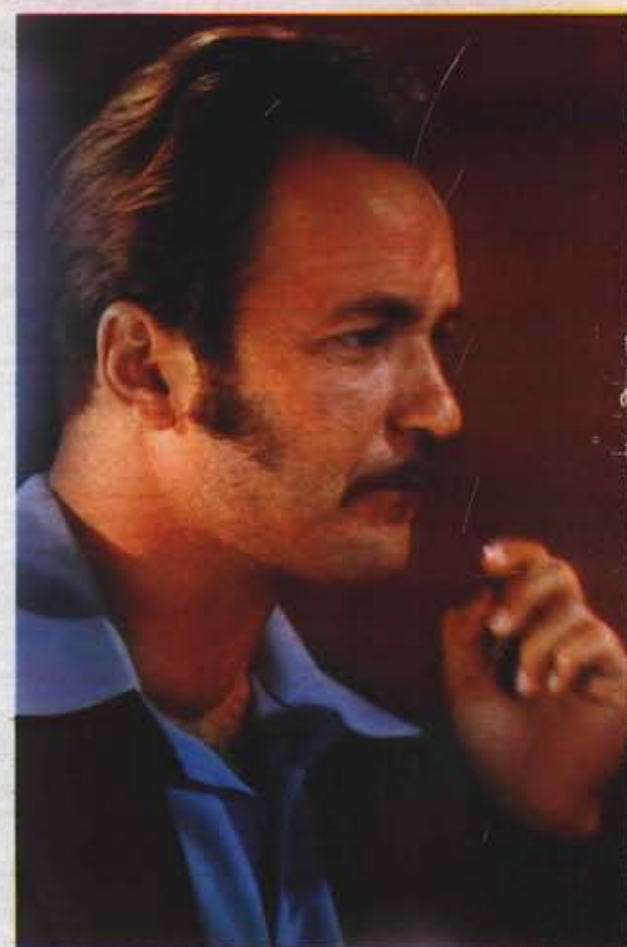
Прошло время, и наступил срок рассказать об этом же, о детстве, отмеченном бедой, вчерашним детям, успевшим вырасти и стать художниками, имеющими право говорить от лица того самого послевоенного поколения.

После войны отцы жалели детей, и сострадание это вместе с надеждой, верой в будущее этих детей выразили прежние фильмы. Сейчас же, как в 60-е годы Шпаликов, Губенко в «Подранках» хотел, в частности, показать реализацию тех самых надежд. Он не думал разжалобить нас картинами сиротства, не просил запоздалого сочувствия, он вспоминал. И вместе с тем утверждал свое настоящее.

Утверждал высокую моральную стоимость поколения.

Плотность бытовой атмосферы фильма есть следствие режиссерской культуры. Или одно из следствий — как угодно. В «Подранках» атмосфера эта, как ранее в картине «Пришел солдат с фронта», образуется из множества элементов, прочно соединенных между собой. Тут и появление в фонограмме знакомых песен, звуковых «знаков» времени (прием, правда, известный по некоторым картинам): вот дребезжит украденный беспризорниками патефон, который они пытаются обменять на хлеб у старьевщика; вот «умопомрачительное», но и грустное старое танго «Мне бесконечно жаль...»; вот классика фронтовых песен «Бьется в тесной печурке огонь...». Тут и радиоиформация «ТАСС сообщает, что вчера, 18 апреля 1946 года, в 17 часов в городе Николаеве, на базарной площади был приведен в исполнение приговор военного трибунала над осужденными к смертной казни через повешение немецко-фашистскими преступниками...» Тут и тщательно отобранные, ставшие почти символами бытовые приметы времени: фарфоровые кошки, которые тогда продавались на всех базарах, и выдавшие виды винтовки в руках юных воспитанников интерната, занимающихся строевой подготовкой... Короче, пропись бытового слоя в фильме добротна и глубока.

Но самобытность авторского повествования проявляется скорее не в бытовой, а в психологической разработке темы, во взгляде на детскую душу, потрясенную трагедией войны. Подранки — это ребята с украденным детством, зачастую с искаленной психикой... Непрост, извилист выход их в

нормальную юность, зрелость души. А некоторые из них и вовсе не могут пройти этот путь...

Поразителен в фильме эпизод гибели Вальки Ганьдина, круглого сироты, чудом уцелевшего в фашистском концлагере. С тех страшных пор осталась на руке мальчика нестираемая метка—его лагерный номер, а в душе—незатухающая ненависть к мучителям. Недалеко от интерната Валька вместе с Алешей Бартевым обнаружил лагерь для немецких военнопленных. И решил взорвать фашистов...

Класс пишет сочинение «Подвиг отцов в Великой Отечественной войне». Ганьдин первым положил свою тетрадку на стол учителю. И пока воспитанники трудились над своими сочинениями, Валька пробрался к забору, ограждающему лагерь, и поджег связку заранее приготовленной им взрывчатки. Связка неожиданно распалась, и мальчик понял, что не успеет собрать ее снова. В бессильной ярости смотрел Валька, как дымится шнур, пока огонек не добрался до взрывчатки... А после класс читает сочинение погибшего друга: «Я хорошо помню своего папу. В последний раз он приезжал в отпуск в мае сорок шестого года, и мы вместе ходили смотреть салют. Потом он опять вернулся на службу, в город Берлин. Ночью 22 июня этого же года он был убит фашистами, которых так и не нашли. У папы выкололи глаза, отрезали уши и нос, и всего его покалечили. Маму я совсем не помню. Когда я вырасту большим, я обязательно стану военным. Пусть фашисты не думают, что я им так просто забуду то, что они сделали».

Натуралистична ли эта сцена? Нужна ли современному искусству такая пронзительность исключительной ситуации? Думается, художник имеет право на крайнюю степень выражения, тут не годится стерильность, стыдливое «всепримирение». Недаром Губенко выбрал к фильму эпиграф из Твардовского: «Дети и война—нет более ужасного сближения противоположных вещей на свете». Да и как пройти мимо опыта ряда отечественных фильмов, где тема эта—война и дети—раскрывалась в трагической обнаженности, как, например, в «Ивановом детстве»...

Конструкция «Подранков» многоэтажна: Губенко выстраивает картину как цепь воспоминаний главного героя—писателя Алексея Бартева, младшего в семье. В самом начале войны катер, на котором был его отец, подорвался на mine, мать же, оставшись с четырьмя ребятишками на руках (три брата и одна сестра), не выдержала—наложила на себя руки. С тех пор судьба разбросала детей. В четырнадцать лет умерла сестра Наташа, двух братьев усыновили, и теперь, в наши дни, жизнь их сложилась по-разному: средний, Денис, преуспел,

занимается архитектурой, а вот старший, Сергей, в третий раз попал в исправительно-трудовую колонию.

Завязка: через Красный Крест Бартев узнает адреса братьев. Так начинается «путешествие в прошлое». Герой вспоминает свое голодное детство, вспоминает, как с сестренкой воровали еду, притворялись немцами; как впервые попал в детдом, а оттуда—к израненному товарищу отца, добрейшему и безответному Николаю Степановичу; память Алексея Бартева извлекает из прошлого и годы пребывания в интернате, где воспитатели, вчерашние солдаты, пытались вылечить израненные души сирот.

У фильма кольцевое построение: первые кадры показывают Алексея Бартева в запущенном, старом парке, где когда-то находился интернат; этими же кадрами завершается картина, и тогда-то закадровый голос читает стихи Шпаликова...

Главное о жизни основного героя в фильме сказано. И вместе с тем сказано о судьбе поколения нынешних сорокалетних.

Лучшие эпизоды картины—о детстве. Здесь и акценты расставлены точно, и актеры играют замечательно, особенно исполнители взрослых ролей. Какой запоминающийся образ оголтелой посредственности создает Н. Гундарев! Из детдома Николай Степанович приводит Алешу к себе домой, решив усыновить мальчика. Как вкусна тарелка супа для изголодавшегося ребенка... Жаль только, что все уже съедено. «Налей ему еще»,—говорит Николай Степанович жене. «Мне только капельку, я больше не буду»,—просит Алеша. И дородная, каменно замкнувшаяся в себе нестарая еще женщина цедит на пустую тарелку действительно лишь одну каплю желанного супа...

Актер высокой профессиональной культуры, Губенко-режиссер собрал предстательный актерский ансамбль... Превосходен Калягин, чей герой заявил себя уже в детстве откровенным себялюбцем. Даже типажно актер соответствует характеру эдакого любителя красивой жизни, знатока баньки, лосятины с грибами, жареной индейки, водки со льда, фирменных рубашек, мебели а ля «русский интеллигент». Один эпизод отведен встрече взрослых братьев, и этого достаточно, чтобы образ был выстроен и ювелирно сыгран. Шикарная одесская квартира Дениса, яства, напитки, затюканный отцом сын, которому шумный отец не дает спать в четыре часа ночи, а днем не отпускает погулять, заставляя зубрить учебники. Фильм осуждает, отменяет это новое барство, эгоизм, душевную сытость.

Итак, третий фильм режиссера Николая Губенко... Это уже не аванс на будущее. Это строгий,

талантливый фильм, окончательно доказавший правомерность выбора, который сделал Губенко несколько лет назад, поступив на режиссерский факультет ВГИКа. Хотя актер, самобытнейший актер, продолжает в нем жить. Его роль в «Подранках» самая, вероятно, многогранная. Губенко играет воспитателя по фамилии Криворучко, заносчивого, несчастного человека, чья драма—в полнейшем отсутствии педагогического таланта и такта, что приводит к открытому разрыву Криворучко с детьми и нелিপеприятному разговору с коллегами. «Руки я вам не подам,—говорит ему Громов,—хотя вы и старше меня по званию...» При первом появлении Криворучко—Губенко в кадре мы видим в воспитателе многолетнюю военную выправку, непоколебимую самоуверенность и даже черные кожаные, никогда не снимаемые им перчатки воспринимает как прихоть солдафона. А после, когда воспитатель плачет от тех горьких, справедливых слов, что сказали ему на педсовете, когда он размазывает слезы по лицу—мы вдруг узнаем, что перчатки-то его вовсе не фарс, руки этого человека обожжены, он горел в танке.

Фильм Николая Губенко напомнил нам вечную истину о самоценности детской души, ее безмерных психологических пространствах, далеко уходящих в будущее человека...

Придя в большой кинематограф еще студентом-актером (в 1961 году он снимался в фильме «Мне двадцать лет» по сценарию Шпаликова), Губенко последовательно, в меру отпущенного ему немалого таланта старался да и поныне старается сказать правду о поколении, к которому принадлежит. Не забывая при том, кому поколение это обязано самим существованием своим. Как человек и художник, он помнит и, главное, все отчетливее, все объемнее постигает подвиг отцов, неоценимую значимость ратной их доблести, гражданскую их крепость. Иначе не состоялось бы нравственное возмужание его, Губенко, как, впрочем, и всех его сверстников.

Память художника неизбежно возвращает его к горьким временам послевоенной неустроенности. В памяти этой—истоки художественных исканий Губенко—актера в фильме «Мне двадцать лет», в ней и объяснение, почему молодой режиссер дебютировал картиной «Пришел солдат с фронта» по сценарию Василия Шукшина и почему столь исповедальными получились «Подранки». Явление примечательное: через все творчество художника—актера и режиссера—проходит своя тема. В этом-то и заключена сила искусства Губенко, отсюда обнадёживающие ожидания результатов будущих его поисков.

КАДРЫ ИЗ ФИЛЬМА «ПОДРАНКИ»

АКТЕР,
РЕЖИССЕР
Н. ГУБЕНКО.

УРОК
ВОЕННОГО ДЕЛА.
В РОЛИ ВОЕНРУКА—
Р. БЫКОВ.

ВОСПОМИНАНИЯ
О ДЕТСТВЕ.

СТАРШАЯ
СЕСТРА
АЛЕШИ.

Два письма наших читателей о любви и верности, опубликованные в этом году в № 6, вызвали большой поток откликов. Ряд наиболее интересных, освещающих эту тему с разных точек зрения, мы опубликовали в № 13. А письма все идут и идут. Письма о любви. Вечная тема...

И тогда мы решили показать их ленинградской писательнице Елене Вечтомова, автору недавно выпущенной книги «Дорожить любовью», и попросили ее поразмышлять о проблемах, поднимаемых читателями, — о воспитании чувств молодежи, о верности, о чести, о любви. И вот «Письмо читателю», которое прислала Елена Вечтомова.

Когда я получила из редакции письма читателей, откликнувшихся на очень трогательные, по-человечески понятные каждому исповеди Людмилы Н. и Павла Чумакова, я сразу решила, что должна сначала рассказать одну историю любви, приключившуюся с двумя хорошо знакомыми мне молодыми людьми.

Они были очень красивые, счастливы и работали на одном заводе. Всюду их видели вместе: в цехе, в театре, на занятиях хореографического кружка. Оба рвались поехать на ударную комсомольскую стройку на Севере, да производство не отпускало.

Характер у него был строптивый, и друзья опасались: не тяжело ли придется ей, если они все-таки поженятся.

Потом случилось несчастье. Она попала под трамвай. Осталась жива, но пришлось ампутировать обе ноги. И сра-

он не захочет быть со мной, я найду в себе силы его забыть. Будь у него дети, я никогда бы не посмела даже думать о нем. Пусть поступает, как ему лучше. Но как быть мне? Ведь я его люблю. Вера».

Как же ей быть? Рецентов в любви нет. И я, откровенно, не знаю, что посоветовать этой женщине. Если Верин друг несчастлив и жене его, может быть, будет лучше без него, тогда он вправе «изменить судьбу». Решить это он должен сам. Мне кажется, что Вера и ее знакомый хорошие люди. Честные, великодушные и, что очень важно, строгие прежде всего к себе.

Через два месяца после первого письма пришла еще одна весточка от Веры. Девушка делилась радостью: они со своим знакомым решили «все оставить, как есть, а то испортил все и не накаемся». А раз все «оставлено, как есть», значит, нечего скрываться, некого стыдиться, можно дружить открыто и чувствовать себя счастливыми и богатыми уже одним тем, что думаешь одинаково, работаешь вместе.

Значит, бывает и так. Недавно дома раздался телефонный звонок. Меня приглашали на день рождения молодого физика Валеры. С удовольствием пошла, потому что в этой семье мне интересно. Со своей женой Валерий познакомился несколько лет назад в кафе на Малой Садовой. Она часто меняла места работы и все равно постоянно чувствовала, что занимается тем или иным делом ей неинтересно. Валерий же, напротив, был одержим наукой, хотя и рассеян, как Паганель. Но он сумел-таки угадать в ней что-то такое, о чем она и сама не подозревала. С ходу начал объяснять мудреные проб-

таким человеком, каким вы сами его совершенно верно охарактеризовали, — «пустым». Но давайте разберемся: кто виноват в этом? Неужели невозможно было за пять лет разглядеть эту пустоту? Ведь только непорядочный человек примешивает к интимным отношениям расчет. Значит, вы когда-то проглядели его повышенный интерес к приобретательству, заслонивший ему и честь и совесть. Их место занял элементарный эгоизм. И надо было заметить его вовремя. Надо было попристальнее взглянуть в человека, в его характер, взглянуть чуточку дальше его благопристойной внешности. Поискать корни поведения, воспитания. Корней мы часто не видим, увлекаемся частностями — приятный бархатный голос, высокий рост, обходительные манеры. Принц, да и только.

Расскажу еще об одной знакомой мне семье, семье молодых художников. Не было на свете, казалось, больших спорщиков, чем они. И писали непохоже друг на друга, и критиковали друг друга жестоко. Но ничто не могло внести в их жизнь разлад. Один просто не мог существовать без другого. Когда же один из них скоропостижно умер, то другой так и не смог создать новую семью. Вспомнила я о них совсем не для того, чтобы призывать к верности за гробом. Но она есть — верность и чистота человеческого чувства. Чувства, которое послужило не одному писателю или художнику образцом для создания бессмертного произведения.

Человек, не умеющий по-настоящему уважать товарища, женщину, духовно мелок. А без уважения, без способности видеть близкого человека самым луч-

но зато как выглядит! Молодость-то ведь проходит, надо жить полной жизнью! Когда я с ней не согласилась, она засмеялась: «Ты что, принца ищешь, прищельца из средних веков?» Нет, отвечаю, не прищельца, а современного парня. Он должен стремиться к знаниям, разбираться в музыке, любить театр».

Согласен с Леной и читатель, подписавший просто «Витя из Оренбурга». «Жду своей звездочки, а она не появляется. А с другими мне не по себе... Почему я одинок? Нет у меня девушки, нет постоянных друзей. Мне кажется, что я стою на ступеньку выше всех по своему развитию. Меня всегда радует что-нибудь интересное. Вечером пойду в клуб, может, немного потанцую... Но и здесь мне скучно. Ну, скажите, почему я такой? Иногда даже радостно, что живу по-своему, не как все. А если попаду в компанию, где начинается пьянка, сразу придумываю причину, чтобы поскорее уйти. Люблю эстрадную музыку, хорошие фильмы, много читаю — книги необходимы в жизни, они дают хорошие советы. Но все равно жизнь проходит незаметно. За это больно... Вот и думаю: а есть ли оно, счастье, вообще-то?»

Вот такое письмо...

Напрасно Виктор думает, что мы «забоимся» напечатать его письмо. Мы только сократили его да поправили грамматические ошибки. Мне кажется, Вите мало быть просто хорошим, ему надо еще найти себя. Найти свое дело. Строже смотреть на себя со стороны. И в жизнь вглядываться пристальней. Видеть хороших людей. Серьезно учиться. А счастье, как говорил Л. Н. Толстой, если его очень хочется, оно

Елена ВЕЧТОМОВА

С ЛЮБИМЫМИ НЕ РАССТАВАЙТЕСЬ

зу же, как ее выписали из клиники, он настоял, чтобы она стала его женой.

Прошло несколько лет. Они не разлучаются. Всюду их видят вместе. Хорошие протезы дали ей возможность ходить, опираясь на палочку.

Не было в этой истории заллов и выстрелов, не было героизма и никаких обязывающих к подвигу обстоятельств. Была просто любовь. Никто из знающих эту пару не может сказать, что он когда-нибудь заинтересовался другой женщиной. И ее лицо, несмотря на непоправимое горе, остается молодым и красивым, потому что она счастлива. Не ошибусь, если скажу, что отсвет большого счастья падает и на тех, кто знаком и встречается с этой парой.

Да разве об одной такой любви можно рассказать?

Что бы там ни было, а любовь — это следствие всей предыдущей жизни. Поэт сказал: «Что такое счастье? Соучастие...». В белые ночи бродят по Ленинграду влюбленные. Мы замечаем, как чудесно преображается человек, увидевший любимую. Да почему только замечаем? Разве у нас самих не падает сердце при звуке родного голоса? Иногда чувство рождается с первого взгляда и длится всю жизнь. Бывают и трагические ошибки. Бывает и безнадёжная, безответная любовь. Но даже и она может помогать жить, творить. Оттого и радует, что читатели «Смены», которых взволновала судьба Людмилы Н. и Павла Чумакова, начали разговор о жизни, идеалах, совместимости.

Из далекого сибирского города пишет молодая женщина по имени Вера: «...Мы с ним работаем вместе около четырех лет. Я прямо умираю по нему, но он этого не знал. Я еще в десятом классе дала себе зарок не глядеть на женатых мужчин, потому что от нас ушел отец. Сейчас отношения наши самые чистые. Просто в нем я вижу свой идеал, свою мечту. У него хорошая семья, а я разошлась с мужем и осталась с сыном. Если

лему физики, сближающие его науку с биологией. Саша слушала и, кажется, понимала. Вскоре выяснилось, что ее буквально захватила биология. Валерий настоял, чтобы она оставила очередную работу и поступила в ихтиологическую лабораторию, где для начала требовалось всего-навсего мыть аквариумы. Теперь она уже окончила биофак университета. О ней говорят как о способном ихтиологе. А Валерий, кажется, так и не заметил, что его жена совершенно переменилась. Потому что тогда, в кафе, он увидел ее именно такой, какой она стала теперь. И любовь — настоящая, искренняя, бескорыстная — сыграла при этом главную роль.

Скучно и пуста жизнь тогда, когда нет полного взаимопонимания любящих и умения видеть внутренний мир друга и помогать его движению вперед.

Так разговор о любви влечет за собой раздумья о других жизненно важных проблемах, связанных с нею, — раздумья о чести, достоинстве, верности не только в любви. Но вот в круг этих светлых представлений вламывается дремучая темнота души. Из Клайпеды Регина Ю. пишет в редакцию: «Было время, когда я верила в чудодейственную силу любви. Но жестоко ошиблась. Я встречалась с парнем почти пять лет. Были у нас и солнечные дни, были и пасмурные. Он часто говорил мне о своем чувстве, о том, что без меня жизни не представляет. И я очень ждала того дня, когда он назовет меня своей женой. Но... так назвал он другую. Когда мы с ним встретились, то на мой вопрос: «Любишь ли ты ее?», — он ответил: «Нет, но зато у нее хорошая квартира и скоро будет машина». Так можно ли понять человека, который произносит «люблю» и тут же добавляет: «А где жить будем?» В конце письма Регина спрашивает: «Неужели все эти годы я любила пустого человека?»

Да, Регина, хоть и грустно мне писать вам это, но «друг» ваш оказался именно

шим едва ли возможна настоящая любовь и истинная порядочность.

Когда юноша забрасывает лекции, заваливает экзамены, а потом вынужден бывает и уйти из института из-за любви, а девушка, которой она предназначена, принимает все, как заслуженную жертву, — это низко. Потому что есть жертвы, которых настоящий друг не имеет права принимать. И я не согласна с читателями, которые называют любовь Павла Чумакова к своей Нине жертвой. Нет, не жертва это, а естественная потребность настоящего мужчины быть с любимой, помогать ей. В истинной любви счастье другого становится и твоим счастьем.

Очень справедливо пишет читатель Федор Михайлович Ридош из Кемерово: «В любви дают, а не берут. Любовь не терпит грубости, безнравственности. Любовь — это высокое доверие, это большая культура чувств. Любя, никогда не думаешь о себе, а только о другом человеке».

Нужно добавить, что настоящая любовь не самоотречение, «не жертва на алтарь», а потребность человеческой души. Если же в человеке, говорящем о любви, идет душевный торг, — тут счастья не жди. Одна умная женщина сказала: «Не бойся переплатить. Бедней тот, кто требует большего».

О необходимости требовательно относиться к себе и к жизни пишут многие читатели журнала. Вспоминается мысль А. Сент-Экзюпери о том, что человек замечает в мире лишь то, что он несет уже в самом себе. Люди, чувства которых притуплены, неспособны ни к сочувствию, ни к любви, односторонность губительна для человека. Лена Карева из Рязанской области пишет: «Мне не нравятся этикие «короли» танцев, у которых есть одна-две испытанные остроты, а внутри — пустота. И что самое удивительное, девушки охотно дружат с такими ребятами. Одна моя знакомая так и сказала: «Пусть он не особенно умный,

придет. И еще есть у Льва Николаевича замечательная мысль: «Недовольство собой есть необходимое условие разумной жизни. Тогда это недовольство побуждает работать над собой».

Размышляя о том, какими нравственными качествами должен обладать наш современник, мы нередко обращаемся к биографиям лучших представителей человечества — революционеров.

Мария Александровна — мать Владимира Ильича Ленина — в свои девические годы решила не выходить замуж, хотела стать учительницей, служить народу. Не встреть она молодого преподавателя физики Илью Николаевича Ульянова, она бы сдержала данное себе слово. Дома она привыкла к постоянным отлучкам отца — врачебного инспектора. Привыкла, что он весь в своей работе, в служении народу. Илья Николаевич был таким же. Это родство душ, моральных принципов сначала сдружило молодую пару, а потом и навсегда притянуло друг к другу.

В семье Ульяновых между родителями было полное взаимное доверие и уважение. В этом микроклимате и складывались характеры детей. Родители были озабочены не тем, чтобы все вокруг заметили и восхитились выдающимися способностями Владимира, а тем, чтобы он не стал смотреть на товарищей свысока. Полное взаимопонимание, единомыслие, служение общему делу и высоким целям снимало те или иные проблемы, сглаживало огорчение, недовольство хотя бы тем, что глава семьи редко бывает дома. Наоборот, это обстоятельство делало настоящими праздниками дни, когда вся семья собиралась вместе.

Мне могут возразить: «Какое же единомыслие, когда Илья Николаевич верил в бога, а дети выросли атеистами?» Да, родители не были революционерами, они растили детей просто порядочными людьми, преданными высоким идеалам, и эти идеалы родители

уважали. И в этом было единство отца и матери и их детей, ставших взрослыми.

К сожалению, семья Л. Н. Толстого так до конца и не поняла и не приняла его идеалы. Даже помогая отцу в «добрых делах», почти все члены семьи были ему чужды.

Нельзя сказать, что Софья Андреевна не пыталась понять своего мужа. Стоит прочесть ее дневниковые записи «Моя жизнь», опубликованные в восьмом номере журнала «Новый мир», чтобы понять это. Но все его устремления оставались далеки ей. Попытки приблизиться к его мировоззрению оборачивались самонасилием, и кончилось все трагедией, хотя Лев Николаевич в последнем письме говорил жене, что любит и жалеет ее, и благодарил за все, что она смогла сделать для него.

Тут мы близко подошли к вопросу о драматических конфликтах в семье. Конечно, необходимо всячески стремиться сохранять семью. Ведь конфликты сплошь и рядом бывают проходящими. Урегулирование их зависит от нашей доброй воли. Но случается и иначе. Несогласие между супругами зашло так далеко, что уже не говорится ни о чем, кроме как о разводе.

Осуждать ли нам или не осуждать одного из родителей, когда он уходит из семьи (конечно, если это не легкомыслие)? И оправданной ли будет жертва, если разлюбившие все же останутся вместе?

Любовь, преданность долгу, самоотверженность, честность, доверие — все это слагаемые многообразных человеческих отношений. Что же честнее — уйти или лгать год за годом жене, детям? Сама жизнь потом непременно раскроет обман — обмолвкой, случайной встречей, письмом, пришедшим не вовремя, и дети, наши дети, ради которых совершается столько ложных поступков, не простят нас. Великий Лев Толстой писал: «Детей не отпугнет суровость. Они не простят только лжи».

Может быть, в этом и кроется как раз ответ на вопрос многих читателей, недоумевающих по поводу того, почему муж Людмилы Н. до сих пор не возвращается к семье...

Иногда, уже разведенные, он и она становятся настоящими врагами: дурно говорят друг о друге, не разрешают одному из супругов встречаться с детьми и этим калечат детей же. Короче говоря, самые близкие когда-то люди сводят свои отношения к исполнительному листу. В то время как по настоящему воспитанные мужчина и женщина, если семья их распалась, сохраняют прежнее уважение друг к другу, любовь к детям, а следовательно, и любовь детей.

Известный исследователь проблем семьи и брака профессор Н. А. Харчев пишет: «...проблема укрепления семьи решается в сфере воспитания...» В известном смысле еще до того, как она создается... Я имею в виду прежде всего развитие эмоциональной культуры — культуры чувств, вкусов, потребностей, способности к сильным переживаниям».

Как-то так повелось считать, что чаще пишут о своей неудачной, разбитой любви девушки. Однако в почте журнала оказалось много писем и от покинутых юношей.

«Я очень любил одну девушку, а она, оказывается, просто играла моей любовью», — пишет Сергей Д. из Иркутска. — Теперь я равнодушен ко всем девушкам, а мне ведь только 19 лет. Я уже никогда не буду ни с кем счастлив, потому что на свете нет настоящей любви. Нет! Сколько свадеб, столько и разводов! Я совершенно одинок. Любовь покинула меня, и мое сердце черствеет с каждым днем».

Думаю, трагизм, с которым юноша описывает нынешнее свое положение, проистекает оттого, что сам Сергей очень молод. Я верю, что у него все еще впереди: и настоящая любовь, и семья, и, конечно, счастье. Признаюсь, не могу слышать, когда говорят: «Да плюнь ты, встретишь другую, а эту забудешь». Или: «Порви с ней, и точка».

Путь, который предлагают горе-советчики, это путь пренебрежения к человеку, отказа от борьбы за него, признание собственного бессилия. Человек в любви, если это настоящая любовь, должен чувствовать ответственность не только за себя, но и за того, кто рядом. В равной степени это относится к юношам и к девушкам.

Девушка хочет видеть близкого человека самым лучшим, но ведь и она сама должна стремиться быть для него такой же. Если друг в чем-то отстает, нужно употребить весь возможный такт, чтобы возбудить в нем желание узнавать, расти. Если настоящая дружба связывает молодых, тогда все превратности брака преодолимы. Сохранится и лиризм, и романтика добрых отношений, и их накал. Ну, а если эти отношения были поверхностны, эгоистичны, молодые люди разведут уже «медовый месяц», как случилось с одной парой, когда он мечтал провести его в палатке, у костра, среди природы, а она убоилась закопченных котелков и уехала в дом отдыха.

Заканчивая эти заметки, хочу обратить внимание еще на одно письмо. Автор его, житель Свердловска, требует введения еще одного закона, сурово наказывающего супругов разлюбивших, ушедших от своей семьи, изменивших ей. Что можно сказать об этом предложении? Во-первых, есть закон, предписывающий супругам, расторгнувшим свой брак, нести заботу о детях, а, во-вторых, все же насильно, как говорится, мил не будешь, и я согласна с читателями, которые пишут, что любовь — это величайшее счастье, построенное на доверии, доброте, взаимоуважении. Такая любовь поистине придает человеку крылья.

Заговорили о любви, но не смогли говорить только о ней, задумались о воспитании души, о культуре чувств.

Белинский, размышляя о науках, писал, что «только нравственное воспитание делает человека человеком». Не инженером, не генералом, не учителем, но Человеком, истинно нравственным гражданином Будущего.

ОТ РЕДАКЦИИ. Разговор о высоком чувстве, которое зовется любовью, настолько многообразен и сложен, что, естественно, ни писательница Елена Вечтомова, ни редакция не предполагали в опубликованных материалах представить все точки над «i». Это было бы по меньшей мере наивно, как наивно искать универсальное для всех средство, применение которого позволило бы сделать однажды заключенный двумя людьми брачный союз счастливым, вечным и нерушимым. Средства такого нет. И потому «носятся в воздухе» вопросы, вопросы, вопросы...

Как же быть? Очевидно, как справедливо заметила наш автор, разговор о любви — это прежде всего разговор о воспитании души, о культуре чувств. Именно поэтому в первых номерах нового года редакция предполагает опубликовать цикл статей писателя Юрия Рюрикова, в которых делается попытка подойти к сфере человеческих чувств, если хотите, с научной точки зрения.

Вторжение науки в область эмоций многим может показаться не только неправомерным и странным, но и бесперспективным. Но так ли это? Возьмем один непреложный факт: человечеством накоплен многовековой опыт в вопросах любви и взаимоотношения полов. Коль скоро это так, его можно анализировать, изучать, им можно овладеть. Знание же с неизбежностью перелетится в культуру, которая и помогает в решении очень многих жизненно важных вопросов. И хотя действительно чаще всего бывает трудно, а то и невозможно дать точный совет конкретным людям, как им поступить в той или иной ситуации, из этого опыта можно делать выводы и обобщения.

Мы надеемся, вы убедитесь в этом, познакомившись с интересными, порой неожиданными и, может быть, не бесспорными размышлениями Юрия Рюрикова.

БИБЛИОТЕКА «СМЕНИ» В УРЕНГОЕ

Как сообщалось в предыдущих номерах, редакция журнала «Смена» выступила с инициативой создания в поселке Новый Уренгой библиотеки на 25 тысяч томов. Журнал обратился к читателям: давайте вместе, общими усилиями создадим библиотеку. И вот результаты: каждый день в редакцию «Смены» широким потоком идут сотни книг.

Книги поступают буквально со всех концов страны: из киевского издательства «Радянська Украина», из города Северодвинска, из средней школы № 98 г. Кривого Рога, из школы № 4 пос. Раменское, Московской обл., из Октябрьской средней школы совхоза Кермянчик, Донецкой обл., из педагогического института г. Джамбула, из технического училища № 5 г. Ростова-на-Дону, от учеников 5—7-х классов пос. Новогуровский, Тульской обл., из областной детской библиотеки г. Кирова, которая выслала 300 книг, как пишет коллектив библиотеки, «самых ценных и красивых».

На наш призыв создать библиотеку горячо, как всегда, откликнулись читатели «Смены». Книги прислали: Аркадова Г. В. из Красноярска, семья Баранцевых из Каунаса, Бриченко Н. П. из Костромы, Величко Г. В. из Шахтерска, Загузина Л. М. из Ижевска, Рожанов Б. С. из Мурманска, Стыров И. Д. из Иванова, Додонов И. М. из Арзамаса, Лаврова Е. А. из Ленинграда, Михайлов В. А. из Коврова, Мочайло А. И. из Жигулевска, Маслова Л. Н. из Волгодонска, Масленникова Г. В. из Выксы, Неустров Н. Г. из Измаила, Семенов С. П. из Лыбятинги, Тарасова В. А. из Горького, Челкасов И. И. из Омска, Червако Н. И. из Москвы, Шейн П. А. из Кызыл-Орды, Шахмелиян К. Г. из Сочи, Шишкин С. А. из Ижевска, Шокарев В. С. из Запорожья, Юхневич Е. С. из Красноярска.

Продолжают поступать книги от писателей. И на каждой — искренние, сердечные пожелания строителям. «Комсомольцам Уренгоя с чувством восхищения их патристическим подвигом. Слава вам, комсомольцы!» — пишет лауреат Ленинской премии, Герой Социалистического Труда Валентин Катаев. А вот какую дарственную надпись сделал на своей книге лауреат Государственной премии РСФСР имени М. Горького Сергей Наровчатов: «Уренгойским комсомольцам с пожеланием буславской дерзости и размаха в работе».

На сегодня «золотой фонд» пополнили Эмилия Александрова, братья Бондаренко, Марта Баранова, Георгий Баженов, Евгений Валтистов, Константин Ваншенкин, Владимир Добровольский, Юрий Дружков, Андрей Дубицкий, Леонид Иванов, Юрий Иванов, Михаил Игнатьев, Вадим Земной, Сергей Заплавный, Максим Зверев, Борис Жилин, Павел Кочергин, Мария Киселева, Григорий Кипнис-Григорьев, Владимир Кулагин, Виктор Крюков, Юрий Ковалев, Рустам Кутуй, Александр Крестинский, Николай Кутлов, Борис Комар, Александр Кравцов, Василий Каменский, Леонид Кудреватых, Николай Козлов, Аркадий Канюшков, Вениамин Колыхалов, Алексей Корнеев, Михаил Левитин, Георгий Ладонщиков, Владимир Лидин, Илья Лавров, Юрий Лякота, Владимир Лёвшин, Виктор Логинов, Леонард Лавлинский, Георгий Лазгинцев, Анатолий Малахов, Геннадий Михасенко, Геннадий Машкин, Габиден Мустафин, Дмитрий Мицанко, Александр Мартынов, Алексей Малышев, Игорь Минутко, Николай Никитин, Геннадий Немчинов, Юрий Нагибин, Михаил Небогатов, Кронид Обойщиков, Наталья Овчарова, Алексей Осипов, Виктор Прохин, Валерий Поволоев, Казимир Полякова, Михаил Пархомов, Александр Плотинов, Пимен Панченко, Михаил Плячковский, Иван Падерин, Анатолий Рыбаков, Юрий Рытхэу, Алексей Решетов, Ирина Стрелкова, Юрий Сальников, Борис Сергуненков, Анатолий Софронов, Сергей Сартаков, Борис Соколов, Василий Соколов, Екатерина Сургутская, Татьяна Сырцева, Нина Толченева, Виктор Тельпугов, Анатолий Таран, Александр Уваров, Иван Уксусов, Михаил Фролов, Виталий Фролов, Николай Флоров, Сергей Хохлов, Юрий Чернов, Михаил Чистяков, Осип Черный, Виталий Чернов, Феликс Чуев, Олег Шестинский, Михаил Шерин, Ольга Широкова, Яков Цветов, Микола Яровой, Алесь Якимович.

Ждем ваших книг, товарищи!

Напоминаем наш адрес: 101457, ГСП, Москва, А-15, Бумажный проезд, 14, журнал «Смена». Повторяем, литература может быть любой: художественной, политической, научной, учебной — интересы молодых строителей поистине неограниченны.

ВЕХИ СЛОЖНО

Когда в 60-х годах во Вьетнаме возобновились бомбежки, художник Илья Глазунов поплыл туда на нашем торговом корабле корреспондентом «Комсомольской правды».

Мы хорошо знаем о военных действиях в Юго-Восточной Азии: газеты, телевидение, кинохроника доносили до нас не только фактографию событий во Вьетнаме, но и самую трагическую и героическую атмосферу того, что происходило там.

Что тут прибавить руке художника?

Ординарность комендантского часа. Позировать некому и некогда. Перед глазами — схожая строгость лиц, сходство форм и выверенных движений бойцов, зенитчиц, носильщиц...

Рисунки Глазунова тронули нас, запомнились. Тонкие карандашные линии на бумажном листе заставили и ощутить душевный настрой каждого патриота и услышать напряженно, но уверенно бьющееся сердце народа.

Зритель увидел не только поруганную красоту природы, старинного зодчества, недавнего мирного быта, не только испытал гнев против разрушителей, но и почувствовал локоть братьев — людей, обладающих действенной нравственной красотой, силой духа, которую не сломить никаким захватчиком.

...В Чили Глазунов оказался незадолго до трагических и кровавых событий. Многие из тех, с кем он дружески разговаривал, кого он наскоро зарисовывал, думая о будущих картинах, были замучены на стадионе в Сантьяго, расстреляны в заводских корпусах, убиты в осажденном президентском дворце. Конечно, художник не предвидел такого развития событий. Но в рисунках ощутима накаленная политическая атмосфера.

На выставке, посвященной Чили, я вспомнил другую экспозицию художника — в столичном Манеже, накануне двадцатипятилетия разгрома гитлеровцев под Москвой. Одну из стен занимало большое, энергично написанное полотно.

Лето сорок первого года. Отступление, беженцы на проселке. Мчатся испуганные кони. Зноем отдают спелые хлеба...

Небо затянуто грозowymi тучами, а на первом плане — пестрая хрупкая бабочка, чьи крылья в этот миг кажутся нам драгоценнейшим созданием тишины, покоя, образом мира...

Искусство Глазунова — живой отклик на сложную, суровую эпоху народных битв за свободу, за достоинство человеческой личности. Вернее, не отклик, а соучастие творчеством и собственной жизнью...

Было довоенное детство, потом ленинградская блокада, дорога через Ладожское озеро... Этим фактам можно поражаться, но сами по себе они обычны для военных невзгод, выпавших на долю миллионов людей. Важен не просто факт биографии, а твое собственное переживание случившегося и соотнесение этих личных переживаний с духовным опытом народа.

Он и в блокаде и в эвакуации мечтал о чем-то ослепительно прекрасном, вызывающем в людях пронзительно-благоговейную нежность. А когда в молодые годы брался за кисть и писал теленочка, родившегося на ферме и тянувшегося к добрым, заботливым рукам, — выходило местами слащаво. Да и рисунок, как струна под неопытным пальцем, звучал не на той ноте. И позднее в его девичьих, женских образах нет-нет да проскользнет приторность, напоминающая ходячие песенки сороковых годов, сочиненные людьми, тоже жаждущими красоты, но представлявшими ее в виде какой-то умильной шикарности и роковой страсти.

Что же помогало идти к подлинному, к настоящему творчеству? Рост собственной культуры. Изучение мастеров прошлого. Ведь трогательны же в древнерусской живописи Борис и Глеб — братья, павшие жертвой зависти и коварства; трогательны, но не банально слезливы. А мир Достоевского? Вот уж где легко сорваться на монотонный крик, вооб-

ражая себя на месте Мармеладова, или впасть в дешевую и скверную сентиментальность, обращаясь к образу Сони...

Первые выставки Ильи Глазунова были как бы собеседованием с собой, когда художник словно бы постигал возможности своего таланта. Он сосредоточивал внимание прежде всего на взорах своих героев и героинь, на выразительности очертаний фигур и предметов.

За всем этим вновь и вновь возникает двуединство драматизма и светлой красоты, простоты и изыска.

Глазунов принадлежит к тем мастерам, чье творческое мышление, пытливо обращаясь к особенностям природы, сильно и своей фантазией, умением типизировать, создавать современную легенду и сказку. И зритель словно вступает в область рус-

ской истории, в стихию русского стиха, в край добрых и трогательных желаний, которым подвержены не только сочиненные витязи и царевны, но и мы с вами.

В таком естественном и смелом переходе от жанра к жанру, от поэтичного всматривания в натуру к быстролетной фантазии издавна заключалась сила отечественного искусства.

Остро воспринимая современность, Глазунов ценит мудрость предшественников. В памяти об их духовном опыте еще А. Пушкин видел «самостоянье человека, залог величия его».

Такое отношение к истории испокон веку отличало лучших представителей русской культуры. Боль за культурные ценности, погибавшие в мире чистогана и пошлых вкусовых поветрий, не покидала сознание ее мастеров.

ОГО ПУТИ

Ф. М. ДОСТОЕВСКИЙ.

ДВА КНЯЗЯ.

РИСУНОК
К ПОЭМЕ
НЕКРАСОВА
«ЖЕЛЕЗНАЯ
ДОРОГА».

АНАТОЛИЙ
ТИТОВ,
БРИГАДИР
БЕТОНЩИКОВ
НУРЕКСКОЙ
ГЭС.

ТАДЖИКСКАЯ
КОЛХОЗНИЦА.

В пору сложных раздумий В. Брюсов с гордой печалью провозгласил:

А мы, мудрецы и поэты,
Хранители тайны и веры,
Унесем зажженные светлы
В катакомбы, в пустыни, в пещеры.

Но одна из задач советского искусства — как раз выносить эти «светы» из забвения, из музейных запасников в жизнь. И если присмотреться внимательно к тому, как развивается наше искусство, то станет очевиднее, что сотворение нового обязательно связано с освоением, постоянным открытием заново прежних художественных ценностей.

В искусстве Ильи Глазунова этот процесс занимает очень важное место и во многом определяет характер творческих поисков мастера и их форму.

Творчество Ильи Глазунова связано со многими традициями прошлого, хотя их создатели нередко творили в разные века, а будучи современниками, часто полемизировали друг с другом.

Вспоминается образ Гоголя, воплощенный художником. Писатель изображен странствующим по Руси в лицезрении ее красоты и потрясающих сознание размышлениях о судьбах великого народа. Рядом с Гоголем — девочка. Зрители когда-то спорили о том, как называть ее, предполагались имена-понятия: Совесть, и даже дитя Гоголя, она же Россия. Но суть не в исчерпывающем литературном определении, а все в той же постоянно волнующей художника связи уходящего с наступающим, минувшего с будущим.

Чтобы осознать эту связь, ее значение для нашей жизни, не всегда достаточно одних лишь строго

логических категорий. Нужны еще и едва уловимые душевные настроения, которые чуткий зритель сможет ощутить, всматриваясь в то, как чернеют линии на бумаге, как смотрит Гоголь...

Не случайны, конечно, и литературные симпатии Глазунова. Художник обращается к симфонизму прозы Достоевского, к изящной простоте строк А. К. Толстого, к Блоку...

В собрании сочинений Блока, вышедшем в 1971 году, иллюстрации Глазунова шли вслед за знаменитым портретом поэта, выполненным К. Сомовым — видным представителем дореволюционного общества мастеров искусств «Мир искусства». Такое соседство не только ко многому обязывает, оно и основательно экзаменует.

Глазунов выдержал испытание. И не потому, что приблизился к стилю мастеров «Мира искусства». Нет. Ему оказалось близким их понимание Блока, отношение к сокровищницам русской и мировой художественной мысли.

Но, естественно, в рисунках Глазунова есть новизна, а в ней неизбежны и отказ от известного и обретение до сей поры неведомого.

В книжной графике Глазунова меньше изящества в силуэтах, нет изысканных виньеток, филигранных заставок и концовок. Художнику, как в кинематографе, нужен крупный план, нужна повышенная выразительность цвета, которая лишь подчеркивается, когда вслед за радужным рисунком вдруг возникает черно-белая иллюстрация.

В работах на темы Блока Глазунов обратился к поэтическим образам, которые трудны для изображения то в силу особой духовной нематериальности, то потому, что в них все уже как бы нарисовано словом. И в тех и в других случаях, следуя хорошей традиции, Глазунов подписывает иллюстрации строками поэта, вынося графический образ на непосредственный суд читателя.

К лучшим иллюстрациям, на мой взгляд, следует отнести листы на темы: «Ловлю дрожащие, хладающие руки; бледнеют в сумраке знакомые черты!..», «Вдали мигнул огонь вечерний — там расступились облака...», «Предчувствую Тебя. Года проходят мимо — все в облике в одном предчувствую Тебя...».

Словно вслед за напутствием Рериха Илья Глазунов отправился в дивные дальние страны, донеся их романтику до нового поколения зрителей.

С такой же увлеченностью художник обратился к примеру русского народного творчества. От древних окладов, от прялок, от кокошников, от резьбы, от кованных расписных сундуков вошли в искусство мастера красочность, удаля, сила и точность выражения чувств, умение образно совмещать в едином произведении, казалось бы, самые разнородные материалы.

Творчество Глазунова интересно и сложно. В исторических работах Глазунова драматизм нередко нарочито нагнетается, становится монотонным, невыразительным. К тому же художник часто повторяется в своих приемах, особенно стандартными стали глаза его персонажей, заостренность скула, иронично-страдальческий изгиб губ. Незыскательный или малоподготовленный зритель находит во всем этом некую «духовность», некое «откровение» внутренней жизни героя и обманывается, потому что духовность эта слишком поверхностна и туманна. Веря в талант мастера, хочется сказать об этом прямо.

Лет двадцать назад некоторые искусствоведы предрекли скорое забвение его творчеству. С тех пор персональные экспозиции произведений Ильи Глазунова побывали во многих столицах мира. Летом этого года очередной творческий отчет живописца состоялся в Москве, и все дни работы выставки огромное здание Манежа, где она разместилась, опоясывала нескончаемая очередь. Глазунов представил картины на древнерусские темы; социально-жанровые полотна; обширную галерею портретов наших современников; работы, созданные на БАМе. Успех выставки в который раз показал неправоту мрачного прогноза. Все больше и больше людей тянется к искусству Глазунова, с нетерпением ожидая встречи с ним. Показанный во многих городах страны и по телевидению фильм о Глазунове в какой-то степени удовлетворил это желание, но изобразительное искусство предпочитает неспешное рассмотрение произведений, и в этом смысле журнальная публикация репродукций работ художника — хорошая помощь тем, кого интересует творчество Глазунова.

Об Илье Глазунове немало говорили в прошлом. Вероятно, будут говорить и в будущем. Но полезнее всего смотреть искусство мастера сейчас.

Петру ДУДНИК,
лауреат премии комсомола Молдавии.

Хлеба

Слава трепетным этим хлебам,
что падут на заре скоротечной,—
тихий шелест порхнет по полям,
как прощание с ними навечно.

Слава мудрости спелых хлебов,
слава щедрости их и терпенью.
Жажду жизни в себе поборов,
видят в гибели предназначенье.

Минет ночь, и уже поутру
лягут наземь напевные нивы.
Бескорыстно колосья умрут—
для того, чтобы были мы живы.

Двое

Белыми смерчами вьюга
путников сбила с пути.
Им бы держаться друг друга,
но первый решил уйти.

Был он сильнее второго—
вконец был измучен тот.
Но не сказал ни слова
тому, кто ушел вперед.

Свалила первого вьюга
страшным ударом в лицо.
— За что ты, жестокая вьюга?
— За то, что ты жил подлецом!

Белою плетью вьюга
второму ожгла лицо.
— За что ты,
жестокая вьюга?
— За то, что дружил
с подлецом!

Как это, право, грустно...
У нас ведь столько слов—
Монбланы, Эвересты слов!
Вершины их
в заоблачных высотах тают,
а склоны поросли травой—
лекарственной, врачующей, целебной.
А в недрах их
несметные сокровища таятся,
и тоже—чудотворной силы.
И надо сказочным богатством этим
уметь распорядиться.
Всего-то навсего—уметь распорядиться.
А нам бывает лень—
да, просто лень!—
из этих Эверестов и Монбланов
лишь горстку выбрать слов—
ну, ровно столько,
сколько
могло бы уместиться в сердце,
в чьем-то сердце,
чтобы его согреть
и чтоб оно рубином засветилось...
Всего лишь горстку слов,
одну-единственную горстку,
бывает, не хотим мы выбрать
из высочайших гор словесных—
для близкой
иль пусть не очень близкой,
но страждущей души...
Так разве же не грустно это?

Язык

Когда на нем поют,
и говорят, и шепчут,
пусть будет воздух напоен
таким же тонким ароматом,
каким в краю моем родном
всегда сады благоухают
после дождя,
после дождя.

Желание

Я хочу остаться добрым.
Но не быть горе подобным,
что таит веками верно
золотые клады в недрах.

К людям потянусь руками,
точно яблоня ветвями,
отдавая всем, кто хочет,
разноцветье яблок сочных.

Я хочу остаться скромным.
Но не тени быть подобным,
попираемой годами
торопливыми ногами.

Скромность взять бы у утеса:
штормы бьют его и грозы—
он спокойно их встречает.
Молчалив и величав он.

Третий кулак

Мы истиной с детства
считаем всегда:
у каждого есть
лишь по два кулака.
Неправда. Неверно.
Есть третий кулак.
Он сердцем зовется—
жить надо с ним в лад.
На доброе дело,
хоть трудно подчас,
как верный товарищ,
толкает он нас.
За трусость, измену—
ведь честь дорога!—
он бьет нас меж ребер,
как бил бы врага!

О, белые, белые волосы матери!
Ночь стелет за окнами черные скатерти.
А в хате у нас ночь совсем не темна—
Как будто зашла погостить к нам луна.

О словах

Я отбираю их, как отбирают зерна,
чтоб выпечь хлеб—румяный, пышный.
Из печки мамой вынутый проворно,
он жаркой добротой дышит.

Но, окажись вдруг среди сотен многих
янтарно-чистых, крупных зерен
лишь два попорченных, убогих,—
весь труд напрасен.
Будет хлеб твой горек.

Спесь

Ах, эта спесь, что своей спесью
не признает никак—хоть тресни!

Зато ее—чего уж проще!—
в других находим часто очень.

Да и, признаться, трудноато
признать, что спесь твоя, не чья-то.

И тот средь нас герой по праву,
кто скажет сам себе всю правду.

Кто, не внемля своим капризам,
не станет сам себе подлизой.

Кто, даже став на час калифом,
себе не станет подхалимом!

Ты ошибался—как дитя, наивен,—
считая, что тебя вокруг все любят,
врагов же нет и не было в помине
и, уж конечно, никогда не будет.

Когда ж враги в тебя швырнули камень,
ты словно бы прозрел однажды:
нет у тебя друзей—
ты окружен врагами.
Теперь уж ты ошибся дважды!

Перевел с молдавского
Владислав ПОБЕДОНОСЦЕВ.

Один из замечательных грузинских поэтов нашего времени, Колау Надирадзе, принадлежит к славному поколению деятелей грузинской литературы, выступивших на заре великих революционных перемен. В эту плеяду поэтов вошли такие признанные классики грузинской советской поэзии, как Паоло Яшвили и Тициан Табидзе, Валериан Гаприндашвили и Георгий Леонидзе.

Революция вывела на широкую творческую дорогу всю эту группу талантливых молодых поэтов, и Колау Надирадзе тоже стал певцом возрожденной Советской Грузии. Он посвящает свои лучшие стихи Революции, Ленину, дружбе народов СССР. Тончайший лирик, не терпящий многословия, он пишет страстно и захватывающе. Его стихам присущи глубокое философское раздумье, неукротимый оптимизм, искренняя любовь к обновленной Родине, ее славной истории и счастливому сегодняшнему дню.

Мы надеемся, что читатели журнала «Смена», которым мы представляем стихи одного из старейших и интереснейших грузинских поэтов, по достоинству оценят его поэзию.

Григол АБАШИДЗЕ,
лауреат Государственной
премии СССР.

Колау НАДИРАДЗЕ

Отчизне

Земля моя,
не много слов красивых
из уст моих услышать ты могла,
Любовь к тебе сильнее речей крикливых,
Моя Земля!

Прости же мне молчанье мое,
Как сыну мать простит непослушанье.
В моей душе
сокровище твое—
Твое неукротимое дыханье...

Увы, не все сказал!
В мгновение одно,
В сон обратившись,
век мой угасает.
И грань меж днем и ночью исчезает.
И лишь любви бессмертье суждено...

Земля моя,
мне дорого молчанье!
Что матери о верности твердить!
Но я отважусь это повторить—
Отчизна, ты мое призванье!

Ленин в Октябре

Скрипят деревья. Ветра вой истошный.
И человек в холодном шалаше...
Он жаждет бури, жаждет бури мощной—
Ее дыханье чувствует уже...

И видит он: измучена Россия,
Раскалена войною докрасна.
Ее слеза всю землю оросила,
Страданий чаша выпита сполна...

Россия ждет—преступно промедленье,
Совсем близка восстания гроза...
Когда начать великое сражение—
Ему решать. И медлить уж нельзя!

Горела ночь. И всё шагали люди
Разбитыми дорогами войны.
Судьба страны—она решаться будет,—
Они теперь ее вершить должны!

Когда начать?! Число какое выбрать?!
Восстание не случай, а судьба!
Не дать врагам ни дня, чтоб время выиграть,
Решить немедленно требует борьба...

Когда рассвет свои расправил крылья
И солнце покатилося по росе,
Великий вождь число на плане вывел—
Сверкнуло 25, чтоб прогреметь грозе!

Перевел с грузинского
Валерий КРАСНОПОЛЬСКИЙ.

Сергий Радонежский

Егору Исаеву

Он брал топор,
лопату,
скибку хлеба
(Рубить дома — мечта великороссов)
И в чашу шел,
Как в сказочную небыль,
Купая ноги в серебристых росах.
Дымилось небо облаком белесым.
Родник бурлил,
Гоня струю, как лаву.
И Сергию
Медведь с шершавым носом,
Как другу,
Подавал большую лапу.
Сюда шел смерд, и странник
Слабого, и русский воин,
И бродяга-нищий.
И с каждым был он рядом

денно,

ночно,

Призвав к борьбе людей, наверно, тыщи.
Мирил князей,
Справлял по павшим тризну
Мужик-мудрец.
По-книжному — философ,
Объединял и укреплял отчизну,
Держа,
как пику острую,

свой посох.

...Летели гуси дикие на север,
Их родина была за древним Псковом.
А Сергий Радонежский зерна сеял,
Что проросли на поле Куликовом.

Седею, с каждым днем седею,
Как старый вяз на берегу.
И все же сердцем

молодею

И это чувство берегу.
Душа, печалиться не надо...
Смотри, как даль опять светла.
Ну, а седины — то награда
За труд и добрые дела.

Николай ШУМАКОВ

Бакенщик

Вздыхает тяжело
Старый дебаркадер.
А я на Днепр,
Задумавшись,
Гляжу...
И ходит, как моряк,
Вразвалку
катер,
Посматривая гордо на баржу.
Буксир спешит в Херсон —
В стальной упряжке...
Бурун бросает брызги на корму.
А бакенщик
В застиранной тельняшке
Завидует, наверно, ему...

Я прошлое
Душой не разлюбил.
И память сердца
К предкам не остыла.
Недаром тропку
К холмикам

могил

Судьба моя
Навечно проторила.
И тот курган,
Что, словно шлем,
Вдали —
Перед веками
Выдержал экзамен.
И с высоты его
Красу земли
Я вижу, предки,
Вашими глазами.
Как вы,
Дивлюсь небесной высоте,
Поззии полей
И незабудок...
Учусь у вас
Любви и доброте
К лугам и птахам
И к хорошим людям.

Скорбь

Сколько их в огне войны сгорело,
Дорогих Иванов и Танюш...
В рощице ряды
деревьев белых.
Может, то шеренги
светлых душ
Павших?.. Самых добрых.
Самых чистых,
Бросивших навстречу злу себя.
...Голову склонив, стоит Отчизна,
У берез
стоит, со мной скорбя.

Родное село

Где роса с горошину,
Треби соловья,
Есть село хорошее —
Там родился я.
Там к колодцу клонится
Каждый день журавль.
И ребячью конницу
Мчит к реке жара.
Облака и лебеди
Над селом парят.
А дороги летние
До неба пылят.
Все там сердцу милое.
И село зовет:
В нем моя фамилия
Триста лет живет!
Кроме тетки Насти,
Есть еще родня...
Говорить всем: «Здрасте!» —
Хватит на три дня.
...Там на обелиске
Звездочка горит
И со мной,
как с близким,
Молча говорит.
Есть сторонка русская —
Ею окрылен.
Адрес: область Курская,
Солнцевский район.

Осень

Вновь замолкли до июня косы.
Вновь щеглы мечтают о тепле.
Женщина — задумчивая осень
Босиком шагает по земле.
Не изменит небо этой доли,
Сколько у Вселенной ни проси...
Так же пожилые бабы-вдовы
Маялись когда-то на Руси.
И когда в нелетный день
с путевкой
Мы сидим, кляня свое житье,
Не дождинки катятся по стеклам,
А слезинки горькие ее.
Но пригреет лишь — и под росой
Лист блеснет, как будто бы литой,
Женщину с седеющей косою
Нежно называют золотой.
...Непогода лютует в огородах.
Телевизор глохнет от помех.
По песам и весам тихо бродит
Осень —
один:окий
человек...

Вожак

Сиверко уже неделю дул.
Звякали сосулек поздних гусли.
В небо я весеннее взглянул —
К северу тянулись ниткой гуси.
Повернула к сиверку спиной
Серая раздробленная стая.
А вожака, их чуя за собой,
Звал вперед, свой голос подавая.
Повернувшись я не замечал,
Словно поглотила всех их небыль.
Долго-долго над селом звучал
Одинокий клич в суровом небе.
Видимо, вперед его вела
В родину свою святая вера,
Та, что вожака на бой звала
Против злого северного ветра.
...Выплывает солнце из-за гор.
Тянется к нему пшеничный колос.
Столько лет прошло,
Но до сих пор
Слышу вожака зовущий голос...

Борис СОКОЛОВ

На моей родине

Мой таежный распадок.
Тишина до небес.
Неизменный порядок
Позабытых чудес.
Мхом покрытые камни —
малахиты, смотри!
И река с облаками
всех оттенков зари.
Для меня, как леченье
от обид и невзгод,
этой хвои свеченье,
только месяц взойдет.
Как давно я здесь не был!
Но, как прежде, тайга

упирается в небо,
по-кержацки строга.
Ты в костер подложи-ка
лапника для дымки.
Этот чай с голубикой —
лучше нету чайку!
Все мы Времени дети.
Все мы Веку нужны.
В этом громком столетье —
островок тишины.
Я прилягу на взгорке.
Только речку слышать...
А на утренней зорьке
я уеду опять.

Примета

Давно заклеили мы все суеверья.
Но вдруг я замешкаюсь утром у двери
пред тем, как надолго отсюда уйти, —
ты тащишь мне спичечную коробку,
ты мне говоришь виновато и робко:

— Не возвращаясь, не будет пути!
И я усмехаюсь: не будь суеверной.
А сам я вот так рассуждаю примерно:
сейчас возвращусь, пусть не будет пути,
но только б отсюда вовек не уйти!

В городском дворе

Опять на балкон прилетают синицы,
им нечем уже за рекою кормиться,
а ветер вдоль улиц поземку метет,
и снег по асфальту скользит и кружится
под аркой, как раньше кружил у ворот.

Дворы городские — кирпичные стены.
Два парня терзают трубу автогеном.
Мальчишка на санках прохожего ждет —
Тот спичку в ладонях никак не зажжет.

Мальчишка кричит: «Закурите в подъезде!»
Мальчишка кричит: «Вы мешаете ездить!»
Старушка с авоськой идет в магазин.
Она проживает с невесткою вместе,
невестка — на службе, и в плаванье сын.

Как будто столетия этой картине!
Но помню, что не было дома в помине
три года назад.

И под сенью берез
старушка тогда мне сказала о сыне,
что он ей очки из Бомбея привез.

Дети и отцы

Ссылаться на отцов куда как проще!
И говорим мы, искренни до слез:
мол, мы попали, словно куры в оцеп,
в свою судьбу.

И с нас какой же спрос?

Мол, недостатки наши — продолжение
достоинств наших, может, и грехов.
И вот уже приходим в раздражение
от песен и от танцев, от стихов.
Везет кому-то — помогает папа,
а не везет, то папа виноват.

Ну, а на чем мы носим наши шляпы?
Об этом как-то и не говорят.
Причинных связей в жизни очень много,
но вот о чем задумываюсь я:
к отцам нетрудно относиться строго,
а к нам

как отнесутся сыновья?
По жизни мы порой идем на ощупь,
не тех ругая и не тех любя...
Ссылаться на отцов куда как проще!
Не лучше ль нам сослаться на себя!

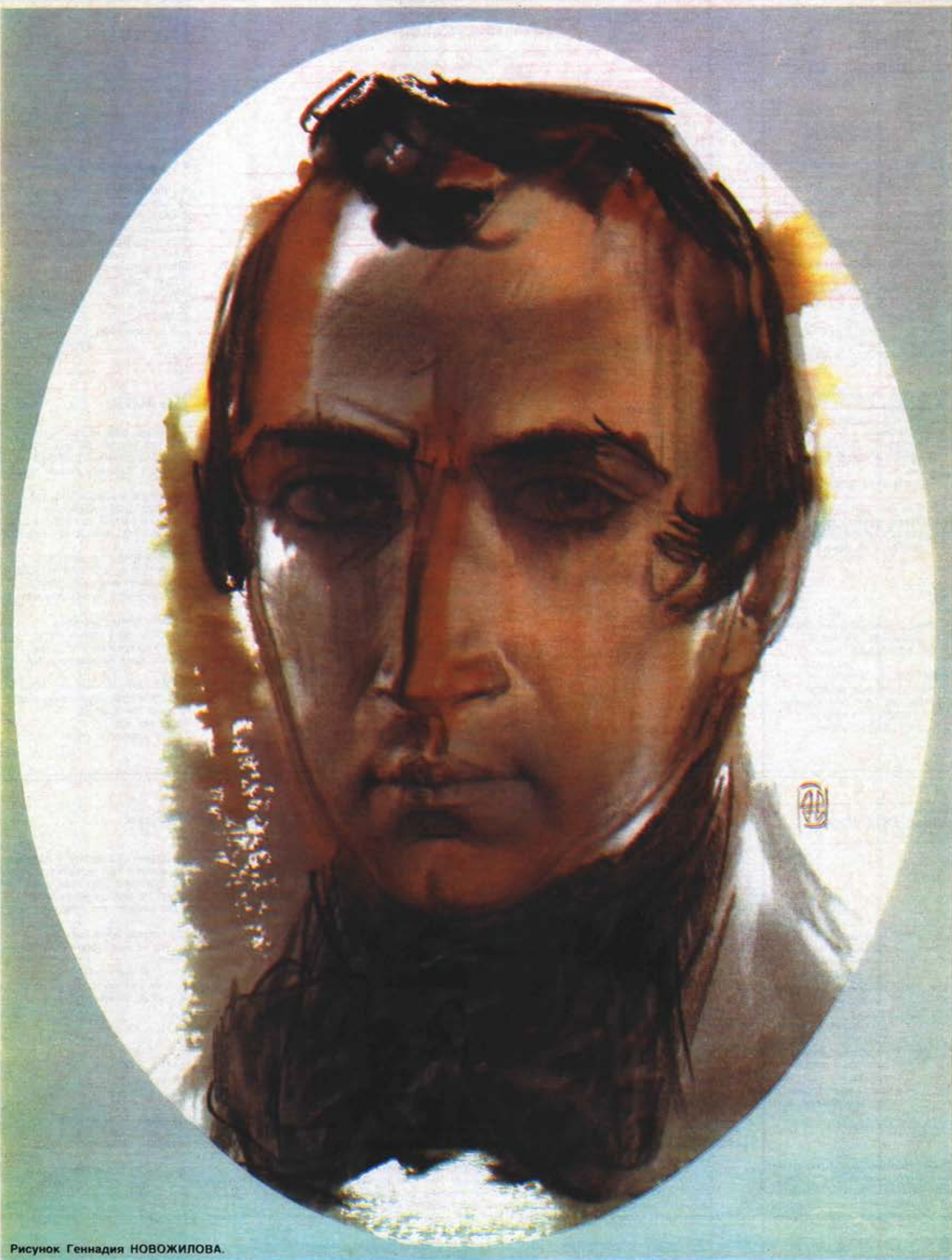

Рисунок Геннадия НОВОЖИЛОВА.

Всеволод САХАРОВ

ОДОЕВСКИЙ

Русская литература первой половины прошлого столетия подарила миру столько неповторимых гениев, что гении эти иногда представляются сегодняшнему читателю единственными создателями отечественной словесности, одинокими титанами-атлантами, удерживающими на своих могучих плечах все стройное собрание классических художественных творений. Между тем наша литература той эпохи являла собой гармоничный художественный организм, в котором многочисленные самобытные таланты находили свое место рядом с признанными гениями и шли с ними к одной цели. Рядом с Пушкиным, Гоголем, Лермонтовым, Тютчевым мы видим поэтов Боратынского, Дельвига, Козлова, Языкова, прозаиков Бестужева-Марлинского, Вельтмана, Даля. Все это первоклассные русские таланты. Их сочинения в наши дни перестают быть библиографической редкостью, они переиздаются большими тиражами и приходят к современному читателю, открывая ему обаятельность старого, но не стареющего в своей строгой чистоте мира оригинальнейших писателей пушкинской поры.

«Библиотека — великолепное кладбище человеческих мыслей... На иной могиле люди приходят в беснование; из других исходит свет, днем для глаза нестерпимый; но сколько забытых могил, сколько истин под спудом...» Эти печальные слова своеобразнейшего русского писателя Владимира Федоровича Одоевского (1803—1869) невольно вспоминаются при размышлениях о его собственной литературной и жизненной судьбе, слишком долго пребывавшей в забвении.

В 1834 году молодой Белинский писал об Одоевском: «Этот писатель еще не оценен у нас по достоинству». В конце жизни сам Одоевский оглянулся на пройденный путь и не без горечи заметил: «Моя история еще не написана». Увы, несмотря на немалые успехи современных историков литературы, эти слова и по сей день остаются печальной истиной.

Между тем жизнь Владимира Одоевского заставляет нас задуматься о литературной судьбе так называемых «второстепенных» писателей. Очевидно, что без этих даровитых людей наша литература была бы несравненно беднее. Пушкин, постоянно искавший союзников и единомышленников, сознавал это особенно отчетливо. В 1831 году А. И. Кошелев сообщил его отзыв об Одоевском: «Пушкин весьма доволен твоим «Квартетом Бетховена»... Он находил, что ты в этой пьесе доказал истину, весьма для России радостную; а именно, что возникают у нас писатели, которые обещают стать наряду с прочими европейскими, выдающимися мыслителями нашего века».

В свою очередь, Одоевский мыслил русскую литературу как уникальный художественный организм, как галерею живых лиц, «замечательнейших организаций», участвующих в общей культурной работе. «Судьба лучших людей — корень Русского просвещения и литературной славы», — говорил Одоевский. И это верно в отношении его собственной судьбы, его роли в истории отечественной литературы. Самобытная личность Одоевского — одна из наиболее примечательных в галерее русских лиц и деятелей тех лет.

Конечно, эпоха эта была сложна и долга, включала в себя почти полвека русской жизни, и Одоевский мог сказать о себе то же, что говорил он об одном из своих героев: «Три поколения прошли мимо него, и он понимал язык каждого». Но не всегда совре-

менники были внимательны к этому писателю, ученому и философу, они проходили мимо его книг и мыслей. Сам Одоевский это очень хорошо видел и следующим образом объяснял: «Обыкновенно думают, что от книг переходят мысли в общество. Так! Но только те, которые нравятся обществу; не нравящиеся обществу мысли падают незамеченными. Большею частью книги (кроме книг гениальных, весьма редко появляющихся) суть лишь термометр идей, уже находящихся в обществе».

Значит ли это, что «несовременные», не понравившиеся тогда обществу мысли Одоевского канули в бездонный колодезь прошлого, стали историей? Сам писатель думал иначе: «Мысль, которую я посеял сегодня, взойдет завтра, через год, через тысячу лет». Одоевскому было известно, что в сфере духа ничто не исчезает бесследно. Книги и мысли, как известно, имеют свою судьбу, и потому можно сказать, что они появляются и воспринимаются во время, когда становятся нужными. Именно сейчас стало ясно, что за знаменитыми «Русскими ночами» и другими сочинениями Владимира Одоевского стоит достаточно идей и проблем, отнюдь не ставших историей. Потому Одоевского можно назвать современным писателем.

Сегодня мы обращаемся к В. Ф. Одоевскому не только как к даровитому русскому прозаику первой трети прошлого столетия. Выясняется, что и в сфере точных наук, эстетики, педагогики, музыки, социальной мысли этот удивительный человек начинал задумываться над проблемами, тогда лишь едва намеченными, а сегодня подступившими к нам вплотную. Перечитайте «Русские ночи» Одоевского, и вы обнаружите там целый сонм живых, нестаревших мыслей, услышите любопытнейшую переключку веков, увидите движение трезвой, цепкой и целеустремленной мысли, легко и смело отбрасывающей наивный академизм и прорывающейся к подлинному знанию о мире.

Судьба Владимира Одоевского в немалой мере определялась его происхождением, аристократической средой, навязавшей ему множество обязанностей, должностей, занятий и сковавшей жизнь писателя суровыми правилами этикета. Сам Одоевский не роптал: «Мое убеждение: все мы в жизни люди законтрактованные; контракт может быть прескверный, пренеприятный, но мы его приняли, родясь, женись, вступая в службу и т. д., следовательно, должны исполнять его, что не мешает стараться о его изменении и о том, чтобы впредь таковых контрактов не было».

Жизненный «контракт» Одоевского был достаточно непрост. Его мать Екатерина Алексеевна, женщина весьма своеобразного ума, была из крепостных, зато отец, князь Федор Сергеевич, вел свою родословную от легендарного варяга Рюрика, призванного на княжество древними славянскими племенами. По знатности своей князь Одоевский стоял во главе российского дворянства, что с неизбежностью влекло за собой чины и придворные должности, орденовые ленты, скуку светского салона и рутину канцелярий и департаментов. Служить надо было, ибо древний княжеский род заметно оскудел.

К этой жизни готовили с младенческих лет, но домашнего воспитания было явно недостаточно, и в 1816 году юный Одоевский стал учеником Московского университетского благородного пансиона. Это привилегированное учебное заведение, основанное поэтом М. М. Херасковым, являлось, в сущности, подготовительным факультетом старейшего университета России и отличалось многообразием изучаемых здесь наук и высоким уровнем преподавания. Лекции читались лучшими университетскими препода-

вателями. Воспитанники имели право выбирать предметы, что и позволило Одоевскому сосредоточить внимание на словесности, русском языке и основных началах философии. В пансионе поощрялись занятия литературой, переводы, диспуты. Воспитанники посещали проходившие в зале пансиона заседания Общества любителей российской словесности. На этих заседаниях историк Погодин и увидел впервые юного Одоевского, «стройнейшего, тонкого юношу, красивого собою, в узеньком фрачке темно-вишневого цвета», который с сенторской важностью разводил по местам дам и во время чтений наблюдал за порядком в зале. Здесь, в пансионе, встретились многие будущие деятели русской культуры, и для них это была хорошая школа в начале жизни.

Годы учения в пансионе были для Одоевского порой напряженной, плодотворной работы, непрерывных ученых и литературных занятий. Именно тогда он впервые начал печататься, в том числе и во «взрослом» журнале «Вестник Европы». Две встречи той поры особо важны для понимания духовной жизни молодого Владимира Одоевского. Первая — это знакомство с мечтательной, возвышающей душу поэзией Василия Жуковского: «...В трепете, едва переводя дыхание, мы ловили каждое слово, заставляли повторять целые строфы, целые страницы, и новые ощущения нового мира возникали в юных душах и гордо вносились во мрак тогдашнего классицизма...» Это была встреча с новой литературой, с возникшим тогда русским романтизмом. Одновременно юный Одоевский увлекся философией, учением немецкого мыслителя Ф. В. Шеллинга.

Вторая встреча с русским романтизмом для Одоевского оказалась важнее, и это многое определило в его дальнейшей судьбе. Когда в 1822 году он окончил пансион с золотой медалью, выбор уже был сделан: Одоевский примкнул к лагерю русских романтиков. Но с самого начала он вместе с несколькими друзьями избрал особый путь в литературе русского романтизма. Путь этот вел к художественному творчеству через теорию, через создание национальной философии. В сфере интересов Одоевского литература на время была заслонена философией, отошла на второй план.

В 1823 году Владимир Одоевский и его друг поэт Дмитрий Веневитинов создали знаменитое Общество любителей, объединившее в своих рядах представителей передовой дворянской молодежи Москвы. Цель общества определена была в его названии — любовь к мудрости, прилежное изучение античных и немецких философов и работа над созданием оригинальной отечественной философии, из которой и должна была возникнуть новая русская литература.

Это было удивительное собрание даровитых русских натур, так много обещавших и немало сделавших! Дмитрий Веневитинов, строгий юноша с профилем Наполеона, блестящий оратор и теоретик, достигший в своих статьях и письмах поистине чадаевской глубины и беспощадности суждений и как-то посоветовавший вообще приостановить ход развития тогдашней российской словесности с тем, чтобы «заставить ее более думать, нежели производить». Глубокомысленный и замкнутый Иван Киреевский, один из лучших критиков той поры, ценный Жуковским и Пушкиным. Энциклопедически образованный эстетик и теоретик литературы Владимир Титов. Юный поэт и конногвардеец Алексей Хомяков, чей необыкновенно живой ум и вдохновенное слово природного оратора обратили на себя внимание в собраниях у Рыльева и часто ставили в тупик тогдашних петербургских

теоретиков. К кругу любителей были близки молодые поэты Федор Тютчев и Степан Шевырев, историк и собиратель русских древностей Михаил Погодин, способный журналист и издатель Николай Полевой.

Каждое имя тут — заметная вехи в истории русской культуры. Не следует забывать, что все эти одаренные люди были молоды, объединены дружбой и сходными мнениями, не страшились препятствий и более всего опасались односторонности, узких путей и бескрылых стремлений. В этом высоком и благородном простодушии — сила и обаяние романтического любознания.

Владимир Одоевский был в этом уникальном культурном организме своего рода центром, верховным судьей и примирителем. Личное обаяние, незаурядный ум и познания, талант прозаика и полемиста привлекли к Одоевскому многих. Достаточно сказать, что среди его друзей был Грибоедов, заметивший в «Вестнике Европы» статьи юного любознателя и пожелавший познакомиться с автором. Александр Одоевский, этот блестящий корнет конной гвардии, декабрист, кузен Владимира, очень много значил в его судьбе. Одоевский писал: «Александр был эпохой в моей жизни». Порывистый и много знающий Вильгельм Кюхельбекер издавал вместе с Одоевским альманах «Мнемозина», сыгравший заметную роль в становлении русского философского романтизма. Друг Пушкина Дельвиг писал Кюхельбекеру об Одоевском: «Познакомь меня, как знаешь и можешь, с твоим товарищем. Литературно я знаю и люблю его. Уговори его и себя что-нибудь прислать в новый альманах «Северные цветы», мною издаваемый». Так началось сближение Одоевского с пушкинским кругом писателей, столь важное для его дальнейшей литературной судьбы.

Любознатель свою центральную дорогу усматривал в просветительстве, в постепенных культурных преобразованиях и тем отличался от деятельных умов декабризма. Тщетно Александр Одоевский и Вильгельм Кюхельбекер пытались приобщить Владимира к своему кругу идей, к деятельности тайного общества — юный философ предпочитал отвлеченные умствования и чистую науку: «Я нигде не езжу и почти никого к себе не пускаю: живу на Пресне в загородном доме, и весь круг физической моей деятельности ограничивается забором домашнего сада. Зато духовная горит и пылает».

Тем не менее после грозы 14 декабря, расколовшей русское общество и начавшей принципиально новую культурную эпоху, Владимир Одоевский был среди смельчаков, помогавших заключенным и ссыльным декабристам. Он хлопотал за своего кузена Александра и способствовал его переводу из Сибири на Кавказ, поддерживал в ссылке Вильгельма Кюхельбекера. Самому Одоевскому одно время угрожал арест, ибо известны были его тесные связи со многими участниками восстания.

Иные времена наступили для самого Одоевского и его друзей. Прежнее простодушие было уже невозможно в новых суровых условиях, и любознатель как-то сразу повзрослел и обратился к практической деятельности. Пришло своего рода «трезвение» романтической мысли — неизбежное следствие крушения юношеских иллюзий. «Время фантазии прошло; дорого заплатили мы ей за нашу к ней доверенность», — вспоминал Одоевский об этой поре разброда в стане любознателей.

После поражения декабристов многие духовные ценности мыслящего дворянства подверглись последовательному переосмыслению, начались мучительные поиски новой дороги и реального дела. И Одоевский при-

нимает несколько важных решений, существенно изменивших его жизнь. Как бы подводя черту под романтической эпохой первых радостей, он распускает Общество любомудрия и собственноручно сжигает в камине его архив. Далее последовали поступление на государственную службу, женитьба и переезд из либеральной Москвы в служилый Петербург. Вдохновенный юноша-философ вдруг преобразился в исполнительного чиновника, занимающегося на досуге сочинительством.

И все же именно 30-е годы — пора расцвета литературного таланта Владимира Одоевского. Творческая мысль молодого писателя, преодолевая препятствия, обрела собственную дорогу. За полтора десятилетия (с 1830 по 1844 год) были опубликованы основные его произведения. Но все это время Одоевский испытывает мучительные сомнения в действительности литературной профессии: слишком узок круг русской читающей публики, слишком слаб голос писателя, говорящего о вечных истинах: «...Есть нечто почтенное в наших литературных занятиях. Они требуют какого-то особенного героизма, ибо у нас можно просидеть несколько лет над книгой и напечатать ее в полной уверенности, что ее прочтут человек десять, из которых поймут только трое».

Собственную деятельность на поприще литературы Владимир Одоевский рассматривал именно как подготовительную, как приближение к будущей демократической культуре. В одной статье он писал: «Нет ни одной литературы интереснее русской... Она любопытна как приготовление к какой-то русской, до сих пор нам непонятной литературе, — непонятной тем более, что Россия юна, свежа, когда все вокруг ее устарело и одряхло». Причем Одоевскому ясно, что работа в литературной сфере взаимосвязана с параллельно идущей деятельностью в науке, промышленности и т. д., и потому русский писатель, считал он, никак не может быть только писателем-профессионалом: «В одной руке шпала, под другой — соха, за плечами портфель с гербовой бумагой, подмышкой книга — вот вам русский литератор».

Свою жизнь Одоевский с полным правом именует чернорабочей. В Петербурге писателя ожидали в высшей степени непотребные занятия: ему пришлось, например, наблюдать за изготовлением сомового клея и проверять действие усовершенствованных кухонных очагов. «Я теперь почти уже не литератор, а химик и механик», — жаловался Одоевский Шевыреву. И все же литературных занятий не оставил. Причем Одоевский способствовал развитию литературы не только как писатель, но и как юрист: он был одним из авторов цензурного устава 1828 года, влияние которого на развитие отечественной словесности, стесненной прежним «чугунным» уставом, было более благотворно. Перу Одоевского принадлежат и первые законы об авторском праве. И это далеко не полный перечень его занятий, он обладал поистине уникальными познаниями и огромной работоспособностью.

Над этим энциклопедизмом и многоликостью иногда посмеивались люди деловые, практические, но Одоевский спокойно шел своим единственным путем. «Это движение по разным путям, невозможное для тела, весьма возможно для духа», — пояснял он и указывал на гигантов Возрождения и в особенности на всеобъемлющий гений нашего Ломоносова: «Этот человек — мой идеал; он тип славянского всеобъемлющего духа, которому, может быть, суждено внести гармонию, потерявшуюся в западном ученом мире. Этот человек знал все, что знали в его веке: об истории, грамматике, химии, физике, металлургии, навигации, живописи, и пр., и пр., и в каждой сделал свое открытие, может, именно потому, что все обнимал своим духом».

В Петербурге вокруг Одоевского снова начали собираться любомудры, и вскоре в Третье отделение поступил очередной донос на молодых философов: «Образ мыслей их, речи и суждения отзываются самым явным карболизмом... Собираются они у князя Владимира Одоевского, который слышит между ними философов». Но любомудры были уже не те, и разговоры в их кружке велись теперь не о возвышенном философствовании, а о службе, издании журнала

«Московский вестник», где и Пушкин принимал участие. Эти радикальные перемены в мировоззрении любомудров описаны Одоевским в повести «Новый год», являющейся ценным документом для истории русского общественного сознания тех лет.

Новые времена требовали иных воззрений и связей. В Петербурге Одоевский оказался в центре культурной жизни. В эту пору начинается его дружба с Жуковским, Вяземским, Крыловым, Пушкиным. Писатель становится неслучайным участником «суббот» Жуковского, встречается с собратьями по литературному цеху у Дельвига и в оппозиционном салоне близкой к декабристам графини Лаваль. Этому оживленному творческому общению в немалой мере способствовало достаточно заметное положение Одоевского в светском обществе и при дворе. Светские приличия требовали от Одоевского соответствующего его титулу и положению образа жизни. Но, что гораздо важнее, этого же требовала и жена Одоевского княгиня Ольга Степановна, урожденная Ланская, женщина властная и честолюбивая. Княгиня желала царить в собственном великосветском салоне, а Одоевский жаждал постоянно видеться с друзьями — музыкантами и литераторами. Так родился знаменитый литературный салон, где вся русская литература, по меткому слову Шевырева, очутилась на диване у Одоевского.

В доме Одоевского в разные времена собирався цвет российской словесности. Михаил Погодин вспоминает: «Здесь сходились веселый Пушкин и отец Иакинф с китайскими, сузившимися глазами, толстый путешественник, тяжелый немец-барон Шиллинг, возвратившийся из Сибири, и живая, милостивая графиня Радопчина, Глинка и профессор химии Гесс, Лермонтов и неуклюжий, но многознающий археолог Сахаров. Крылов, Жуковский и Вяземский были постоянными посетителями. Здесь впервые явился на сцену большого света и Гоголь». Добавим, что гостеприимством и дружеской помощью Одоевского пользовались Кольцов, Достоевский, Белинский, поэты и критик Аполлон Григорьев. В позднейшие времена у Одоевского бывали Тютчев, Фет, Григорьев, Гончаров, Иван Тургенев, славянофилы и западники. Здесь играл знаменитый венгерский пианист и композитор Ференц Лист. Лев Толстой, работая над «Войной и миром», бывал у Одоевского постоянно и пользовался его советами и воспоминаниями жены и великосветских знакомых. И всех этих разно думающих людей умело объединял и примирял спокойный и благожелательный хозяин салона.

Салон Одоевского просуществовал до самой смерти хозяйки. Люди здесь менялись, менялся и сам писатель. В 40-е годы среди книжных завалов и папок с рукописями и нотами хозяин дома казался рассеянным чудачком и уединенным мечтателем, удалившимся от деятельной жизни. Светские приятели подшучивали над странностями автора «Русских ночей», но писатели знали Одоевского как доброжелательного ценителя с безукоризненным вкусом, и потому молодой Достоевский принес ему рукопись «Бедных людей»; Тургенев читал ему «Накануне»; бедствующий Аполлон Григорьев показывал ему критические статьи. Музыканты ценили в Одоевском дар отличного пианиста и критика, Глинка пользовался его советами во время работы над «Иваном Сусаниным», композиторы Даргомыжский и Серов были ему благодарны за поддержку и оценку их опер. Французу Гектору Берлиозу Одоевский открыл мир русской национальной музыки, и он же научил русскую публику ценить непривычное дарование немецкого композитора Рихарда Вагнера. Одоевский был не только живой энциклопедией, но и живой консерваторией, и имя его навсегда останется в истории отечественной музыки. Именно талант музыкального критика позволил писателю создать знаменитые повести о великих композиторах Бахе и Бетховене.

Литературные занятия в сфере интересов Владимира Одоевского играли особую роль: именно здесь его заветные мысли обретали плоть, сливались с героями, становились живыми и зримыми. Напряженные поиски собственной манеры в прозе очень быстро приводят Одоевского от юношеского увле-

чения дидактикой и аллегорией к подлинно художественному повествованию, к творческой зрелости и своеобразности, сразу отмеченной Пушкиным. В начале 30-х годов писатель находит свою дорогу в литературе, и, как показал его «Последний квартет Бетховена» (1830), это была дорога к главной книге — к «Русским ночам» (1844).

Но, как всегда, мысль у Одоевского разветвляется, проникает в разные сферы, осваивает неожиданные, новые для того времени темы. Темы эти рожают группы произведений, и потому Одоевского по праву считают мастером цикла повестей, где каждое произведение оттеняет и объясняет другие вещи и, в свою очередь, обретает новый смысл. Первым таким циклом были «Пестрые сказки» (1833).

Эта книга Одоевского неоднородна, ибо вместе со сказочными аллегориями в нее включены два произведения, которые никак не могут быть причислены к сказкам. Это «Сказка о том, по какому случаю коллежскому советнику Ивану Богдановичу Отношенью не удалось в светлое воскресенье поздравить своих начальников с праздником» и «Сказка о мертвом теле, неизвестно кому принадлежащем». Вопреки названиям это не сказки, не аллегория, а повести, в которых реальнейший русский быт выявлен и осужден с помощью шутилой, комической фантастики. Одоевский здесь обратился к изображению чиновничьей жизни и показал весь ее канцелярский идиотизм, механичность и пустоту, саркастически именуемые им «безмятежным счастьем».

Очевидно, что это сатира, и сатира социальная. Давно замечено и то, что эти повести Владимира Одоевского как бы предвещают в нашей прозе «Петербургские повести» Гоголя, и в особенности «Нос». Замечательный русский критик Аполлон Григорьев писал: «Еще до Гоголя глубокомысленный и уединенно замкнутый Одоевский поражаюсь явлениями миражной жизни — и иногда, как в «Насмешке мертвеца», — относился к ним с истинным поэтическим пафосом». И сам Одоевский с полным правом считал себя причастным к русской сатире, идущей от Кантемира к Гоголю, и говорил, что сатира — это «выражение нашего суда над самими собою, часто грустное, исполненное негодования, большею частью ироническое». Суда сатирика не избежало и высшее общество, чья бездуховность, жестокость и эгоизм бичуются Одоевским в «Бале», «Бригадире», «Насмешке мертвеца», «Княжне Мими».

Владимир Одоевский был романтиком, но он творил в молодой, стремительно развивавшейся литературе, рядом с такими мастерами реалистического письма, как Пушкин и Гоголь. Сама эпоха требовала художественного освоения непрерывно изменявшейся российской действительности, и потому Одоевский создает высокие образцы реалистического повествования.

Своими литературными успехами Одоевский в немалой мере был обязан постоянному творческому общению с Пушкиным, заметившим молодого писателя еще в пору издания журнала «Московский вестник» и затем привлечшим его к сотрудничеству в «Современнике». Советы Пушкина, пример его собственной прозы, и прежде всего «Повестей Белкина», «Капитанской дочки» и «Арапа Петра Великого», помогли Одоевскому найти свою манеру повествования. «Форма — дело второстепенное; она изменилась у меня по упреку Пушкина о том, что в моих прежних произведениях слишком видна моя личность; я стараюсь быть более пластическим — вот и все», — писал Одоевский в 1844 году, отвечая своим критикам.

С классической русской прозой пушкинской школы мы встречаемся и в главной книге Владимира Одоевского — «Русских ночах». Судьба этой книги была особенно трудной: при своем появлении «Русские ночи» были встречены недоуменными рецензиями. Критика 40-х годов, обнаружив в этой «странной» (Белинский) книге весьма серьезный, доказательный и нелицеприятный спор со многими своими любимыми идеями, единодушно признала ее несвоевременной и несвоевременной. Лишь из Сибири прозвучал одобряющий голос старого друга Вильгельма Кюхельбекера: «Книга Одоевского «Русские ночи» — одна из умнейших книг на русском языке... Сколько поднимает

он вопросов! Конечно, ни один почти не разрешен, но спасибо и за то, что они подняты — и в русской книге!» И затем для «Русских ночей» настала пора забвения.

Между тем «Русские ночи» — своеобразный памятник тому времени, ценнейший документ, последнее слово, сказанное целой эпохой русской жизни о самой себе. Без этой книги неполным будет наше представление о времени, когда возникали, оформлялись многие жизненно важные для развития нашей культуры мысли и проблемы. «Эта эпоха имела свое значение; кипели тысячи вопросов, сомнений, догадок — которые снова, но с большею определенностью возбудились в настоящее время; вопросы чисто философские, экономические, житейские, народные, ныне нас занимающие, занимали людей и тогда, и много, много выговоренного ныне, и прямо, и вкось, даже недавний славянофильзм — все это уже шевелилось в ту эпоху, как развивающийся зародыш», — писал позднее Одоевский о 20–30-х годах прошлого века.

Глубина философской мысли Одоевского отнюдь не превращает «Русские ночи» в скучную ученую книгу. Пластичной, четкой, скупой на словесные украшения и фигуры прозой написаны повести, составившие основу книги и воплотившие в историко-символических лицах своих персонажей мысли автора о судьбах людей и цивилизации.

В основе «Русских ночей» — мысль о неполноте современной Одоевскому жизни и о необходимости ее постоянного совершенствования, гармонизации. Писатель делает героями повестей самых разных людей — от Баха и Бетховена до несчастного импровизатора Киприано. И у всех персонажей одна черта: неполнота жизни, дисгармоничность развития. На нескольких страницах Одоевский сумел показать трагедию Бетховена, не могущего более выражать свои колоссальные замыслы на языке музыки. «Себастьян Бах» — печальное повествование о трудной судьбе гения, знавшего только одно высокое искусство и постепенно превратившегося в «церковный орган, возведенный на степень человека».

Повести «Русских ночей» о замечательных музыкантах и художниках и сегодня поражают глубиной проникновения в духовный мир этих изнемогающих в борьбе с собственным гением людей. Тут Одоевскому пригодились и знания и талант музыковеда, и немалый опыт сочинения и исполнения музыки, и постоянный интерес к тайнам человеческой души. В его черновиках сохранилась любопытная запись: «Была минута, когда Шекспир был Макбетом, Гете — Мефистофелем, Пушкин — Пугачевым, Гоголь — Тарасом Бульбою; из этого не следует, что они такими и остались; но чтобы сделать живыми своих героев, поэты должны были отыскивать их чувства, их мысли, даже их движения, их поступки в самих себе». И этот дар понимания, проникновения в сложнейший характер, духовное родство со своими героями позволили Одоевскому создать своего рода «биографии талантов» (Белинский), интереснейшие портреты мятежников, ищущих художников.

Для понимания мира идей главной книги Одоевского чрезвычайно важно одно знаменательное событие его жизни. Накануне выхода «Русских ночей» Одоевский отправился в Германию и посетил там человека, о котором так много писал в своей книге. В июле 1842 года Одоевский встретился в Берлине со знаменитым немецким философом Фридрихом Шеллингом. Разговор был долог, собеседники встречались дважды, и Одоевский тщательно записал эту беседу. Центральная фраза беседы была высказана Шеллингом неожиданно: «Чуждое дело ваша Россия», — говорил он, — нельзя определить, на что она назначена и куда идет она, но она к чему-то важному назначена». Эта мысль немецкого философа совпала с центральной идеей уже написанного к тому времени эпизода «Русских ночей», где говорилось, что будущее Европы связано с развитием России. Шеллинг поддержал эту идею, и для Одоевского чрезвычайно важна была эта поддержка.

Вместе с тем встреча Одоевского с Шеллингом была прощанием со многими идеями романтической молодости, точно так же, как «Русские ночи» были расставанием

с эпохой шеллингианского любомудрия. Одоевский очень хорошо видел, что учение Шеллинга теряло свое влияние: молодежь тяготела к последователям Гегеля. В немецком обществе стремительно рождались новые силы и идеи, влиявшие и на развитие русского общественного сознания. Видно было, что гегельянство неотвратимо вело к материализму. Одоевский не был сторонником Гегеля, но он понял силу этих идей. Возвращаясь после встречи с Шеллингом в Россию, он вез с собою брошюру молодого Фридриха Энгельса «Шеллинг и откровение» — блестящий памфлет, направленный против реакционного учения позднего Шеллинга. В 1843 году сокращенный перевод брошюры, сделанный писателем В. Боткиным, появился в редактируемом Одоевским журнале «Отечественные записки».

Собрание сочинений 1844 года, первый том которого составили «Русские ночи», стало вершиной писательского пути В. Ф. Одоевского. Вокруг рождалась новая литература, и молодые литераторы 40-х годов начинали смотреть на Одоевского как на писателя пушкинской эпохи, пережившего свое время. Писательская судьба Одоевского действительно была связана с пушкинской эпохой, и об этом очень хорошо сказал в 1845 году Кюхельбекер в письме к автору «Русских ночей»: «Ты, напротив, наш: тебе и Грибоедов, и Пушкин, и я завещали все наше лучшее; ты перед потомством и отечеством представитель нашего времени, нашего бескорыстного стремления к художественной красоте и к истине безусловной. Будь счастливее нас». И Одоевский всю жизнь оставался верным идеалам пушкинской эпохи, что неизменно вызывало уважение людей самых разных поколений и взглядов. Он был признанным литературным авторитетом, а собрание сочинений 1844 года еще раз подтвердило, что Владимир Одоевский — один из лучших русских прозаиков.

Именно поэтому уход Одоевского из литературы, происшедший вскоре после появления собрания его сочинений, многими был воспринят как неожиданный и ничем не оправданный. Между тем к этому решению Одоевский пришел после многолетних размышлений над судьбой писателя в России. О 40—50-х годах он говорил: «Время это вовсе не литературно, а более ростбифно». В начале 60-х годов в письме композитору В. Кашшину Одоевский заметил: «В России еще нет ни отдельного пространства, ни отдельного времени для искусств». Конкретное дело, практические начинания становятся для Одоевского центральной задачей. И потому он упорно именовать себя не литератором, а химиком и механиком.

Столь резкий поворот в жизни писателя привел его к еще большему сближению с Белинским, многие статьи которого смогли преодолеть цензурные заслоны лишь с помощью соредатора «Отечественных записок» Одоевского, использовавшего свои связи и влияние. Назревал решительный разрыв Одоевского со славянофилами, среди которых было много его старых друзей, и прежде всего Иван Киреевский и Хомяков. «Одоевский совершенно рехнулся, с ним просто говорить нельзя, готовит исповедь своих убеждений, разумеется, против нас, и напечатает ее в сборнике Белинского», — свидетельствовал славянофил А. Н. Попов. Чрезвычайно интересна переписка Одоевского с Хомяковым, где писатель упрекал славянофилов в хронической лени и «лежебоковстве» (злое словечко, сказанное об Иване Киреевском другом Одоевского Соболевским). В бумагах Одоевского сохранилась блестящая сравнительная характеристика западников и славянофилов: «Беспокойные петербургские деятели находятся в таком же отношении к квиетизму, проповедуемому славянофилами, — как положение путешественника, измученного и усталого от дороги, к положению человека, который может отдыхать сколько ему угодно — сидя в тюрьме». Интересно, что раньше те же упреки были высказаны Одоевским по поводу пессимистического письма Чаадаева, с которым писатель вступил в спор в эпизод «Русских ночей».

В 1846 году в знаменитом «Петербургском сборнике» Некрасова появилась повесть Одоевского «Мартингал», его последнее заметное литературное выступление. В этом

же году писатель становится директором Румянцевского музея (на его основе создана Государственная библиотека имени В. И. Ленина) и заместителем директора императорской Публичной библиотеки (ныне Государственная публичная библиотека имени М. Е. Салтыкова-Щедрина). Так четко обозначилась граница между литературной деятельностью и службой. Одоевский много сделал для расширения и улучшения работы этих крупнейших отечественных книгохранилищ. После его смерти сюда поступили его обширный и по сей день недостаточно изученный и разобранный архив и собрание редких книг, рукописей и старинных нот.

Верный своей идее практического служения отечественной культуре, Одоевский все силы отдавал теперь работе на новом поприще. Конечно, ежедневная канцелярщина, вечная забота о средствах для музея и библиотеки были изматывающим трудом. Свои страдания благомеренного чиновника Одоевский описал в незавершенной мистери «Сегелиель. Дон Кихот XIX столетия. Сказка для старых детей», где глубокий ум честного чиновника теряется в лабиринте мышиных ходов канцелярской сметки и мелких обманов.

Внешняя жизнь Одоевского казалась скудной и монотонной. В ней не происходило ничего яркого, бросающегося в глаза стороннему наблюдателю. Затянутый в вицмундир чиновник аккуратно являлся на службу, исполнял свои обязанности. Столь же аккуратно отпусались Одоевскому анненские и владимирские кресты, чины и придворные звания. Он стал камергером, а затем и гофмейстером двора, действительным статским советником (от чина тайного советника писатель отказался, удивив этим сановных бюрократов). Это была обычная карьера светского человека, немногим отличавшаяся от карьеры князя Петра Вяземского, Федора Тютчева и других друзей Одоевского.

Между тем внутренняя, духовная биография Одоевского 40—60-х годов поразительно ярка и богата. «Русские ночи» потрясли многих читателей уникальностью познаний. Углубляясь в малоисследованные области науки и искусства, Одоевский непрерывно расширял круг своих исканий и интересов. Уроки химии у академика Гесса, опыты с электричеством, идея управляемого аэростата — все это серьезно занимало его.

Насколько далеко смотрел Одоевский, свидетельствует его незавершенный научно-фантастический роман «4338 год», где люди будущего не только освоили Луну и летают на управляемых электрических аэростатах, но и проезжают под землей и морями в электровазах, вырабатывают урожай при свете искусственного электрического солнца и т. д.

Мысли о будущем соединялись у Одоевского с размышлениями о настоящем, о судьбе русской науки, о распространении знаний в народной среде.

Велик вклад Одоевского в новое тогда дело популяризации науки для народа: он написал несколько учебников и издавал сборники для крестьян «Сельское чтение», вышедшие несколькими изданиями и содержащие сведения из разных областей знания. Одоевский был одним из организаторов Общества посещения бедных, занимавшегося устройством детских приютов, школ и больниц. С работой общества связано было его увлечение педагогикой и детской литературой. Одоевскому и его соратникам удалось помочь многим сотням униженных и оскорбленных. И все же он понимал всю ограниченность своей филантропической деятельности, ибо, по его словам, «крепостная барщина лежала как чурбан между самыми благими намерениями и действительностью».

Социальная дисгармония русской жизни заставляла Одоевского задумываться о ближайшем будущем, которое угрожало России великими потрясениями. Крымская катастрофа 1855 года вызвала гнев писателя: «Ложь, многогласие и взятки — вот те три пиявицы, которые сосут Россию; взятки и воровство покрываются этой ложью, а ложь многословием». Одоевский отлично разбирался в технике и знал, что избежать взрыва паровой машины можно, открыв предохранительный клапан. Такой клапан писа-

тель стремился отыскать в разладившейся машине русского общества. Он взвесил все возможности и сделал вывод: единственным спасением от общественных потрясений для России является освобождение крестьян.

И потому в 50—60-е годы Владимир Одоевский становится активнейшим сторонником освобождения крестьян и других либеральных реформ, что, естественно, вызвало ярость в лагере крепостников, не ожидавших такого свободолюбия от князя Рюрикова рода. Тем не менее Одоевский принял участие в разработке проектов крестьянской и судебной реформ и не раз открыто выступал против реакционеров со статьями и блестящими памфлетами. Когда крепостное право было отменено, писатель приветствовал освобождение крестьян и с тех пор каждый год отмечал день 19 февраля как национальный праздник: «Этим днем заканчивается древняя история России и начинается новая».

В 1862 году Одоевский был назначен сенатором и переехал в Москву. Поселился он в доме князя Волконского на Смоленском бульваре, где разместил свою библиотеку и музыкальные инструменты. Вскоре здесь начались привычные литературно-музыкальные собрания, и салон Одоевского как бы обрел вторую жизнь в более радужной, душевной и нечиновной атмосфере московского гостеприимства. Одоевский по-прежнему интересовался старинной русской музыкой и иконописью, и потому в его собраниях рядом с графом Львом Толстым оказывался вдруг бородастый раскольник, знаток северных икон и древнего пения «по крюкам». Продолжались и занятия в библиотеке. Посетитель салона Одоевского свидетельствовал: «В большой библиотеке его, с редкими сочинениями, едва ли был один том без его отметки карандашом».

Однако многолетние труды не принесли Одоевскому богатства, и жизнь его была настолько скромна, что британский посол лорд Непир поразился скудости существования русского князя и воскликнул: «Не таким бы он был у нас в Лондоне!» Но Одоевский никогда не стремился к материальному благополучию. Зато бодрость и сила духа, ясность мысли были им сохранены до конца. Князь Голицын, видевший писателя в последние годы его жизни, вспоминал: «Одоевский был небольшого роста, худощавый, с очень тонкими чертами лица, чрезвычайно подвижный и веселый. Статьи же подвижны, энергичны были и его статьи тех лет, и в особенности знаменитая статья «Недовольно», порицавшая пессимизм и звавшая русских деятелей к активной работе».

Статьи по педагогике, написанные им детские книжки, участие в основании Русского музыкального общества и Московской консерватории, деятельная дружба с А. Островским, А. Серовым и П. Чайковским, статьи и брошюры о музыке, заседания Общества любителей российской словесности и московского артистического кружка, слушание дел в сенате, беседы с композиторами Рихардом Вагнером и Гектором Берлиозом, изучение русских древностей в хранилищах подмосковных монастырей и сотни иных дел — вот чем были заняты последние десятилетия жизни Владимира Федоровича Одоевского. В одном его письме к историку М. Погодину есть очень точная характеристика собственной деятельности: «Во вкусах мы сходны — ты любишь старое, и я люблю старое, только всегда обновляющееся, и следовательно, не-старееющее».

Одоевского часто называли русским Фаустом, и сам он, соглашаясь с этим, так объяснял свое понимание этого образа: «Говорят, что Гете в «Фаусте» изобразил страдание человека всезнающего, постигнувшего все силы природы. Но знание природы, которое, сказать мимоходом, никогда не может достигнуть крайних пределов, никогда не производит чувства страдания; грусть лишь о том, что пределы не достигнуты». И его собственная жизнь ученого и писателя — интереснейший пример вечного стремления самобытного ума к знанию. Исследования и публикации последних лет постепенно извлекают из забвения мысли и творения Владимира Одоевского, талантливого писателя и философа, выдающегося деятеля отечественной культуры.

Анатолий СМЕРНОВ

Я красоту ищу в обыкновенном:
В лучах рассвета на речной воде,
В движении теней попеременном,
В полях и вешней первой борозде.
Я вижу вечность в тропке муравьиной,
В гуденье пчел над венчиком цветов,
И в трубных звуках стаи журавлиной,
И в голубой метели васильков.
Есть грация в движениях оленя,
Идущего с подругою своей,
В душе моей рождает удивленья
Шуршание качнувшихся ветвей.
Есть красота и мощь в рыке ракеты,
В мерцаниях космических огней,
В багровых вспышках яростного света
И в грохоте летящих кораблей.
Ищите красоту в обыкновенном.
Есть вечное в улыбке матерей,
И в танце балерины вдохновенном,
И в первом шаге наших сыновей,
В лучах заката и в рассветной сини,
В необозримой широте степей...
Есть красота былинная — в России
С душой таинственной ее людей.

О Русь! Люблю твой рокот океана,
Твои моря и реки, родники,
Твоих седых и славных ветеранов,
В бой водивших в 20 лет полки.
И только чужестранцы удивлялись,
Как не склоняла головы в бою,
Как витязи российские сражались
За честь, свободу и за жизнь твою.
И вот опять запахла степь хлебами,
И пчелы мед опять берут с цветов,
И запах твой — за синими холмами —
Мне дорог дымом от родных костров.

У памятника воинам-амурцам

Угасли сполохи заката.
У рубежей родной земли
Вставали в памяти солдаты,
Что за Россию погибли.
Пахнуло кровью и полынью,
Слезами старых матерей,
И новой русскою бытиной
Звучала доблесть сыновей.
Бессмертной памятью нетленной
Здесь Приамурье чтит сынов,
Горит, горит огонь священный
Багровым отблеском боев.
Я думал о родной России,
О будущем и о былом,
А над ветлою в воздух синий
Врезалась ласточка крылом.

В таежном лесу

Блестит янтarem облепиха
В дремучем таежном лесу,
И ветер задумчиво-тихий
Качает большую сосну.
Белеют снега на вершине,
Светлеет в глуши от берез,
Поток исчезает в пучине,
И скоро ударит мороз.

Ночь. Волнуют душу звуки,
Тихий шорох камышей,
И, раскинув стебли-руки,
Сладко пьет росу репей.
Брежут зори на Кубани,
А вокруг блестят поля,
Мягко плавают в тумане
В белом пухе тополя.
Тихо ветер пролетает
По низинам луговым,
И гудит, не умолкает
Лес набатом вековым.

Глава XIII ОЧНАЯ СТАВКА

Мы завтракаем с Donovanом в сенатском клубе — здесь опять, как обычно в эти дни предвыборной шумихи на митингах и в газетах, тихо и пусто.

— Что-то ты не слишком разговорчив сегодня, Билль, — говорю я, наши отношения уже позволяют нам называть друг друга по имени и на «ты». — Предвыборные дела?

— Предвыборные дела, — задумчиво повторяет Donovan. — Да нет, тут все нормально. Мы, кажется, имеем шансы получить еще три дополнительных места в сенате. Деа от Ойлера и одно от Майн-сити. Восемь вместо пяти — не идеал, конечно, но не так уж плохо для начала.

К столу подсаживается Бойль.

— Не прогоните?

— Наоборот, мистер Бойль, — поднимается Donovan. — Вы составите компанию мсье Ано. А у меня дела — спешу.

— Трудный господин, — говорит Бойль.

— Вы тоже не легкий, — парирую я. Мы оба смеемся.

— Кстати, Пасква уже арестован, — добавляет Бойль. — Завтра утром будет доставлен сюда из Вудвилля в арестантском вагоне. Приглашаю вас на очную ставку и прошу известить об этом мистера Мартина.

— Быстро работаете, Бойль.

— Профессия.

Оживленное утро в Городе начинается в шесть часов, когда в Москве еще только просыпаются или делают зарядку, а в девять здесь уже полдень. К этому времени мы и прибываем с Мартином в Главное полицейское управление.

Паскву вводят в ножных кандалах и наручниках. Он в заштопанной арестантской рубашке. Борода всклокочена, глаза злые и независимые. Он явно на что-то надеется.

— Вы узнаете этих людей. Чек Пасква? — спрашивает следователь. Он строг, суховат, чисто выбрит и, должно быть, педантичен до мелочей.

Пасква не отвечает.

— Вы слышали мой вопрос, Пасква?

— Я не Пасква.

— Вы называете себя Бремсом, но вы лжете. По фотографиям и отпечаткам пальцев мы опознали вас как уже судившегося за разбой, приговоренного к каторжным работам и три раза бежавшего Чека Паскву.

Следователь вынимает из папки полицейскую учетную карточку с фотоснимком.

— Вы?

Пасква и тут не смущен. Наверно, его не тревожит ни продолжение каторжных работ за прежние разбойные дела, ни обвинение в новом преступлении. Он даже удивляется.

— Ну, я. Пасква так Пасква. У меня имен много. Какое-нибудь мог и забыть.

— Вы узнаете этих людей. Чек Пасква? — повторяет свой вопрос следователь.

Пасква окидывает нас равнодушным взглядом.

— Нет, — говорит он, — чужаки.

— А вы узнаете его, джентльмены? — спрашивает нас следователь.

— Узнаем, — отвечаем мы одновременно.

А я добавляю:

— Это убийца в ресторане «Аполло». Он был в маске, но мы сразу же узнали его, потому что черный платок, повязанный у него под глазами, сполз набок.

— Вы видели его раньше?

— Да, — говорю я, а Мартин уточняет все наши встречи.

— Вопрос о шантаже, если это потребует, будет разбирать другое следствие, — говорит следователь. — мы же разбираем дело об убийствах в «Аполло».

Пасква, должно быть, ожидая, что мы напомним ему и встречи на пароходе и в лесной хижине, где на руке у него болталась повязка из потертого галуна, явно доволен. Очевидно, он понял, что мы не собираемся уточнять его связи с Мердоком. И то, что, рассказывая о перестрелке в Сильвервилле, я не упомянул о Мердоке, он, конечно, тоже заметил.

— Вот этого парня, — говорит он, поглядывая на меня, — я вспоминаю как будто. Был такой pistolетный шумок в Сильвервилле. Но то, что он узнал меня в ресторане «Аполло», — брехня. Не был я в этом трактирчике. Играл в этот вечер с приятелями.

— С кем? — спрашивает следователь.

— С Эндом Химом и Лансее по кличке «Меченый». В покер играли у него до утра. Допросите обоих — подтвердят.

— Допросим. Но оба ваших свидетеля — бывшие уголовники. У каждого не меньше трех лет тюрьмы. Ненадежные алиби, Пасква.

— Вот я и отвечаю. В «Аполло» не был. Никого не убивал. Все.

Паскву уводят.

— Липовые свидетели. И алиби липовое, — говорит Бойль.

— Надо это еще доказать, — сомневаюсь я.

— Присяжные могут и не учесть прошлого свидетелей Пасквы, — со вздохом говорит следователь. — А в настоящем против них у нас ничего нет.

— Я предполагал это, — рассуждает Бойль. — Но для присяжных наши свидетели надежнее. — Он делает кивок в нашу с Мартином сторону. — И у адвокатов Пасквы ничего не найдется, чтобы их как-то и в чем-то скомпрометировать. Так что будем надеяться, джентльмены.

— Паскву собираются защищать адвокатская контора «Бернс и Гардье», — как бы вскользь замечает следователь, — крупно берущая фирма.

Бойль хитро подмигивает мне, и я сразу же понимаю, на кого работает эта фирма. Значит, впереди еще одна схватка с Мердоком. Но состоится ли она? Не знаю. Если удастся мой

«серебряный вариант» и Уэнделл нажмет на Бойля, никакого суда не будет. Паскву ликвидируют свои же по приказу Мердока.

Об этом же я и повторяю Мартину на обратном пути в отель.

— Если я вовремя сообщу ему, что Пасква освобожден без всяких на то оснований, Мердок непременно свяжет это с полицейским налетом на его лесную «берлогу».

— Ну, а если Мердок раскусит твою игру?

— Трудно. Слишком хорошо она закодирована.

А хорошо ли? Все ли я предусмотрел и рассчитал, как шахматист в приближающемся к финалу турнире? Не так уж важно, проиграем мы или выиграем. А вот все ли мы познали, чтобы позвавший нас Разум отпустил бы нас домой на Землю? Ведь сейчас модели, созданной им, фактически уже нет, возникло предоставленное самому себе человеческое общество, сменились поколения, определились экономические формации и сложился определенный характер всего общественного строя, образ мышления и поведения людей, в котором, как и на Земле, общественное бытие определяло бы общественное сознание. Может быть, что-то еще не познано и непонято и нужны еще какие-то дни и месяцы, чтобы невидимый и неведомый нам Разум через интеллектуальное восприятие всего здесь происходящего смог постичь процесс

Александр АБРАМОВ,
Сергей АБРАМОВ.

ФАНТАСТИЧЕСКИЙ
РОМАН

ВРЕМЯ ПРОТ

развития человеческого общества, законы этого развития, его идеологические наслоения.

Я не делюсь с Мартином мыслями, и он своими тоже не делится. Но молчание следует оборвать — мы уже вернулись в «Омон», да и слишком уж оно затянулось.

— Начнем, — говорю я, — делать то, что задумали.

— Письмо Бойлю?

— Да.

— Предлагаю решение, — говорит Мартин, — не вырезать никаких слов из газет. Просто я напишу левой рукой. Умею писать обоими.

— А почерки схожи?

— В том-то и дело, что нет. Даже специалисты-графологи удивлялись.

— Тогда пиши: «Уважаемый сенатор Стил...»

— Почему Стил?

— Вопросы потом. Пиши: «...из заслуживающих доверия источников мне стало известно, что украденное с парохода «Гекльберри Финн» серебро в слитках до сих пор находится в целостности и сохранности. Спрятано оно в лесной хижине километрах в пятидесяти по лесной дороге от Вудвилля на юго-запад к Реке. Свернуть надо на немощный проселок на сорок втором километре у полусожженного молнией старого дуба. Хижина отсюда километрах в десяти или около этого. Окружена высоким бревенчатым забором и почти необитаема. Все окрестные поселения далеко, и о хижине этой почти никому не известно. Не известно, и кому она принадлежит, для чего построена и кто в ней живет. Но похищенное серебро находится именно там, в подвале. Люк в подвал с большим железным кольцом в первой же комнате. Слитки сложены в тех же ящиках, в которых их перевозили на пароходе. Обращаюсь к вам, сенатор, как старый и постоянный ваш избиратель, и надеюсь, что вы немедленно известите об этом полицию, а почему не делая этого я, вы легко поймете. В полиции много разных людей, и я не уверен, что мое письмо, адресованное даже самому комиссару Бойлю, обязательно дойдет до него, а не будет до этого вскрыто или украдено. Вы же можете передать его, как говорят, из рук в руки. Друг».

Мартин передает мне написанное.

— Передашь Стил?

— А зачем беспокоить уже отрешившегося от политических интриг старика? Сам отдам письмо Бойлю.

Глава XIV МАТ В ДВА ХОДА

Сижу в приемной у Бойля. Он уже знает о моем приходе и просит чуть-чуть подождать. Это «чуть-чуть» длится больше сорока минут, но я не обижаюсь. У меня есть время окончательно мысленно отредактировать мой рассказ о вручаемом письме. Почему я не отдал его по адресу и действую без ведома Стила? Но письмо все равно попадет к Бойлю, а тот может найти серебро и не говоря никому о том, как оно было найдено. Мне это выгодно: Бойль еще выше поднимает свою репутацию, а я приобретаю полезного союзника — ведь в теневом кабинете Уэнделла Бойлю углована важная роль.

— Понимаю, что ваш визит не случаен, мсье Ано. Итак, что произошло? — встречает меня он.

Вместо ответа я передаю ему драгоценный листок. С

каменным лицом он пробегает его, потом, не подымая головы, прочитывает еще раз и, не улыбувшись, спрашивает:

— Это не фальшивка, мсье Ано?

— Не знаю. Я вскрываю все письма сенатору. Но именно это счел нужным показать вам.

Появляется адъютант.

— Инспекторы Жиро, Марси, Чира и Генделя ко мне немедленно.

— Слушаюсь, мой комиссар, — кланяется адъютант и бесшумно скрывается за дверью.

Я молча жду. Минуты две-три спустя в кабинете появляются четыре разномастных инспектора в форме и выстраиваются в двух метрах от стола.

— Генделя нет, — говорит крайний справа. — Я вместо него.

— Хорошо. Крош, — отвечает Бойль. — Вы справитесь. Но ответственным за операцию будет Жиро. Итак, слушайте. Шоссе из Вудвилля на запад по Реке вам известно?

— Да, мой комиссар, — отвечает инспектор.

— На сорок втором километре по шоссе есть поворот на лесной проселок. Где-то у сожженного молнией дуба. Кто-нибудь видел его?

— Да, мой комиссар.

— Тогда все четверо возьмите по десять полицейских

каждый и три грузовые машины. Найдите километрах в десяти от поворота лесную хижину, окруженную высоким бревенчатым забором. Разделитесь на четыре отряда и окружите ее. Если встретите сопротивление, подавите его. В первой же комнате в хижине есть люк в подвал, вероятно, замаскированный. Откройте его, спуститесь вниз. Там должны быть ящики со слитками серебра, похищенные с «Гекльберри Финна». Должны быть, но это еще не значит, что вы их сразу найдете. Они могут быть и замаскированы, а могут быть и вывезены. Тогда ищите следы: перевозка двух тонн серебра не может остаться бесследной. Найдете слитки — грузите их на полуприцеп и везите под охраной сюда, в казначейство. Все, кроме Жиро, после доставки серебра могут возвращаться в Управление. Жиро остается в казначействе до тех пор, пока ящики со слитками не будут проверены и зарегистрированы. Все ясно?

— Да, — хором ответила четверка инспекторов.

— Тогда действуйте, — кивнул Бойль, а когда четверка покинула кабинет, он по-прежнему без улыбки, с тем же каменным лицом спросил у меня, как выстрелил:

— Стил знает?

— Нет, — говорю я, — только вы и я. И нет нужды кому-либо знать о письме независимо от того, есть ли серебро в хижине или нет. Если нет, то это станет смешным анекдотом, в который не стоит влупывать ни вас, ни меня, ни сенатора. Если же серебро будет найдено, вы можете информировать об этом сенат и прессу, не упоминая о письме.

— А Уэнделл? Глава партии имеет право знать о подробностях.

— Вы о них и расскажите. Как искали и как нашли. А Уэнделл оценит ваши усилия.

— Но не ваши. На что же рассчитываете вы?

— На вашу любезность. Она когда-нибудь мне понадобится.

С этими словами мы расстаемся. Пока подождем. Будем надеяться, что наш «серебряный вариант» не был ошибкой. Я тогда еще не знал, что серебро найдут в тот же день к ночи, что найдут его именно там, где предполагал Мартин, что ни один из ящиков не был выброшен на рынок и охранявшие их четверо «пistolетников» сдались полицейским без выстрела. Мало того, они назвали своего главаря и номинального хозяина хижины. Чек Пасква! Все сошлось. Но Бойль, впоследствии рассказавший мне все, не упомянул имени Пасквы в своем интервью газетчикам. Это было тоже согласовано с главой партии.

Я прочел это интервью в «Сити-ньюз». В других газетах оно излагалось почти так же, без дополнительных подробностей. Корреспонденты спрашивали, Бойль отвечал.

— Вы уверены, что это то самое серебро?

— Конечно. В Городском банке проверили число слитков и общий их вес. Все сходится. Вызванный представитель сильвервилльского казначейства также опознал слитки и ящики. Именно их и загрузили тогда в трюм «Гекльберри Финна».

— И вывезли в эту хижину?

— Несомненно.

— Где находится хижина?

— В нескольких десятках километров от Вудвилля в глубине юго-западных прибрежных лесов. Взгляните на карту. Лесная хижина помечена крестиком.

— Кому же она принадлежит?

— Пока еще выясняем. Она необитаема.

Продолжение. Начало в №№ 19—21.

Рисунок
Геннадия
НОВОЖИЛОВА.

В ВРЕМЕНИ

— А что говорят окрестные фермеры?
— Ничего. Они даже не забирались в эту лесную глушь.
— Но кто-нибудь знал о ней?
— Охотники. Один из них даже стучался в ворота, хотел переночевать, но никто ему не ответил. А преодолеть высокий бревенчатый забор он не решился.
— Кто он? Назовите имя и адрес.
— Пока не могу. Следствие еще не закончено.
— Но почему вы догадались, что серебро находится именно там?
— Мы искали долго, проверили все каналы в Ойле, Сильвервилле, Вудвилле, прибрежных фермерских и рыбацких поселках, перерыли все городское «дно». Допросили сотни людей и в конце концов вышли на эту догадку.
— Значит, предстоит найти еще и виновников кражи?
— Сейчас этим и занимаемся. А главное уже сделано. Серебро найдено все целиком.
— Общественность это оценит, мистер Бойль.
— Благодарю вас, джентльмены.
О том, почему Бойль умолчал о четырех «пистолетниках» и об их, несомненно, уже выданном главаре, я узнал накануне вечером, когда меня вызвал к себе Уэнделл.
Я спустился к портье и услышал в трубке короткое, решительное и даже суровое требование:
— Приезжайте ко мне, Ано. Вы здесь нужны. Немедленно, и никаких отговорок. Экипаж за вами уже послан. Жду.
Я выехал. Уэнделл жил в довольно курьезной ампирной вилле, к дверям которой надо было пройти через сад мимо окон хозяйского кабинета. Они были открыты. И сквозь тюлевые прозрачные занавески я узнал лысых затылок Бойля, сидевшего в кресле спиной к окну. Все стало ясно. Серебро было найдено, и Бойль докладывал об этом Уэнделлу. А зачем же понадобился я? Или Бойль струсил, или Уэнделл счел нужным сдержать слово о Паскве в моем присутствии.
Я угадал.
— Садитесь, Ано. Серебро найдено, и не без ваших усилий, — сказал Уэнделл. Я при этом взглянул на Бойля, но тут же отвел глаза, а Уэнделл усмехнулся и продолжал: — Я одобряю и понимаю ваше самоисключение из дела. Это, должно быть, вполне согласуется с вашими планами. Но дело несколько осложняется. Хижина, оказывается, принадлежит... — Он не закончил и повернулся к полицейскому комиссару: — Расскажите вы сами, Бойль.
— Хижину, а вернее, виллу эту, принадлежавшую Вудвилльскому охотничьему обществу, купил через комиссионную контору «Гопкинс и сын» некий Чек Пасква за тридцать тысяч франков, — монотонно начал Бойль. — Купил незадолго до похищения серебра с парохода и, видимо, с расчетом на это похищение. Более надежное место для хранения слитков трудно найти. Но откуда у бродяги с большой дороги такие деньги? Сначала он вообще отрицал эту покупку, но справкой из конторы «Гопкинс и сын» мы приперли его к стенке. Сознался. А деньги, мол, выиграл в карты в каком-то игорном доме, точно не помнит. Но дома, где играют крупно, мы уже проверили — Паскву не знают. Мелкие заведения вроде «Аполло» в счет не идут — там вообще не играют крупно. Значит, Пасква только расписался в договоре, а деньги внес кто-то другой.
— Кто, мы догадываемся, — сказал Уэнделл.
— Но у нас нет доказательств. Кассира комиссионной

конторы мы еще не допрашивали, а Пасква не назвал ни одного имени.
— А как он объясняет спрятанные в подвале две тонны серебра в ящиках? — спросил я.

— Никак. Признался, что купил домик, но в него не переехал. Дела. О серебре понятия не имеет. Знал бы, что оно в подвале, давно бы вывез. А «пистолетники» на очной ставке, только увидев Паскву, сразу же отказались признать в нем своего главаря. Был, мол, главарь, называл себя Пасквой, нанял их для охраны лесного домика, только человек, которого они видят в комнате, совсем не тот, кто нанимал их и платил за жилье в лесной чаще. Никаких других признаний следствие из них пока не выжало, но есть все основания думать, что они были наняты не только для охраны спрятанных в подвале слитков, но и непосредственно участвовали в нилете на пароход. Старые уголовники, полиции давно известные. Расколоть их, я полагаю, будет нетрудно. Нетрудно и отпустить Паскву, как предлагает мсье Ано. Но кого мы будем судить?

— Четырех «пистолетников», — сказал я. — Они вам выдадут всех остальных участников шайки.
— Кроме хозяина, — добавил Бойль. — А Пасква и так у нас. Бойль и Уэнделл колебались. Мне нужно было выиграть мой «серебряный вариант», и я попробовал это сделать. «Пистолетники» могут и не знать Мердока, Пасква его не выдаст, а суд над Пасквой превратится в спектакль, который без суфлера разыграют нанятые Мердоком адвокаты.

— Если Паскву не «прищуют» сразу же после устроенного ему побега, разве полиция не сумеет вернуть его в камеру? Шерифы всех кантонов знают его и очно и заочно. Где он спрячется? На необжитых землях? Так выдадут фермеры или охотники. В какой-нибудь лесной «берлоге»? Долго не просидит. Ему нужны партнеры, карты и выпивка. А «хозяина» найти тоже можно. Ведь кто-то вел переговоры с конторой «Гопкинс и сын», кто-то вносил тридцать тысяч франков на ее депозит вместе с комиссионными. Явно не Пасква. Он даже писать не умеет.

— А если это была подставная фигура?
— Тогда и ее проследят насковзь. Потянется ниточка. Мердок не всеслеп.

Впервые было названо имя Мердока, но это уже никого не удивило. Все знали или догадывались, кто стоял позади серебряной авантюры.

— Нам нужно скомпрометировать Мердока до выборов, — сказал Уэнделл.

— Мы это и сделаем, — подтвердил я уверенно. — У меня достаточно материала. А кое-что знает и Бойль. Например, то, что у «пистолетников», орудовавших на пароходе, были повязки из музейного галуна. Пасква для этого и не нужен. Ни до суда, ни на суде вы его не расколете.

— Вы что-то не договариваете, Ано, — понял он.

— Возможно. Но у меня есть шансы. Пожалуй, даже уверенность. Пусть Бойль ведет следствие, я подожду. Вам же невыгодно, чтобы меня пристрелили на улице. А если все же это случится до выборов, вы получите конверт с материалами, достаточными для того, чтобы смахнуть Мердока с кресла в сенате, как пешку с доски.

— Хорошо, — согласился Уэнделл. — Я вам верю. А Паскву отпустите, — обратился он к Бойлю, — как-нибудь потише, чтобы не пронохали газетчики.

Как все это произошло, рассказал мне Бойль, разбудивший меня под утро телефонным звонком к портье. Паскву вывезли без наручников в тюремном фургоне под охраной двух полицейских. Оба были проинструктированы и знали, что делать.

— Куда едем? — спросил Пасква.

— Скажи ему, Бой, — вмешался старший с нашивками сержанта, — мы же не давали обязательств скрывать от него цель поездки.

— В Вудвилль, — нехотя сказал младший.

— Зачем? — удивился Пасква.

— Судить тебя будут в Вудвилле. Там присяжные из окрестных фермеров. Их не купишь. Да и вашего брата они не любят.

Разговор этот был обдуман Бойлем и отрететирован заранее. И он вполне удовлетворил Паскву. Тот хихикнул и полез в фургон. Почему с него сняли наручники, не спросил.

Отъехав из Города, на лесном шоссе тюремная карета остановилась. Сержант открыл заднюю дверцу и сказал Паскве:

— Можешь оправиться. Пойди вон туда, к кустам.
— Со мной пойдете?
— Зачем? — зевнул сержант. — Все одно бежать тебе некуда — везде поймает.

Но Пасква знал, как и когда бежать. Такой случай упустить он не мог, а продумать причины беззаботности охранников времени не было. Он просто скрылся за кустами и замер. Потом тихо-тихо начал удаляться в лесную темноту.

— Скоро ты? — спросил младший из полицейских.

Никто не ответил.

— Должно быть, сбежал, — сказал старший погромче, чтобы скрывшийся Пасква его услышал. — снимут теперь у меня сержантские нашивки.

— Не искать же в лесу, — сказал младший.

Потом оба сели на свои места в карете-фургоне и отбыли с подробным докладом в Город. Все было сделано в точности по приказу начальства. А приказы не обсуждаются.

В моей задаче «мат в два хода» первый ход был сделан. Остался второй.

Глава XV ВТОРОЙ ХОД

Куда мог бежать Пасква? В Вудвилль? Нет, конечно. Слишком далеко. В лесную глушь? Едва ли. Можно встретить и голодного волка и дикого кабана, да и ночевка где-нибудь в земляной норе без жратвы и волки не перспектива для Пасквы. К Реке? Тоже не резон. Нарвешься на рыбаков, охраняющих сети и лодки, или на злых пастушьих собак. Ближе всего Город, а на «дне» всегда найдется местечко, где его могут достойно встретить и спрятать. Значит, к утру Пасква должен быть уже в Городе, а следовательно, и мой разговор с Мердоком мог продолжиться до утра.

Спать после телефонного рассказа Бойля я уже не хочу и жду открытия бара, чтобы заказать завтрак. Но заказывать его не приходится. Появляется, как обычно без стука, Мартин с пачкой газет под мышкой и в сопровождении официанта, несущего традиционный завтрак на двоих — бекон, яичницу и яблочный сок. Пока я просматриваю газеты, Мартин молчит, ожидая моих комментариев. А комментировать есть что. Все газеты полны сообщениями о сенсационной находке двух тонн серебра. Почти дословно повторялось интервью Бойля. Нигде не называлось имя Пасквы — о преступлении в «Аполло» уже забыли, а с серебром, найденным в лесной хижине, Бойль сознательно его не связал. Не сообщил он и о ночном побеге Пасквы и об арестованных четырех «пистолетниках». Газеты только вскользь замечали, что следствие о похищении слитков все еще продолжается и вскоре все подозреваемые будут разоблачены и взяты под стражу. Разговор начинаю я.

— Паскву выпустили. Сегодня ночью.
— Просто выпустили?
— Без объяснений. Сейчас он, наверное, уже в Городе.

Я рассказываю Мартину о своих разговорах с Бойлем и Уэнделлом.

— Большим человеком становишься, — иронически замечает он.

— А я и пятьдесят лет назад был не маленьким. Так уж мне суждено. На Земле рядовой кинодокументалист, а здесь шайка.

— Что будешь делать?

— Для начала условлюсь о срочной встрече с Мердоком.

— А на встрече?

— Расскажу ему все о Паскве, как задумали.

— А потом?

— Будем ждать известий о судьбе Пасквы. Прикончат его или простят. Угадал я или не угадал.

— Думаешь зацепить Мердока? А если просчитаешься и он раскусит твою игру?

— Какую? Я просто сообщу ему о подозрительном побеге Пасквы. О том, что якобы рассказал мне Бойль.

— А если Мердок вспомнит, что мы тоже были в его лесной «берлоге» в то время, когда загрохали в подвал серебро?

— Может, и вспомнит. Но возникнет вопрос, а почему же мы молчали два месяца. Из страха? Он знает, что я его не боюсь. Может быть, из выгоды промолчать, а потом напомнить, когда придет время? Вот оно и пришло, а мы в стороне — по-прежнему молчим. И о Мердоке ни в одной газете ни слова.

— Из того, что я от тебя услышал, — задумчиво рассуждает Мартин, — кажется, Уэнделл и Бойль что-то замыслили против Мердока.

— Вероятно. Вот тогда нам с тобой, Дон, и придется официально вспомнить о повязках из галуна на рукавах «пистолетников», спускавших нам лодку с палубы «Гекльберри Финна». Стиль тоже вспомнит, если ему подскажут.

Вопрос был решен, и я звоню от портье Мердоку.

— Говорит Ано, — произношу шепотком, чтобы за стойкой не слышали. — Укажите место, где мы с вами могли бы встретиться, — имени Мердока я при этом не называю.

— Когда? — спрашивает он.

— Сейчас.

— Так важно?

— Да.

— Тогда приезжайте в кафе «Жюн» на улице Старых вязы. Это недалеко от театра.

Мердок уже ждет в полутемном зале за столиком.

— Что случилось, Ано?

— Вы же читали газеты.

— При чем здесь я? — Тон его холодеет.

— При том. Во-первых, серебро было спрятано в вашей хижине.

— Хижина эта не моя, я тогда воспользовался ею случайно.

— Известно, что это хижина Пасквы, хотя он и отрицал это на допросе.

— Тогда пусть в полиции проверяют, кем и у кого куплена эта хижина.

— Я полагаю, что уже проверили. Но не в этом главное.

— А в чем?

— В том, что рассказал мне за утринним завтраком в сенатском клубе комиссар Бойль. В том, что он не поведет газетчикам.

— Что именно? — Тон Мердока совсем ледяной.

— Что Пасква купил себе свободу за две тонны серебряных слитков. — Я внутренне торжествую, видя, как мертвенно бледнеет Мердок.

— Бойль так и сказал?

— Не совсем так. Но я так понял. Он просто рассказал о том, что Пасква бежал прошлой ночью, когда его отправляли в вудвилльскую тюрьму в обычной тюремной карете, причем без кандалов и наручников. Бежал где-то за Городом на лесной дороге, воспользовавшись случайной остановкой.

Мердок, помолчав, говорит кратко и холодно:

— Бегство Пасквы и дальнейшая его судьба меня не очень интересуют, но за любопытную информацию спасибо.

Мердок встает. Мы прощаемся. Кажется, он отверг вероятность нашего участия в удаче Бойля. Тогда все идет как надо. Мат в два хода, и оба сделаны. Остается ждать конца Пасквы.

Я узнал о нем от Мартина в баре «Омона» через два дня.

— Отойдём от стойки, — шепчет он, — есть новости.

Мы отходим с пивными кружками к столу.

— Только что узнал от инспектора привокзального района: сегодня утром Паскву нашли мертвым у бильярдной с тремя пулевыми ранами в грудь и живот. Инспектор предполагает конкурентные счеты. Месть за Бидо. Но мы-то знаем.

— Угадали, — говорю я.

— Может, и так, — соглашается Мартин и почему-то спрашивает: — А что делает Пит?

— Собирает материалы теперь уже против Мердока.

— У Жанье?

— Не только. Собирает и лично в бильярдных и барах.

— Рискую жизнью парня, Юри.

— Пит сам вызвался. А он человек осторожный. Ни во что не вмешивается. Только угощает и слушает.

— Кажется, скоро Мердоку будет жарко.

Уэнделла и Бойля нахожу в биржевой ресторации. Уэнделл загадочно улыбается.

— Конечно, вы уже знаете, мсье Ано.

— Мсье он добавляет для Бойля.

— Знаю, мистер Уэнделл.

— От кого, если не секрет?

— Не секрет. От репортера «Брад энд баттер».

— И в каком же духе будет сообщение в газете?

— Полиция предполагает конкурентные счеты, — повторяю я Мартина. — Привокзальный район — я имею в виду ночные бары, закусовые и бильярдные — это район «пистолетников», услугами которых пользуются и наши конкуренты на выборах, в частности «джентльмены». Убийство Пасквы рассматривается как мсть за Бидо.

— А что вы скажете, Бойль? — спрашивает Уэнделл.

— Не возражу, когда ко мне обратятся.

— Лично я думаю, — лукаво подмигивает Уэнделл, — что эта версия устраивает и нас. Мы так и сообщим в «Сити-ньюз», только не на первой полосе и как можно сдержаннее.

— У меня есть предложение, мистер Уэнделл. — Я продолжаю держаться официально, а присутствие Бойля меня не смущает: Бойль союзник, а не противник. — Хорошо, если бы статья о похитителях серебра с учетом истинных целей преступления в «Аполло» и последовавшего затем убийства Пасквы была написана не рядовым сотрудником газеты и даже не ее редактором. Автором, мне кажется, должен быть популярный и, главное, влиятельный человек.

— Кто же, по-вашему?

— Скажем, сенатор Стил.

Уэнделл долго молчит, он очень серьезен. Бойль явно заинтересован и, как и я, ждет ответа.

— Ценное предложение, — откликается наконец Уэнделл, — очень ценное. Статья сенатора Стила — это бомба. Она сметет и самого Мердока и его кандидатов. Но достаточно ли обвинительных материалов будет у Стила? И достаточно ли они будут убедительны?

— А мы ему поможем.

— Вы первый, — говорит Бойль. — Вспомните, что вы говорили мне о галунных повязках.

— Все вспомню, когда это потребуются, — отвечаю я.

Не знаю, почему я с такой решительностью предложил кандидатуру Стила. Лучшую, правда, трудно было найти для задуманного Уэнделлом выступления. Но Стил упрям и по-своему капризен. Трудно убедить его, если упрется. Но о Мердоке он спорить не будет. Нужно только вовремя и решительно подсказать.

Стила я нахожу дома. Рассказываю ему все, что знаю. О своих встречах с Мердоком и о его попытках сделать меня своим агентом в лагере Стила, о его избирательном шантаже с помощью Пасквы, о преступлении в «Аполло» с целью скомпрометировать партию популистов и о моих ответных маневрах, закончившихся убийством Пасквы его же хозяевами.

— А вы, оказывается, умный и хитрый политик, Ано, — говорит он. — Перехитрили Мердока. Пожалуй, вы стоите больше, чем пост советника у любого сенатора. Хотите, я отдам вам все свои голоса, полученные на выборах? Это разрешается по конституции, если я тут же подам в отставку.

— Не надо, Стил. Отдайте их кому-нибудь другому, а то и двум, если число позволит. Я только гость здесь, а если судьба забросила меня к вам надолго, то я просто перейду в другой лагерь.

— К Доновану?

— Конечно.

— Жаль, — вздыхает Стил. — Спорить не буду. Но пока вы работаете у меня и предлагаете покончить с Мердоком. Как? У меня нет главного — доказательства его вины в грабеже казначейства.

— Мердока и не требуется арестовывать. Прямых улик нет. Но скомпрометировать его шайку можно и должно. Этого добиваются и Бойль и Уэнделл. А сделаете это вы, выступив с обвинением реваншистов в грабеже, шантаже и мошенничестве. Именно вы, сенатор, как самый решительный противник закона об ассоциации. Вы покажете, к чему привел этот закон на примере Мердока. Все дополнительные сведения представит вам Бойль. Статью подготовит Мартин. Вам останется только ее подписать. Как сказал Уэнделл, это будет бомба, взрыв, который сметет на выборах и Мердока и всю его шайку.

— Хорошо, — говорит Стил, — я это сделаю.

Глава XVI ПРЕСС-КОНФЕРЕНЦИЯ

В девять утра — полдень по-здешнему — началась пресс-конференция у Бойля в Главном полицейском управлении по делу о похищении серебра с «Гекльберри Финна». Бойль уже объявил, что следствие закончено и он может назвать ожидающих суда виновников преступления.

Происходила она в большом зале с чисто вымытыми окнами и натертым до блеска дубовым паркетом: Бойль во всем любит порядок и чистоту. Присутствовали все корреспонденты газет: «Брад энд баттер», «Джентльмена», популярной «Сити-ньюз», французской католической «Суар» и биржевого «Бюллетеня», фоторепортеры и кинооператоры, всегдагдаи сенатских кулуаров вроде меня и просто любопытные, получившие пропуски на конференцию. Как прошла она, я могу точно воспроизвести по расшифрованной Мартином стенограмме. Только вместо имен присутствующих корреспондентов укажу лишь названия газет.

Бойль. Итак, следствие закончено, леди и джентльмены, мадам и мсье. Как было похищено серебро и как оно было найдено, вам уже известно: Сейчас я расскажу о том, чего не знала общественность, пока велось следствие. Как удалось установить, похищение готовилось заранее: заранее была построена новая пристань на лесном берегу, заранее организована шайка головорезов, которых у нас зовут «пистолетниками», заранее была куплена у Вудвилльского охотничьего общества лесная хижина, куда и было доставлено серебро с парохода. Вы спросите: как же была куплена эта хижина или коттедж? Ответу, что приобрел ее некий Чек Пасква за тридцать тысяч франков, через комиссионную контору «Гопкинс и сын». Пасква, хорошо известный полиции уголовник, был арестован нами за убийство в ресторане «Аполло» и находился в тюрьме, когда серебро было найдено и установлено имя владельца хижины. В покупке хижины Пасква сознался, но свое участие в похищении серебра отрицал, уверяя нас, что и понятия не имел о таком богатстве. Тридцать тысяч франков он якобы выиграл в карты и совершил сделку с представителем комиссионной конторы в состоянии полного опьянения. Прекрасно понимая, что он лжет, и выяснив, что покупка коттеджа производилась подставным лицом лишь от имени Пасквы, мы решили проследить его связи. Для этого был инсценирован его побег, который он и совершил, не подозревая о слежке. К сожалению, однако, удалось его проследить только до привокзальной бильярдной, а пока сменялись наблюдавшие за ним агенты, какая-то минута была упущена, и Паскву застрелили из проезжавшего мимо фиакара. Ни фиакар, ни убийцу обнаружить не удалось, но хозяин бильярдной признал, что за Пасквой уже охотились какие-то неизвестные люди, угрожавшие ему отомстить за Бидо. Итак, главаря банды мы потеряли, но сумели задержать его ближайших сообщников. В своем первом интервью о найденном серебре я не сказал вам — не имел права сказать, пока не закончатся следствие, — что в лесной хижине, где было спрятано серебро, мы задержали охранявших его четырех уголовников, известных полиции под кличками «Жаба», «Хлыщ», «Теленок» и «Одноглазый». Имен у них много, но подлинные пока устанавливаются. В похищении серебра они сознались, назвали главаря банды и других ее участников, которые в настоящее время разыскиваются. Трое уже арестованы. Это бывший ранчен из Сильвервилля Биг Дро и два его конюха, Уилки и Формасон. Нашли и рабочих, строивших пристань (список их можете получить у меня после пресс-конференции). В уже упомянутом интервью я не назвал вам и того, что навел нас на мысль поискать серебро в лесной хижине. Теперь, по окончании следствия, могу это сделать. Охотник Фернан Марти сейчас охотится где-то в приречных лесах на юго-западе, но он обещал вернуться к первому же судебному заседанию.

«Сити-ньюз». Как вы нашли охотника и почему он предположил, что серебро спрятано именно в этой хижине?

Бойль. Вы меня не поняли. Охотник только заявил вудвилльской полиции, что обнаружил в приречных лесах необитаемую хижину, похожую скорее на коттедж, чем на охотничий домик. А мысль поискать серебро в лесной хижине возникла не у охотника, а у нас.

«Суар». Много ли французов было среди «пистолетников» в шайке?

Бойль. Вывод о национальности можете сделать, прочитав список привлекающихся к суду.

«Пиллз войс». Такие бандиты, как Пасква, не открывают текущих счетов в банках. Откуда у него оказалось тридцать тысяч франков для покупки лесного коттеджа? Выиграл в карты? Но вы могли бы проверить, был ли такой крупный выигрыш в каком-либо из игорных домов или, может быть, крупное ограбление незадолго до покупки дома.

Бойль. Мы и проверили. Ни ограбления, ни крупного выигрыша Пасквы не отмечено.

«Пиллз войс». А что вам сказали в комиссионной конторе? Там же должны помнить покупателя?

Бойль. Я уже говорил, что не помнят. По-видимому, это было подставное лицо.

«Сити-ньюз». А что предпринято для поисков этого подставного лица?

Бойль. О нем мог знать только Пасква.

«Джентльмен». А кто финансировал строительство лесной пристани?

Бойль. По словам рабочих-строителей, нанял их тот же Пасква.

«Пиллз войс». А вам не кажется, что за спиной Пасквы стоял кто-то с весьма солидным банковским счетом?

Бойль. Предположение еще не доказательство.

«Пиллз войс». Месть за Бидо тоже только предположение. Убийство Пасквы загадочно. Он явно кому-то мешал.

Бойль. Таких сведений мы не имеем. Следствие закончено, и дело передается в суд.

«Сити-ньюз». А кто будет защищать обвиняемых?

Бойль. Та же адвокатская контора, которая взяла на себя защиту Пасквы после его ареста за убийство в «Аполло».

«Сити-ньюз». «Бернс и Тардье»?

Бойль. Вы не ошиблись.

«Пиллз войс». Но это одна из самых дорогих адвокатских фирм. Кто же будет оплачивать ее услуги?

Бойль. Адвокатские конторы могут не оглашать имена своих клиентов.

«Пиллз войс». А что предполагает полиция?

Бойль. Полиция ничего не предполагает. Полиция расследует.

На этом и окончилась пресс-конференция. Только донованский газетчик пытался добраться до истины. Но Бойль выдержал натиск. Он ждал своего часа и не собирался его приближать.

Что ж, тактически он действовал верно. Теперь все зависело от Стила и его статьи. Взрыв бомбы должен быть направленным и неожиданным.

Глава XVII БОМБА

Статью для Стила мы писали вместе с Мартином, вернее, я уточнял тезисы и корректировал язык — все-таки я лучше Мартина знал речевую манеру Стила. Спорить приходилось чуть ли не по каждому абзацу: как профессионал-журналист он был, конечно, опытен, меня в таких делах, но я тщательно очичал статью от не присущих Стилу выспренности и цветистости.

— Опять Мердок. Убери.

— Но можно же, не обвиняя Мердока, называть его главой партии.

— Во-первых, это не партия. И Стил никогда не ошибется, назвав группу партий.

— Но здесь же нет повода для обвинения в клевете!

— Стил не должен давать ему даже лазейки. А это что?

— Гангстеры. Нормальный термин.

— Стил не знает этого слова. Скажи еще: хунта. Не дури. Пиши просто: насильники, убийцы, грабители.

— А мошенники? Для усиления.

— Здесь речь не о мошенничестве. О нем дальше. В случае с документом, подсунутым в карман убитого Луи.

— Кромсаешь статью. Фразы как рубленые. Ни одного периода.

— Стил так говорит, а не я.

— Ну оставь хоть метафору. К словам о неогалунщиках.

— Ни к чему. Стил не любит метафор, он лаконичен и прост. А слово «нео» ему вообще несвойственно.

Споры забыты, и сейчас передо мной уже лежит утренний номер «Сити-ньюз» со статьей Стила. Он ничего не слышал о Золя и тем более о его выступлении по делу Дрейфуса, и потому я, не боясь плагиата, предложил сенатору назвать эту статью «Я обвиняю». Но хотя он и предпочел свой заголовок, однако согласился в тексте на толстовское «не могу молчать». А в целом статья читалась так:

«КО БУДЕТ ГОЛОСОВАТЬ ЗА ГРАБИТЕЛЕЙ И УБИЙЦ?»

Я выступал против закона о политических ассоциациях, однако закон этот принят сенатом, и потому возвращаться к нему не буду. Но когда под флагом политической ассоциации рвутся к власти грабители и убийцы, я молчать не могу.

Кто такие «реставраторы»? Те, кто зовет назад, к зачеркнутому революцией прошлому. К полицейской диктатуре «галунчиков», запрещавшей все, что поддерживает ныне жизнь человека. Запрещавшие есть взращенные на своей земле хлеб и фрукты, разводить скот, пить вино со своих виноградников, охотиться и ловить рыбу. Даже лесные прогулки за Город требовали специального полицейского разрешения. Все это известно каждому из школьных учебников.

Но не только в этом обвиняю я реставраторов. Ведь они даже кичатся своим зовом к прошлому, открыто носят повязки или значки из того же галуна, который украшал когда-то мундиры полицейских рабовладельцев. Вы можете увидеть такие повязки на руках у встречаемых на улице, у посетителей трактиров и постоялых дворов, у бандитов, вооруженных полицейскими автоматами.

У того, кто убил сразу четырех человек в ресторане «Аполло» — его звали Чек Пасква, — тоже была на рукаве повязка из галуна. Такой же галун отличал и его сообщников, стоявших с пистолетами у входа в бар и не позволявших никому в зале остановить преступление. Когда кто-то, вошедший за убийцей, попытался сделать это, Пасква застрелил и его. А уходя, сунул ему в карман документ, украденный у меня в канцелярии. Этот документ и показания свидетелей находятся сейчас в распоряжении Главного комиссара полиции. Вы спрашиваете, зачем это понадобилось убийце? Я вам отвечу. Чтобы как-то, чем-то скомпрометировать партию популистов. Чтобы скомпрометировать меня, известного как непримиримого противника реставраторов.

НА «БУРАНАХ» В ПУРГУ

Владимир ЕРЕМЕНКО.
Фото Владимира ЧЕЙШВИЛИ.

Убийство и мошенничество — вот отличительные черты их поведения, их политической агитации. Прибавим к этому и шантаж. Тот же Пасква угрожал вудвилльской землевладелице Евгении Ланфлер, что сожжет весь ее урожай, если она со всеми своими издольщиками и арендаторами не будет голосовать за реставраторов на ближайших выборах. Вдова Ланфлер готова подтвердить это под присягой. Но она не единственная жертва реставраторской шайки. Я могу назвать имена фермеров Монса, Люнз, Шобера и Стиннеса, которых также шантажировали нынешние «галунчики».

А кто оказался виновником похищения казначейского серебра — самого крупного преступления века? Я был с племянницей в каюте «Гекльберри Финна», когда началась перестрелка на палубе. Кто нас предупредил не выходить из каюты? Матрос из команды? Нет, человек с пистолетом и галунной повязкой на руке. Кто слишком настойчиво советовал нам не возвращаться в Сильвервилль, а доехать на лодке до моего поместья близ Реки в этом месте? Владелец парохода? Калитан? Нет, опять же люди с повязками из галуна на руках. Не я один видел эти повязки, у меня есть свидетели.

И, наконец, кто был владельцем лесной хижинки, где нашли украденное серебро с парохода? Тот же Чек Пасква, убийца в «Аполло». Кто были люди, арестованные во время полицейского налета на хижинку? Его сообщники, участники бандитского нападения на пароход. Все они тоже были реставраторами. Ленты из галуна нашли и у них.

Итак, я спрашиваю у тех, кто прочтет эту статью, и у тех, кому расскажут о ней: если они еще носят повязку реставраторов, не стыдно ли им будет показаться на людях со знаком, поощряющим мошенничество, шантаж, грабеж и убийство?

И самое главное, я спрашиваю у моих сограждан: кто же теперь будет голосовать на выборах за грабителей и убийц? — А ведь точно: Стилл! — сказал Уэнделл, прочитав переданную мной рукопись статьи. — Стилл, как живой с трибуны сената! Неужели он сам писал?

— Какая разница, — ухмыльнулся я, — если есть его подпись.

Уэнделл хитренько подмигнул мне, еще раз пробежав глазами последние строчки.

— Вы правы, Ано. Техника изготовления бомбы меня не интересует. Важен взрыв и то, что за этим последует. Прицельный удар, — сказал он. — Верный и неожиданный. Партия Мердока сразу теряет шансы. И мы рады, конечно: она ведь страшнее самых правых на правом крыле. Думаю перепечатать статью целиком.

Во время завтрака официант передал мне конверт с запиской Мартина.

«Завтра ответа в газете не будет. В редакции не знают, что делать. Вся руководящая братия кинулась к Мердоку. Советуются. Вероятно, решат подождать, пока не стихнет шумиха».

Уэнделла я не видел, но он сам нашел меня, позвонив в клуб: наверное, мой маршрут передали ему из «Омона».

— Что говорят, Ано?

— Потрясены. Сколько Мердок потеряет голосов, не знаю, но потеряет много. Донован собирается перепечатать статью. Разрешите?

— Конечно. Я уже разрешил и французской «Суар». Взрывающая волна растет.

— Удар столь силен, что «Брэд энд баттер» не дает завтра никакого ответа. Собираются ждать, пока не утихнет шумиха, — повторяю я Мартина.

Газетная шумиха, однако, не утихла. Два дня подряд все газеты, даже биржевая «Бюллетень», гигантскими заголовками были по реставраторам, вспоминали все преступления последних лет, раскрытые и нераскрытые, предположительно присваивая их неогалунщикам. Повязка из галуна стала пугалом, и уже на улицах и в общественных местах ее открыто никто не носил. Газете Мердока неудобно было молчать, и она заговорила.

«Мы не собирались отвечать потерявшему разум сенатору Стилу — его почтенный возраст вполне предполагает такую возможность, но глупая выдумка, раздутая до пределов провокации, заставляет нас высказаться».

Повязка из галуна — не членский билет политической ассоциации «Реставраторов». Ее может нацепить каждый, если это почему-либо ему выгодно. Полиция, арестовав похитителей серебра и убийц в ресторане «Аполло», не обнаружила никаких свидетельств их принадлежности к реставраторам: ни членских билетов, ни специально выпущенных в свое время жетонов, которые могли бы подтвердить их партийность. Все свидетельские показания, на которые ссылается в своей статье Стилл и которые говорят о повязках из галуна на руках у преступников, никого и ничего не разоблачают. Нам официально известно, что главарь арестованной полицейской шайки Чек Пасква не был реставратором. В списках членов ассоциации по всем кантонам такого имени нет.

Сомневаемся мы и в криминалистическом даровании Главного комиссара полиции. Два с половиной месяца он искал серебро и не нашел до того, пока не попался Пасква. Кстати, арестован тот был не по обвинению в вооруженном налете на пароход, а в убийстве таких же уголовников, как и он. И вдруг Пасква бежал по разработанному полицейской плану якобы для того, чтобы можно было проследить его связи. А не купил ли себе свободу Пасква, вернувшись казначейству украденное им серебро? Правда, он вскоре после этого был убит. Но кем убит и почему убит, комиссар Бойль со всем его криминалистическим талантом установить так и не мог».

Уэнделл ответил резко и коротко:

«Мы не будем полемизировать с газетой «галунчиков». Суд подтвердит все данные следствия, с которыми был ознакомлен сенатор Стилл. Общественность Города узнает правду. А пока мы еще раз спросим читателей: кто же будет голосовать за грабителей и убийц?»

Окончание следует.

Для охотников и пастухов Крайнего Севера по сей день олени и собачьи упряжки остаются распространенным и естественным видом транспорта. Испытанным, проверенным веками, которому, казалось бы, нет равного по надежности, доступности и, если заглянуть глубже, экологической чистоте. Речь не о ядовитых выхлопах двигателей внутреннего сгорания. В масштабах тундры говорить об этом пока смешно. Дело в том, что мощные, комфортабельные вездеходы своими колесами и траками неузнаваемо уродуют тонкий плодородный слой почвы, уничтожая растительный мир тундры и тем самым лишая естественной пищи мир животных. Если учесть, что в тундре у каждого вездехода своя дорога, то легко представить загубленные пространства. К тому же дорого и нецелесообразно снабжать каждого оленевода и охотника мощными машинами. Да и по проходимости любой вездеход уступает животным. Но и у упряжек — и оленей и собачьих — есть, разумеется, свои минусы.

Чтобы обеспечить потребности передвижения, в оленьем стаде чуть ли не каждое шестое животное должно быть ездовым. А у ездовых оленей неполноценные шкура и мясо, они не участвуют в воспроизводстве стада. Да и снарядить олений транспорт в дорогу дело не простое: даже опытному пастуху требуется не менее получаса, чтобы отловить упряжку, а если необходим «аргиз» (иначе говоря, целый выезд), то на это уйдет полдня. После такой беготни вряд ли пастух сразу сможет тронуться в путь. А через какое-то время упряжку нужно распускать, потому что олень не лошадь — сена не ест, его надо пастись.

Собак ловить не нужно, но стоимость одной упряжки (в год — около 800 рублей) заставляет задуматься, а если учесть, что собаки питаются в основном северной рыбой, которую мы считаем деликатесом, становится обидно.

Да и нежиге в век научно-технической революции делать ставку только на «живую силу». Все это и заставляет искать новые виды транспорта для районов Крайнего Севера.

Приблизительно так рассуждал начальник отдела механизации Норильского НИИ северного сельского хозяйства А. С. Вагин прежде, чем предложить мне поехать в тундру на испытание снегоходов «Буран».

«Бураны» видели уже многие и поэтому удивятся, какие могут быть испытания, когда машины уже несколько лет в продаже. Да, Рыбинское производственное объединение моторостроения выпускает снегоходы с 1972 года. Но модель постоянно совершенствуется, а лучший полигон для испытаний, чем Таймыр, найти трудно. Поэтому рыбинцы рука об руку работают с норильчанами.

Моя командировка в Норильск совпала с командировкой рыбинского инженера Михаила Русского. Он привез для испытаний новые карбюраторы поплавкового типа. Сотрудники отдела механизации — инженер Алексей Гришечкин, лаборант Виктор Трубинов, а порой и сам Вагин, — стремясь максимально использовать командировку Русского, каждый день выезжали в тундру, а вечерами копались в машинах, устраняя неполадки, чтобы следующим утром снова гонять подопытные «Бураны».

Меня они могли взять с собой только в воскресенье. Проснувшись, сразу набрал по телефону «67» — с этого начинают свой день почти все норильчане. Сводка погоды не радовала — температура около 30° мороза, пурга, ветер от 15 до 20 метров в секунду, местами до 25. Надежды, что поездка состоится, почти не было. День нерабочий, погода — тоже. Но на всякий случай решил дойти до гаража.

Если перечислить все, что было на мне надето, кроме унтов и подбитого мехом брезентового комбинезона, то получится список длиннее, чем составляют родители, отправляющие детей в пионерские лагеря.

Добравшись до гаража, нашел там одного Гришечкина. Он уже копался в моторе своего «Бурана». Я сидел около калорифера и блаженствовал, чувствуя, как отходит обожженное ветром лицо. Пришел Трубинов.

— Пуржит, на Комсомольском проспекте ветер с

ног сбивает. Куда тут ехать! — и принялся осматривать одну из машин.

Затем появился Михаил Русский. Пожаловался, что не может привыкнуть к полярной ночи и все время просыпается.

— Погодка нелетная, пообморозимся. Надо ехать на Ергалах, там тише, чем в других местах.

Испытатели залили в машины выверенное до миллилитра количество бензина, чтобы точно определить расход топлива, и начали подгонять одежду. На мои два свитера под комбинезоном они посмотрели скептически и заставили пододеть меховую безрукавку, вручили пару огромных, как мешки, рукавиц. Затем все плотно обмотали шарфы вокруг лица и надвинули низко шапки, оставив только щели для глаз.

Через десять минут колонна из трех «Буранов», миновав город, мчалась по тундре. Снег стегал по глазам подобно крупному песку, слезы катились и замерзали на ресницах. Я ехал на переднем «Буране» пассажиром и вплотную прижимал лицо к спине водителя, защищаясь от ветра. Алексей повернулся и, перекричав гул мотора и пурги, попросил меня, чтобы не потерять колонну, время от времени оглядываться. Одежда мешала повернуться, я пересел задом наперед, надеясь, что эта маленькая хитрость поможет мне к тому же избавиться от режущего ветра. Теперь я все время видел свет идущих сзади машин, однако снежные завихрения перед лицом жгли еще сильнее. Поездка удовольствия не доставляла. Но ведь в пургу в тундру выезжают лишь в случае крайней необходимости. Только испытатели рады возможности проверить свои машины в экстремальных условиях и, может быть, поэтому забывают усомниться в выносливости собственного организма.

Свет фар отстал, и я постучал по спине Алексея. Мы повернули обратно. На снегоходе, который тянул за собой нарт, сильный боковой ветер сорвал капот. Он пролетел по воздуху метров тридцать и застрял, воткнувшись в сугроб. За те пять минут на невыносимом ветру я, кажется, каждой своей клеткой прочувствовал, почему основное требование к таким машинам — надежность.

Вскоре мы спустились в распадок и остановились, чтобы перевести дух. Между горами было так тихо, что снежная свистопляска наверху вспоминалась с недоверием. Я сошел со снегохода и под обий хохот провалился по груди в пушистый снег. Трехсоткилограммовый «Буран» стоял на уровне моего лица. Две его гусеницы и лыжа давят на грунт с усилием лишь в 0,03 кг/см² — в этом секрет его проходимости. Для сравнения: вездеход ГАЗ-71 оказывает давление в 0,17 кг/см². «Буран» по классу можно приравнять к тяжелому мотоциклу. Кабины на нем нет, ее установкой потребует усложнения конструкции, а это уже будет машина другого типа. В конце концов нарт тоже не карета. В тундре можно пренебречь любым комфортом, лишь бы двигаться.

По распадку ехать наслаждение — ветра нет, по рыхлому снегу машины идут хоть и не так быстро, зато плавно. Мы отдыхаем, но машинам водители поблажки не дают. Моторы режут на пределе, резиновые гусеницы, буксуя, перемалывают вязкий снег.

Переехали реку Ергалах, в промоине намочили гусеницы. Они сразу обледенели, но на ход машины это не повлияло. За Ергалахом начался затяжной подъем. Машины уверенно лезут к вершине. Кажется, что вот-вот опрокинемся. Оглядываясь назад, сюда можно добраться только на лыжах. Ни одна машина повторить путь «Бурана» не сможет.

На холме с новой силой навалилась пурга. Проехав немного, наткнулись на брошенный снегоход. Испытатели внимательно осмотрели его полуобгоревший осто. Поражающе их терпению — скорей бы в спасительное затишье!

Через полчаса добрались до балка — наскоро срубленной избы с железной печкой в углу. Затопили. На печь поставили разогревать консервы. От «буржуйки» скоро стало жарко.

Испытатели говорили о работе: спорили о преимуществах нового карбюратора, износе гусениц, причинах поломок. Михаил Русский с горечью вспомнил о сгоревшем «Буране».

ПРОЗА

Краски, принесенные памятью

Вышла книга Виктора Астафьева «Мальчик в белой рубашке» («Молодая гвардия», 1977 г.). Это три большие повести — «Ода русскому огороду», «Последний поклон», «Царь-рыба», — состоящие как бы из отдельных рассказов. Написаны они были в разные времена, но теперь в своей совокупности образовали не только нечто цельное и емкое тематически, но и получили эпическое звучание. За повесть «Царь-рыба» Виктор Астафьев удостоен Государственной премии СССР за 1978 год.

Каждая встреча с творчеством этого писателя — радость для всех, кто по-настоящему любит Россию. Виктор Астафьев — писатель народный, исконно русский не в звании своем, но из народа плотью и духом вышедший, охватывающий его не скованным, узким, но чутким сознанием, находящий в писательской палитре такие краски, которые проникновенны и естественны не только для образованного, «умственного» человека, но и для любого крестьянина...

В белой рубашонке мальчик инстинктом, как на призывный маяк идущий «меж замерших хлебов, ослепленный солнечным светом» к матери своей и затерявшийся, пропавший, не дошедший до нее, и сама мать эта, зовущая и не могущая дождаться заблудшее дитя, обозначились неразрывным узлом, трагическим конфликтом для тех из нас, кто по слепоте невинной, по слепоте непонимания проходит мимо самого главного, самого важного — земли родной и ее извечных кровных устоев.

Уезжал Петр с матею и мальцом беспрютным, осиротевшим в город и залетел в дом «страховидный нетопырь» — летучая мышь», шлепнулся на прощальный стол меж тарелок и захватанных стаканов. Быть бедо. Присмирели отъезжающие, но уплыли все равно от родимого берега, поутру рано, «от взгляда».

В городе пошла жизнь сразу кривая, настоящая. Торговал отец в ларьке овощном, куролесил, спился наконец, жену с младенцем бросил, а про парня своего старшего и вовсе забыл. А парень этот голодал, одиночным, погибал. Только чистота деревенская и помогла ему выжить все. Потом подобрал детдом. Потом война испытала и укрепила. А потом земля родная успокоила, встретила — к ней он

после войны, в которой победили любовь и вера, вернулся.

Случилось все это в повести «Последний поклон», который отдал автор прошлому своему, горькому и счастливому. Прошлому, «куда все равно не вернешься», но дух которого питает корни сердца, определяет на весь человеку отпущенный срок, как жить: что любить и что ненавидеть. Граница здесь тетиной натанной, без слабости — ненавидеть «умников, сотворивших ад на земле», «затаенных врагов и мнимых друзей», «житийские дразни», но ценить, понимать свою землю, которая тебя родила, людей, умеющих любить «просто так, за то, что ты есть», и знающих «однуединственную плату — ответную любовь». Это все очень просто, живи только чисто и трудом, не кради, не рушь ничего у ближнего и у земли своей. Эта тема согласия, гармонии, равности людей всех и природы, это тревожащее сердце утверждение высшей правды продолжают в прозе В. Астафьева лучшие традиции классической русской литературы.

Александр БАСМАНОВ

ПОЭЗИЯ

«Я славлю синь родного небосвода»

В предисловии к своей книге «Вершина» («Молодая гвардия», 1978 г.) известный монгольский писатель, видный общественный деятель современной Монголии Лодонгийн Тудэв так определяет суть поэтического замысла: «Автор предлагаемой книги в форме стихотворной беседы с читателем выражает свое отношение к жизни в ее постоянном сопоставлении с природой и обществом».

Действительно, книга «Вершина» — это своеобразная, доверительная «стихотворная беседа с читателем», беседа, которая помогает нам понять мировоззрение автора, прочувствовать его поэтический взгляд на мир, выявить те истоки, которые питали и питают его творчество.

Высотой Человеку не сравниться с горой, Но желанья его и мечты Больше самой огромной горы, Выше самой большой высоты, — восклицает лирический герой поэмы «Вершина», поэмы, которая дала название всему поэтическому сборнику. Эти строки во славу человека можно поставить эпиграфом ко всей книге стихов Лодонгийн Тудэва.

Читатели книги «Вершина» с интересом познакомятся с краткой биографической справкой, которую дал о себе в предисловии к сборнику Лодонгийн Тудэв. Даже здесь, в области, казалось, такой далекой от поэзии, автор нашел четкие поэтические

формулы, в которые уложились вехи его жизни:

— Ради нового читателя мне хотелось бы дать краткое интервью с самим собой:

— Год рождения?

— Я родился в первой четверти первого века Октябрьской эры. Веку тогда исполнилось 18 лет.

— Происхождение?

— Я интеллигент в первом поколении. Мои родители — пастухи.

— Образование?

— Вечный студент Писательского университета. Вот уже более 20 лет в нем учусь...

Меня, одного из многих людей, одарила огромным человеческим счастьем Великая Октябрьская революция, и ей мне хочется посвятить свою скромную книгу. На русском языке книга выходит в год славного 60-летия ВЛКСМ, которое у меня в стране будет отмечаться как большой всенародный праздник.

В своей книге автор рассказывает о тех переменах, которые произошли в жизни монгольского народа, шагнувшего из мрака феодализма в мир социализма:

Я славлю синь родного небосвода, И звезды, что безмерно высоки, И счастья пробужденного ростки, И новой жизни солнечные восходы.

Лодонгийн Тудэв — поэт второй половины XX века, века революции и освободительной борьбы, века больших надежд и прозрений. Своей поэзией он участвует в этой борьбе, он весь в настоящем и будущем.

Стихи Лодонгийн Тудэва переведены на русский язык такими мастерами поэтической формы, как Владимир Солоухин, Василий Федоров, Яков Белинский, Сергей Смирнов, Владимир Цыбин. Самобытную поэзию певца Монголии они сделали достоянием советского читателя.

Анатолий ГОРЮШКИН

ЛИТЕРАТУРОВЕДЕНИЕ

«Талантливый он человек...»

Владислава Шошина мы знаем прежде всего как автора многих стихотворных сборников. И вот недавно вышла еще одна книга В. Шошина — «Поэт романтического подвига» (Л., «Советский писатель», 1978 г.), в которой поэт раскрылся иной стороной своего дарования. Книга посвящена творчеству одного из родоначальников советской поэзии, Николая Семеновича Тихонова.

Начиная работать над монографией о творчестве Н. Тихонова, В. Шошин, по его собственному признанию, прошел дорогами

поэта. Побывав на Кавказе, в Средней Азии, познакомился с людьми, которые знают и любят Николая Семеновича. В. Шошин не просто пересказывает биографию поэта, добросовестно анализируя его художественное творчество, но воссоздает облик человека яркой и удивительной судьбы, в таланте которого сочетаются эмоциональность романтика и трезвость реалиста. «Может быть, такими и будут люди гармонического будущего!» — восклицает Владислав Шошин.

Огромно значение Тихонова в становлении и развитии советской литературы. Начиная с первых своих книг «Орда» и «Брага», на протяжении всей литературной деятельности поэт утверждает законы гуманизма, добра и справедливости.

Книга В. Шошина представляется мне интересной еще и в том плане, что в ней поэзия Николая Тихонова рассматривается в едином потоке всей литературной жизни страны. Так, например, посвящая целую главу грузинским мотивам в творчестве поэта, автор обращается к стихам Н. Заболоцкого и Б. Пастернака о Грузии. Размышляя об индийской теме, В. Шошин пишет о произведениях, которые существовали в литературе до того, как на эту страну обратил свой взор Н. Тихонов, выступивший с интересной поэмой о далеком индийском мальчике Сами.

Сопоставления, сравнения В. Шошина помогают ему еще более рельефно очертить образ поэта, ведь за отвлеченными литературоведческими параллелями кроется проникновение автора в нравственную сущность такого явления, как поэзия и проза Николая Тихонова.

Творчество поэта кровно связано с народом. И в годы первых пятилеток, и во времена военного предгрозы, когда Европа сжималась в предчувствии опускающегося на нее эфрейторского сапога, и в дни великого подвига советского народа мужественный голос поэта звучал над страной.

«Талантливый он человек, Тихонов!» — воскликнул когда-то Алексей Максимович Горький, познакомившись с творчеством поэта. Жизнь подтвердила правоту этих слов.

Интернациональное по содержанию, оптимистичное по настроению, пронизанное сыновней любовью к Родине, творчество Николая Тихонова входит в золотой фонд многонациональной советской литературы.

Валентина ЛЕВОЧКО

ПРОЗА

Неисчерпаемая тема

В повести Виктора Ильина «Целый век» («Современник») ведется рассказ от первого лица, от имени пенсионера, в

прошлом рабочего-химика Николая Потапова. Потапов вспоминает свою жизнь: «Моя родина — село Речное бывшей Алексеевской волости, Лаишского уезда, Казанской губернии. По последней ревизионной сказке в нем проживала без двух десятков тысяч душ. Сейчас, конечно, раз в пять меньше».

Империалистическая война вырвала крестьян из деревни и бросила в гущу бурных событий. Этот период жизни героя отдаленно напоминает фронтовые похождения «бравого солдата Швейка». А потом пошло, понеслось... революция, гражданская война. Помогало Потапова по свету, вернулся он домой, но прирасти к земле уже не смог. Поколебался, по собственным словам, как «ванька-встанька», и подался в город, на восстановленный химический завод. Трудное было время. Многие пришлось ломать в своем сознании, в своем отношении к людям. Работать Потапов любил, проявлял инициативу, смекал, что к чему, учился и вырос до мастера. Грнула Отечественная. Потапов не воевал, работал на оборону и с важным поручением ездил в осажденный Ленинград. В 50-х годах вышел на пенсию. «Дети — кто куда, так вот вдвоем со старухой коротаем век, внучат пестуем».

Повесть написана живым, народным языком, с юмором, с такими любопытными подробностями, что невольно обращаешься к биографии самого автора. Виктор Ильин родился в семье рабочего-химика, и это дало возможность писателю добиться в своем повествовании предельной достоверности.

Интерес читателя к давнему и недавнему прошлому нашей страны не ослабевает, появляется все большая потребность в историческом осмыслении действительности. В этом плане повесть Ильина вносит свой вклад в сегодняшнюю литературу.

В сборник «Целый век» вошло несколько небольших рассказов автора, очень разных по стилю, по манере изложения. Есть в них нечто общее, что определяет писательский почерк. Ильина прежде всего интересует профессия героя и становление его характера. В рассказе «Трещина» пока еще не ясно, как сложится судьба молодого инженера Промзина. После окончания института попал Промзин на судоремонтный завод. Сразу заметил неполадки, брак, недобросовестное отношение к работе и даже осмелился выступить с критикой на собрании. Но до конца честным быть не сумел...

В рассказе «До счета девять» первый секретарь горкома партии Николай Шашков смертельно болен. На новом производстве произошла авария, пострадал молодой сменный инженер, успевший перекрыть задвижку на трубопроводе. Шашков отнес инженера на руках в свою машину. «Никто не тянул его в этот цех. Наверное, можно было и подождать, пока принесут защитный костюм. Но стоять и знать, что в эти минуты человек нуждается в помощи? Кто-то должен выпрямиться во весь рост...»

Одним словом, «целый век» все проживают по-разному. И бывает этот век длинным или коротким, ярким или тусклым. Можно творить добро — можно лелеять собственное благополучие. Излишне упоминать о том, что автор, конечно, за тех, кто в нужный момент способен «выпрямиться во весь рост».

Инга ШАНТЫРЬ

Наш адрес: 101457, ГСП, Москва, А-15, Бумажный проезд, 14. Телефон для справок: 253-30-87. Рукописи, фото и рисунки не возвращаются.

Сдано в набор 18.10.78. Подписано к печати 03.11.78. А 09152. Формат 70×108¹/₈. Глубокая печать. Усл. печ. л. 5,60. Уч.-изд. л. 11,55. Тираж 120000 экз. Изд. № 2762. Заказ № 2988. Ордена Ленина и ордена Октябрьской Революции типография газеты «Правда» имени В. И. Ленина. 125865, Москва, А-47, ГСП, улица «Правды», 24.

ОТЧИЙ ДОМ

Стихи Андрея ДЕМЕНТЬЕВА.
Музыка Евгения МАРТЫНОВА.

Радость или грусть нас ждут потом...
Но всему начало—отчий дом.
Там у колыбели матери нам пели
Песню любви.
Вновь сейчас во мне звучит она.
Ждет меня наш домик в три окна.
Близко ли, далеко—свет родимых окон
Вечно не померкнет для меня.

Припев:

Как живешь ты, отчий дом,
В светлой грусти о былом?
Я у дома, у крыльца родного
Встречи жду и вновь пою.

Здравствуй, милый отчий дом!
Будь за нас спокоен.
Днем и ночью—ты всегда, всегда со мною.
Я согрет твоим теплом.

Сколько бы на свете мне ни жить,—
Век его доверьем дорожить.
Но уж так ведется, юность расстается
С домом родным.
Годы, словно сны, над ним летят.
Я ловлю душой отцовский взгляд.
Мама дни и ночи ждет желанной почты.
Помните об этом, сыновья!

Припев.

КРОССВОРД

Составил Г. ПЕТРОВ,
Рига

По горизонтали:

6. Орган местного самоуправления в некоторых зарубежных государствах. 7. Массовое народное гулянье. 9. Один из видов спорта. 11. Лесной кустарник. 12. Древнегреческий скульптор. 14. Крепость в старинных русских городах. 15. Плод пальмы. 17. Специальный костюм космонавта. 18. Область распространения жизни на земном шаре. 20. Черноморский курорт в Краснодарском крае. 23. Страна в Африке. 24. Мелкая монета стран Ближнего Востока. 25. Участница подпольной комсомольской организации «Молодая гвардия». 27. Столица Австралии. 28. Овощное растение. 29. Высшее музыкальное учебное заведение.

По вертикали:

1. Снаряжение военнослужащего. 2. Герой оперы В. А. Моцарта. 3. Скульптор, автор памятников А. С. Пушкину и М. Ю. Лермонтову. 4. Полярная птица. 5. Древнегреческий астроном, географ и картограф. 8. Художественная соразмерность, композиция произведения. 10. Повесть о литературной. 13. Персонаж романа Д. Дефо «Робинзон Крузо». 14. Город в Сумской области. 15. Производственное объединение в СССР. 16. Очковая змея. 19. Северная ягода. 21. Советская поэтесса. 22. Маршал Советского Союза. 25. Один из Нормандских островов. 26. Французский писатель, лауреат международной Ленинской премии «За укрепление мира между народами».

ОТВЕТЫ
НА КРОССВОРД
НАПЕЧАТАННЫЙ
В № 22

По горизонтали:

5. Батат. 6. Уголь. 7. Бакбо. 11. Титан. 13. «Штурм». 14. Гобой. 15. Ханой. 18. Мандолина. 20. Ирригация. 23. Колокольчик. 25. «Полночь». 26. Артикль. 29. Вьетчи. 30. Вьетбак. 31. Лемуры. 32. Луконин. 35. Бамбук. 38. Меконг. 40. Никель. 41. Тропик. 42. Аниис. 43. Донг.

По вертикали:

1. «Казань». 2. Марш. 3. Нгэм. 4. «Глаза». 8. Ананас. 9. Олово. 10. Суперфосфат. 11. «Туонг». 12. Арахис. 16. Завод. 17. Фильм. 19. Лекторий. 21. Искатель. 22. Пионерка. 24. Солоухин. 27. «Кьеу». 28. Рами. 33. Кальки. 34. Нектар. 36. Банан. 37. Кокос. 38. Мопад. 39. Кокон.

НА «БУРАНАХ» В ПУРГУ

Начало на 31-й стр.

— Работаем, стараемся, вынуживаем машину, а она попадает в нерадивые руки и вот так бездарно гибнет. Купил ее какой-нибудь лихач для развлечения и сразу начал удивлять всех скоростью, разными трюками. Машина не обкатана, детали не притерлись—что-то вышло из строя, чтобы завести, он ее паяльной лампой начал разогревать да от небрежности впопыхах и спалил.

«Буран» — это рабочая лошадка. Бережно обращаться — так ей цены не будет. Двух человек везет да еще прицеп килограммов в триста.

— Охотники и пастухи пока еще с опаской переходят на снегоходы, — вмешался в разговор Гришечкин. — Первые модели были ненадежные. Сейчас машина стала выносливее, но старое помнят долго. Цена тоже отпугивает. Рыбинское объединение выпускает «Буран» как побочную продукцию — ширпотреб. Отсюда и высокая себестоимость. Да и рекламируют их как прогулочные яхты, а надо как грузовики: машина-то для работы.

...От тепла и еды сморило. Но отдыхать некогда. До города не близко. Пурга разгулялась не на шутку.

Но обратно добрались быстрее. Перед городом мощные бульдозеры разгребали занесенную дорогу, шинеротаторы толстыми струями отбрасывали снег на обочины. В Норильске самая мощная в мире служба снегоборьбы, иначе нельзя: остановится

ИСПЫТАТЕЛИ И КОНСТРУКТОРЫ ПРОДОЛЖАЮТ «ДОВОДИТЬ» СНЕГОХОДЫ, А СПОРТСМЕНЫ УЖЕ ПРОВОДЯТ НА НИХ УВЛЕКАТЕЛЬНЕЙШИЕ СОРЕВНОВАНИЯ, ВО ВРЕМЯ КОТОРЫХ И СДЕЛАНЫ ЭТИ СНИМКИ.

транспорт, замрет жизнь в городе. Лишь снегоходам безразлично: едут они по дороге или тундре.

В гараж вернулись около девяти вечера. Подсчитали «потери». Виктор слегка обморозил щеки. Михаил не заметил, как завернулась рукавица и кожу на запястье сразу прихватил мороз. Я с гордостью обнаружил, что не пострадал, но тут же сообразил, что это потому, что у меня была возможность следить за собой, в то время как внимание испытателей было целиком поглощено машинами.

Домой смогли уйти только в одиннадцатом часу. Необходимо было записать в журнал результаты поездки, проанализировать поломки, отладить машины для завтрашней поездки.

Пурга стихла, видимо, тоже утомилась. Над головой висели высокие холодные звезды, скрипел под ногами сухой от мороза снег. Дома засыпали, а на улицах в свете фар и фонарей возились, словно огромные чудовища, снегоочистительные машины. В городе со снегом бороться необходимо, в тундре с ним лучше помириться и использовать его как асфальт.